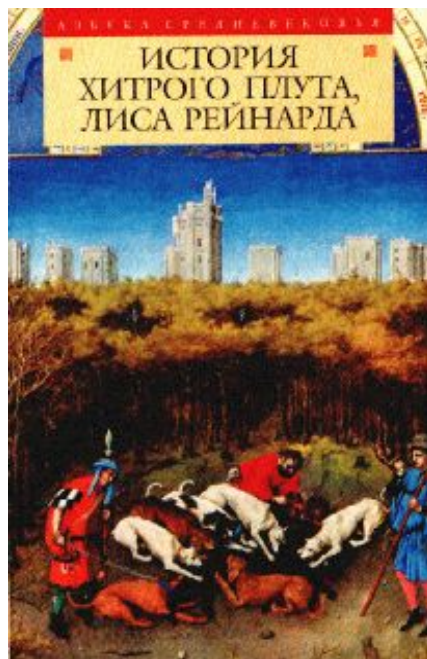

Средневековая литература История хитрого плута, лиса Рейнарда

OCR Busya <http://www.lib.aldebaran.ru>
«История хитрого плута, лиса Рейнарда», серия «Азбука Средневековья»: Издательство
«Азбука-классика»; Санкт-Петербург; 2004

Аннотация

«История хитрого плута, Лиса Рейнарда» – единственная прозаическая версия «Романа о Лисе», эпохального произведения длиной в двадцать тысяч строк, появившегося в конце XII – начале XIII века. Она была написана и опубликована Уильямом Какстоном, который привез первый печатный станок на Британские острова, и стала одним из первых образцов подлинного «rip-fiction». Спустя пять с половиной сотен лет «История хитрого плута, Лиса Рейнарда», адресованная занятому междуусобными войнами читателю, не менее актуальна, чем во времена Алой и Белой розы. Хитрый Лис Рейнард – воплощение изворотливости средневековых юристов, стряпчих, придворных интриганов и шарлатанов-лекарей. Веками представители этих профессий учились на примере Рейнарда, как найти выход из самой безвыходной ситуации, как не только отворотиться, но и выставить себя героем-победителем, истинным спасителем короля, ревнителем веры, охранителем морали. Мы рекомендуем эту книгу современным студентам как незаменимое пособие по овладению азами ремесла. И к тому же, несмотря на все свои «подвиги», Лис Рейнард не просто «рыжий», но и самый симпатичный герой во всем зверином царстве.

Без автора

История хитрого плута, лиса Рейнарда

Hyer begynneþ thystorye of Reynard the Foxe

Printed by William Caxton London . 1481

Перевод с английского Любови Шведовой

Автор проекта Николай Горелов

Об Осле, который не хотел идти на созванный Львом парламент.

Лев издал эдикт о том, чтобы все животные явились к нему, а когда они собрались, спросил, кого нету. Ему ответили, что отсутствует один Осел, который с удовольствием пасся на сочном зеленом лугу. Чтобы его привести, Лев отправил Волка, поскольку тот силен, и Лиса, поскольку умен. Добравшись до Осла, они

объявили ему, что он должен появиться перед Львом, подобно остальным животным, чтобы смиренно выслушать его эдикт. Осел ответил, что наделен привилегией, избавляющей его от всевозможных эдиктов и запретов, какие только будут изданы. Посланцы попросили показать им привилегию, и Осел согласился. Тут между Волком и Лисом возник спор, кому привилегию читать; жребий выпал Лису, попросившего Осла показать ее. А Осел ответил: «Тщательно прочти то, что написано под задней правой ногой». Лис подошел, и от удара у него вылетели глаза. А Волк на это: «Самые знающие среди клириков отнюдь не самые осторожные».

Одо из Черитона. Басни. XIII век

РОМАН О РЫЖЕМ

Мир плутоватого Лиса, хоть и создавался не один день, суть плоть и кровь средневековой культуры. Стенографисток в то время еще не существовало, и сухие документы не демонстрируют во всей красе прения сторон настолько, насколько это удастся перевоплотившимся животным. Суд над Рейнардом – лучшая запись судебного процесса, дошедшая до нас от времен весьма неблизких. Она раскрывает не столько букву закона (а законы писались в изобилии), сколько суровую реальность происходящего. Цикл «Романа о Лисе» хорош тем, что это модель, слепок с живой действительности, готовый существовать с этой действительностью параллельно и на равных правах.

Ученые мужи на протяжении столетий спорят о том, откуда взялся «Роман о Лисе». Плут Рейнард проник в курятник, где на насестах сидели рыцарские романы, абсолютно неожиданно и поселился там надолго. Из всех известных циклов «Роман о Лисе» по своей сложности и разветвленности уступает разве что преданиям о короле Артуре. Когда речь заходит о лисьей национальности, одни, вслед за Якобом Гриммом, склонны считать его германцем (в пользу этого говорят значимые имена в романе), другие склонны видеть в Лисе французского персонажа. Из версий, известных ныне, самые древние принадлежат действительно старофранцузской словесности. Однако не следует забывать, что первые изображения плута появились задолго до самого романа и находятся на территории Английского королевства, где в те времена правил французский язык. Так что число претендентов вряд ли сужается.

«Роман о Лисе» появился не на пустом месте. Ему предшествовала многотысячелетняя басенная традиция, изображавшая лиса мошенником и плутом. Сыграла роль и еще одна, существенная, деталь. Лис – рыжий парень, а доверия к рыжим в европейской культуре никогда не было. В XIV веке детей пугали Рыжим Иудеем, в одном из трактатов по физиогномике говорится: «Волосы рыжие, густые и прямые обозначают весьма зловредного, высокомерного, самонадеянного, завистливого, злобного обманщика и хитроватого. Волосы рыжие и тонкие обозначают скрывающего гнев и часто замышляющего многие козни, более молчаливого, но составляющего про себя злые планы. Волосы тонкие, рыжие и кудрявые обозначают более гневливого и долго помнящего зло, льстивого и не соблюдающего в совершенстве договор любви. Волосы рыжие, густые и кудрявые обозначают высокомерного и чванливого, легкого, бодрого притворщика или лжеца, однако весьма милостивого в товарищеских отношениях и по настроению много тратящего»¹. В латинской поэме «Руодлиб», первом из рыцарских, авантюрных романов, сохранившихся до нашего времени в двух рукописях XI века, король дает Руодлибу совет: «Никогда не выбирай себе рыжего друга,

¹ Перевод с лат. Д. Захаровой. Традиция эта давняя, еще в «Физиогномике», приписываемой Аристотелю, сказано: «Огненно-рыжие коварны; это подтверждается на примере лисиц».

ибо в гневе он всегда забывает о верности, ведь зловещие признаки сочетаются с гневом неутихающим. Хотя он и добр, однако в нем сидит обман, которого избежать не сможешь, да еще сам замараешься: дотронешься до дегтя – и под ногтями грязи не вычистишь» (фрагмент 5, строки 451 – 456). Ассоциации были прямые и очевидные. Лисица не самый популярный персонаж Эзоповых басен (в этом она уступает и собакам, и льву, и ослу), зато на одном из папирусов весьма сомнительного содержания изображены фривольные забавы животных, подражающих людям, в том числе и лисы. Лисица оказалась среди персонажей, запечатленных «Физиологом»: «Лиса – это очень коварное животное, оно порождает обман. Как проголодается и не обнаружит, чем наестся, то ложится отдыхать в расщелине на соломе, распластается на спине и затаит дыхание. А птицы, решив, что она умерла, спускаются на нее, чтобы склевать, но она хватается их и снова ложится. Так птицы погибают дурной смертью. А дьявол во всем уже тоже мертв, равно как и дело рук его. И те, кто хотят приобщиться плоти его, умирают. Из плоти его исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления (Мтф. 15, 19). Так и Ирод был уподоблен лисице (Лук. 13, 32). И записаны слова Спасителя: *Лисы имеют норы* (Мтф. 8, 20; Лук. 9, 58). А в „Песне Песней“: *Ловите нам лис, лисенят, которые портят виноградники* (Песн. 2, 15). И Давид в 62-м псалме: „Станут добычей лис“. Хорошо Физиолог сказал о лисе». В средневековых bestiариях рассказ о притворившейся мертвой лисе оказался дополнен впечатляющей деталью: лиса, перед тем как притвориться мертвой, «валяется в красной грязи, чтобы казалось, будто она изранена», а для большей достоверности высовывает из пасти язык. Среди литературных прототипов «Романа о Лисе» называют в первую очередь две латинские поэмы «Избавление узника, описанное через аллегорию» и «Изенгрим». «Избавление узника», созданное в XI веке, выводит на первый план Волка, пойманного им Теленка и Выдру, история Лиса, враждующего с Волком из поколения в поколение, становится центральным сюжетом, по отношению к которому бегство сообразительного Теленка из когтей Волка представляет рамочную фабулу¹ Участь Волка незавидна: своими рогами Бык пригвоздил его к стволу дерева. Поэма Ниварда Гентского «Изенгрим» была закончена около 1148 года (после неудачи Второго крестового похода)², в ней Волк также выступает в роли главного действующего лица, а Лис Рейнард – неперемогенного злодея, мстящего Волку за единожды произнесенную угрозу: «Ты станешь добычей моей!».

Немало в «Романе о Лисе» позаимствовано из сборников средневековых новелл или примеров. Уже основоположник этого жанра Петр Альфонсин (иудей по рождению, принявший в 1106 году крещение и с тех пор разоблачавший своих бывших сородичей с упорством неопфита) включил историю о Лисе в свою книгу «Наставления клирикам»³: «Рассказывают об одном пахаре, чьи быки отказывались вести прямую борозду. Он на них: „Волки съедят вас!“ Волк, услышав это, затаился. И вот, когда день стал клониться к вечеру и пахарь выпряг быков из плуга, Волк пришел к нему со словами: „Отдай мне быков, как ты обещал!“ А пахарь: „Я клятвой своих слов не скреплял“. А Волк ему: „Я должен получить то, что мне обещано“. Они договорились, что отправятся к судье, а по дороге им встретился Лис. „Что за тяжба?“ – спросил хитрый Лис. Они поведали Лису о том, как все было. „К чему вам искать другого судью, я смогу вас рассудить как следует. Но прежде позвольте мне

¹ Русскому читателю известна как раз эта, рамочная, часть, опубликованная в переводе. Е. Грабарь -Пассек, – см.: Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972.

² Отрывки из поэмы переведены на русский язык М. Л. Гаспаровым (см.: Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 461 – 468).

³ Отдельные новеллы из «Наставлений клирикам» переводились Т. А. Миллер (Памятники средневековой латинской литературы X-XII веков. М., 1972. С. 177-180) и С. В. Поляковой (Средневековые латинские новеллы. Л., 1980. С. 308 – 331).

посоветоваться сначала с одним из вас, а потом с другим, и, если я смогу привести вас к согласию без суда, я не буду оглашать решение; если же нет – устроим прения". На том и порешили. Лис сперва уединился с пахарем и говорит: „Если дашь одну курицу мне и еще одну – моей супруге, то получишь быков!" Пахарь согласился. Тогда Лис сказал Волку: „Послушай, друг, твои заслуги требуют того, чтобы я постарался ради тебя. Вот я тут говорил с пахарем, и он, если ты отдашь ему быков в целости и сохранности, обещает выдать тебе головку сыра размером с большой щит". Волк на это согласился. Тогда Лис добавил: „Позволь пахарю увести своих быков, а я отведу тебя туда, где у него припасены сыры, чтобы ты выбрал тот, который тебе больше всего понравится". Волк, поддавшись на хитрость Лиса, позволил пахарю уйти вместе с быками. Лис, шныряя то туда то сюда, старался сбить Волка с пути. Наконец настала ночь, и тут Лис привел Волка к глубокому колодцу. В это время в небе прямо над колодцем стояла полная луна, которая отражалась на дне, и вот Лис показал это отражение Волку и говорит: „Это и есть тот самый обещанный сыр! Спускайся, если хочешь, и ешь!" А Волк: „Спускайся ты первый, и, если не сможешь поднять одной головки, клянусь, сделаю, что скажешь". При этих словах они увидели веревку, которая спускалась в колодец, к одному концу веревки было привязано одно ведро, а к другому – другое, и они висели так, что когда одно спускалось, другое поднималось. Едва Лис это увидел, он, будто послушавшись Волка, сел в ведро и спустился на дно. Обрадованный, Волк стал спрашивать: „Чего ты не несешь мне сыру?" А Лис: „Не могу, слишком уж он большой, садись в другое ведро и спускайся, как ты и клялся". Когда Волк сел в ведро, то от большого веса оно тут же спустилось вниз, а другое, с Лисом, поднялось вверх: он -то был легче. Лис молча вылез из колодца и оставил Волка на дне. Как тот, кто ради будущего отказывается от вещей, которые имеет сегодня, Волк не получил ни быка, ни сыра». Петр Альфонсин также упоминает и историю о том, как Лис встретил на полях только что родившегося Мула и пожелал узнать о его происхождении.

Первоначально Мул отвечал, что его дед – благородный конь, но с годами эта история обрастала все новыми и новыми подробностями и в пересказе знаменитого проповедника Якова де Витри (ум. 1240) уже выглядела так: «Человек умирает быстро, век его недолог, часа своей смерти он не ведает, поэтому следует ему, минуя многое, устремиться к самому необходимому. Любопытные же по глупости своей пытаются разузнать о том, до чего им не должно быть дела, и этим они подобны Лису, которой, подойдя к Мулу, спросил: „Что ты за животное: лошадь или осел?" А он в ответ: „Что тебе? Я – тварь Божья". А Лис: „Да вот хочу узнать о твоём происхождении". И поскольку Лис настаивал, Мул ответил: „Я – внук славного боевого коня короля Испании". А Лис: „Кем был твой отец, а твоя мать?" Возмущенный и разгневанный, Мул ответил: „На подкове правой задней ноги записана вся моя родословная". А когда Лис подошел, чтобы прочесть буквы, Мул поднял ногу, ударил Лиса и убил его».

Каждый автор переделывал сюжет в соответствии со своими целями. Одо из Черитона – а его версия более поздняя, чем рассказ Петра Альфонсина, – писал: «Как -то раз Лиса случайно угодила в ведро и оказалась на дне колодца. Появился Волк и спросил, что это Лисичка там делает. „Мой сотоварищ, о если бы ты мог присоединиться ко мне, ведь здесь так много отменной, большущей рыбы!" Изегрим спросил: „А как мне туда спуститься?" Лисичка ответила: „Там, наверху, висит ведро, полезай в него и спустишься". А было в колодце два ведра, так что когда одно опускалось, другое поднималось. Волк залез в то ведро, что было наверху, и стал спускаться, Лиса при этом поднималась кверху. Вот они встретились, и Волк спросил: „Мой сотоварищ, куда же ты?" Лиса ответила: „Я уже наелась и поднимаюсь, а ты спускайся – и увидишь чудо". Несчастный Волк спустился, но не обнаружил ничего, кроме воды. Поутру пришли крестьяне, достали Волка и забили его до смерти».

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать о том, что средневековому Лису присуща половая двойственность. Волк – он всегда Волк, известный под именем Изегрим (оно возводится к словосочетанию «isen grim» – «твердый шлем»), у него есть жена (к которой Рейнард Лис упорно пристаёт), дети, все как подобает. Кроме того, Капитолийская

волчица однозначно определяла негативную окраску именно мужского образа. С Лисом иначе: слова позволяли обозначать этого зверя то в мужском, то в женском роде. Рейнард (его имя могло произойти из фразы «надежный совет») несомненно мужчина, но постоянная перемена пола в отдельных новеллах напоминает об истории, рассказанной Эзопом: «Говорят, что гиены каждый год меняют свой пол и становятся то самцами, то самками. И вот однажды гиена, встретив лисицу, стала ее корить: она, гиена, хочет стать ей подругой, а лисица ее отвергает. Но та ответила: „Не меня кори, а свою породу – из-за нее не могу я знать даже, будешь ли ты мне подругой или другом"»¹.

Латинская поэма Ниварда Гентского написана в те же годы, что и первые французские рыцарские романы: «Роман о Фивах», «Роман об Александре», «Роман о Бруте» Васа и «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора. Начальные ветви «Романа о Лисе» появились в то же время, что и поэмы Кретьена де Труа (60-е – 90-е годы XII века). Деление на куртуазную и городскую культуру, к которому многие привыкли здесь, оказывается «не с руки»: романы о Лисе Рейнарде и романы о рыцарях Эреке, Клижесе, Ивене – явления одного порядка. Повествование о Лисе создавалось не один день, с годами оно обрастало новыми ветвями, перипетиями и подробностями. Можно интерпретировать появление этих ветвей по-разному: за каждой из них стоит конкретный сюжет, который может быть пересказан весьма кратко и немногословно. Рискованно судить о том, что здесь первично, хотя большинство собраний примеров или кратких историй датируется более поздним временем, чем основные ветви романа. Истории о Лисе играли немалую социальную роль. Так, в устах Якова де Витри, читавшего проповедь, случай с Кроликом, которого поставили рассудить Лиса и Волка, приобретает особую трактовку: «Рассказывают, что у Волка была тяжба с Лисом. Он обвинял Лиса в воровстве и обмане, ибо Ягненка, которым Волк мирно владел, Лис коварно похитил. Лис же в свою очередь выдвинул против Волка обвинения в грабеже и насилии. Они сошлись в том, что подходящим судьей в этом деле будет Кролик, перед которым они и будут спорить о воровстве, грабеже и обмане, ибо Кролик в этом во всем хорошо разбирается и в обычае у него воровством добывать на жизнь. После продолжительных прений Кролик – то есть алчный и лживый прелат – сказал: „Хочу, чтобы между вами был мир. Я хочу обвинить нейтральную сторону. Поступайте так, как прежде, – как жили, так и живите! А вот пусть лучше сюда приведут Агнца, чтобы я осудил его". На суде присутствовали собаки, коршуны и вороны, которые согласились с осуждением Агнца и выступили против него свидетелями, рассчитывая получить свою долю добычи. Когда привели Агнца, Волк сказал: „Ты обещал мне хлеб, но этого не исполнил". Лис добавил: „А ты мне обещал меру пшеницы – и не исполнил". Тогда Агнец сказал Кролику, дрожавшему между Лисом и Волком: „Как я мог обещать Волку хлеба, ибо он его не ест, или пшеницу Лису!" А Кролик – или жадный прелат – заявил, что собаки, коршуны и вороны выступили свидетелями в пользу Волка и Лиса, и вынес такое решение: „Поскольку Агнец не может исполнить обещание, я в качестве залога возьму его шкуру, то есть внешнюю субстанцию, Волк и Лис – жадные архидьяконы и сельские деканы – поделят между собой мясо, коршуны и вороны – приближенные и слуги – кишки, печень и легкие, а собаки – или светские правители – обглодают кости и жадно выпьют кровь бедняков"... Шкура означает движимое имущество, кости – имущество недвижимое и передаваемое по наследству. Едят плоть и пьют кровь, поскольку то, что нажито потом и трудами плоти, забирают насильно. Кишки, печень и легкие пожирают, когда похищают то, что добыто волнениями и тревогами. Вот как плохо поступают с невинными, когда судьей назначается вор и нечестивый из нечестивых, когда с помощью лжесвидетелей бедняков грабят те, кто их должен защищать!» Подобному толкованию гражданского процесса могли бы позавидовать многие (даже современные) ораторы, подвизавшиеся в политике.

За отдельными ветвями романа порой стоят и вовсе незатейливые истории. Так

¹ Пер. М. Л. Гаспарова (см.: Басни Эзопа. М, 1968). В европейской традиции половым диморфизмом обладали три существа: гиена, кролик и ласка.

хрестоматийная басня о вороне и лисице превращается в историю Рейнарда и Корбанта, пересказать которую можно в нескольких словах, как это сделал Яков де Витри: «Когда ворон держал сыр в клюве, лисица, которую зовут Рейнардом, принялась нахваливать, что он хорошо умеет петь и что отец его, Корбант, пока был жив, всегда славился среди птиц своим пением, и еще принялась она уговаривать ворона, чтобы тот спел, ибо пение его для нее так приятно. И вот ворон, вняв пустым похвалам, раскрыл клюв, чтобы спеть громким голосом, а сыр выпал у него из клюва, а Рейнард, добившись своего, похитил сыр и скрылся». Примечательно, что автор изображает своего персонажа одновременно и в мужском, и в женском роде. Сюжет о Рейнарде и Шантеклере был пересказан в одном из сборников басен, приписываемых Эзопу, следующим образом: «Множество людей, не задумываясь о последствиях своих слов, говорят такое, из-за чего позднее им приходится раскаиваться и терпеть немало невзгод. Послушай-ка басню. „Как-то раз лиса, почувствовав голод, отправилась в деревню, нашла там петуха и сказала ему: „О господин мой петух, до чего прекрасный голос был у моего господина, отца твоего. Я пришла сюда, чтобы послушать твое пение. Прошу тебя, запой громким голосом, чтобы я, послушав, могла определить, твой или отцовский голос звучит лучше“. И петух, напыжившись и закрыв глаза, принялся петь. Лиса набросилась на него, схватила и потащила в лес. Жители деревни побежали за нею вслед, приговаривая: „Что это лиса утащила нашего петуха“. Тогда петух сказал лисе: „Послушай, госпожа, о чем это там толкуют грубые крестьяне. Скажи им, что петух, которого ты несешь, принадлежит тебе, а не им“. И вот лиса, выпустив петуха из пасти, произнесла: „Да своего петуха несешь, не вашего!“ Петух взлетел на дерево и добавил: „Лукавишь, госпожа моя, лукавишь. Ведь я их, а не твой“. И лиса, ударив себя по устам, ответила: „О уста, что говорите, чего мелете, кабы вы промолчали, то не упустить вам своей же добычи“. Так и многие помногу говорящие люди не могут избежать неприятностей». Этот сюжет (вторая ветвь романа) в XIV веке был использован Джеффри Чосером в «Кентерберийских рассказах». Чосер вложил в уста монастырского капеллана «Рассказ о петухе и курочке – Шантеклере и Пертелот», сдобрив весьма бесхитростную историю обильными сентенциями и классическими аллюзиями.

Третья ветвь «Романа о Лисе» также упоминается в проповедях Якова де Витри: «Слышал я о лисе, которого в народе называют Рейнардом, что он мирно приветствовал птичку, которую по-французски называют синицей, а она ему говорит: „Откуда идешь?“ А он: „С королевского собрания, где был клятвенно утверждён мир между всеми зверями и птицами. А поэтому, прошу тебя, давай поцелуемся примирения ради“. – „Боюсь, как бы ты меня не схватил“. А ей Рейнард: „Подходи, не бойся, я закрою глаза, чтобы тебя не поймать“. Птичка подобралась ближе и стала летать вокруг, он же, разинув пасть, попытался ее схватить, но она успела ускользнуть от лиса, который хоть и дал клятву, однако был готов нарушить мир».

Порою о том, был ли позаимствован сюжет для пополнения коллизий «Романа о Лисе» или, наоборот, проник в новеллистическую литературу из романа, судят по присутствию или отсутствию у зверей имен собственных. Известно, что большинство из этих имен значимы. Медведь Брюн – «бурый», петух Шантеклер – «поющий зарю», собака Кортойс – «придворный лизоблюд».

«Роман о Лисе» весьма быстро распространился по Европе и шагнул в пограничные с французским языком страны. К концу XII – началу XIII века относится фрагмент (всего 668 строк) стихотворного романа «Райнеке Лис»¹, написанного на языке, бытовавшем в Эльзасе (две другие, полные рукописи «Райнеке лиса» относятся к XIV веку). Эльзасский роман – первое произведение, где отдельные ветви цикла о Лисе были сложены в единое целое. Хотя созданная во Фландрии поэма «Рейнард Лис» сохранилась только в рукописях первой половины XIV века, однако анализ ее содержания позволил датировать это произведение

¹ Можно указать на весьма интересный перевод реконструкции этого романа, выполненный Львом Гинзбургом (Рейнеке-лис: поэма XV века / Пер. Л. Гинзбурга. М, 1978).

рубежом XII – XIII веков, ведь именно в это время жили упоминаемые в поэме клирики и каноники. Франко-итальянская поэма «Райнардо и Лезенгримо» известна в двух рукописях XIV и XV века и представляет собой перевод отдельных ветвей романа, выполненный скорее всего еще в начале XIII века. Все это говорит о том, что роман не просто оказался популярен – он расхodziлся по рукам, переписывался и дополнялся с невероятной быстротой. В конце XIII века в недрах итальянских канцелярий появилась новая интерпретация романа – переписка короля Льва со своим придворным, Зайцем. Цель составления подобного рода документов очевидна. С одной стороны, лишний раз отточить свое перо в делопроизводстве, с другой – посмеяться над собственным трудом и соратниками по канцелярии, погрязшими во всякого рода реестрах и рескриптах.

«Послание Льва Ослу и Зайцу, с тем чтобы они доставили к нему Лиса»

Могущественный король Лев приветствует зверей – Зайца и Осла, своих преданных слуг. В то время как все дикие звери и все множество земных тварей, как домашних, так и свирепых, находятся в нашей власти и повинуются нам, один только Лис, виновный в обмане и заговорах, остается непокорным, не веря в истинное величие могущества нашего. И хотя его неоднократно вызывали, он не пожелал появиться при нашем дворе. А ведь из-за его уклонения наш суд завален тяжбами, и жалующиеся на него не могут получить никакого удовлетворения. Поэтому, полагаясь на вашу преданность, я повелеваю, чтобы вы как можно скорее позаботились доставить этого убийцу в суд – пусть он законным образом и в нашем присутствии представит в день седьмых календ апреля (25 марта) ответ на обвинения, выдвинутые против него петухами и курами. А о том, как вы его доставите, когда, в чьем присутствии и что вы будете там делать, сообщите нам лично, письменно и надлежащим образом.

Ответное донесение Зайца Льву

Могущественному царю царей, повелителю всех зверей и животных, какие только обитают на свете, великолепному и величественному господину Льву. К его стопам припадает устами Заяц, смиренный и преданный слуга. Мы приняли королевское послание, склонившись перед ним и прочитав его самым что ни на есть внимательным и преданным образом, а засим, согласно Вашему повелению, мы устремились к исполнению Вашего поручения и в сопровождении надежных свидетелей без промедления отправились, чтобы призвать Лиса, которого мы обнаружили на весьма отвесной, невероятно высокой и ужасной Менале, где ни человеку, ни зверям пробраться не просто. По его внешнему виду можно было сказать, что в намерениях у него бунт, никак не покорность. И поскольку нам было не по силам взобраться на подобную кручу, ибо один из нас был слишком тяжел, а на другого напал страх, мы попросили подняться наверх нашего преданного друга и поверенного в делах господина Козла Бородатого, умудренного возрастом и сведущего во всем. Он, согласившись на это после долгих уговоров, поднялся наверх и сообщил Лису, притворившемуся больным, о причине и поводе нашего прибытия. Ему едва удалось добиться того, чтобы Лис заговорил с нами из своей пещеры, расположенной на самой вершине, однако он не пожелал спуститься и принять королевский приказ. Он просунул свою покрытую капюшоном голову сквозь расщелину и разразился словами, которые никак нельзя повторять при дворе, представив два оправдания. Во-первых, заявил, что страдает от тяжелой болезни. Во-вторых, возвратившись к миру в сердце своем, в искупление своих преступлений, совершенных в прошлом, он принял монашеский обет и за прочее отвечает перед Царем Небесным, а не царем зверей, стал отшельником, предался размышлениям и не собирается более возвращаться к мирской жизни. И, желая показать, что он обратился от порока к добродетели, самыми ласковыми словами попросил у меня прощения за все то

множество зла, которое он мне причинил, за преследования многие и бесчисленные, которым он меня подвергал. Однако, будучи в здравом уме, я уклонился от благодати примирения с подобным мошенником. Поскольку нам хотелось как можно больше узнать о его болезни, братец Осел, чьи познания во всех областях медицины широко известны, попросил Лиса показать мочу. По рассмотрении он не обнаружил в ней признаков какой-нибудь болезни, напротив, симптомы полного здоровья. Решив, что больше мы ничего не добьемся, мы спустились вниз и достигли усадьбы Мено, которая была расположена неподалеку, собираясь там переночевать. Но там царил великий горе, повсюду раздавались плач и причитания петухов и кур, страдавших из-за потери своих сыновей и дочек, которых пожрал Лис, так что мы уклонились от посещения этого места, чтобы не нарушать их траур. И вот, когда мы шли по лесной чаще, навстречу нам внезапно появился Волк, миролюбивый на вид. Он захотел отвести нас в свое жилище. Но брат Осел напрочь отказался от этого, сказав мне на ухо по секрету, что это корчма, куда есть вход, но откуда нет выхода, и в ней обитают звери-разбойники.

Приближалась ночь, и нам следовало подыскать себе место для отдыха. И тут внезапно перед нами появилась Обезьяна, спальничий господина Лиса, которая отвела нас в свое жилище и поставила перед нами куриц, цыплят, гусей, голубей и блюда из всех сортов птицы, чем утолила наш голод. Но – о горе! – с первым криком петуха поднялся переполох! Появился вор и разбойник Волк вместе со своими подельниками и стал стучать в дверь. Услышав их, я едва успел выбраться через створку, но мой сотоварищ Осел, слишком тяжелый и медлительный, чтобы бежать, оказался добычей и пищей для волчьей пасти. Я хотел бы сообщить об этом Вашему Величеству лично, но во время бегства переломал себе кости настолько, что не в силах припасть к стопам Вашего Величества, дабы поведать о подобных напастях. И все же да будет Вам угодно, покуда еще не поздно, обратить внимание на ту опасность, которая грозит судьбе Вашего королевства. Если не избавиться от нее в скором времени, распространится нечестие и приумножится зло, да настолько, что от него уже не поможет никакое лекарство. Ведь сказано:

*В самом начале болезнь пресеки – напрасны лекарства,
Если успеет она вызреть в упущенный срок ¹.*

Ведь если подобное случается с Вашими посланниками и легатами, то по отношению к Вашему Величеству могут поступить и того хуже».

Наряду с канцелярской сатирой излюбленной темой издевательств Лиса Рейнарда является монастырская жизнь и духовное сословие. Сам Лис неоднократно объявляет о принятии обета и желании отправиться в паломничество – искупать грехи. Его готовность повсеместно исповедоваться – отличный трюк, чтобы заполучить добычу. Одо из Черитона рассказывает следующую историю (седьмая ветвь романа): «Как-то раз Лис оказался в курятнике, и тут подоспели люди с плетями и отхлестали его так, что он сбежал, едва живой, через нору. Отполз в сторону, упал на стог сена и принялся стонать. Стал просить, чтоб позвали капеллана, который отпустит ему все грехи. Тут пришел Шантеклер, то есть Петух, это он у животных был капелланом. Опасаясь Рейнарда, он сел поодаль. Рей-нард исповедовался в своих грехах и между прочим стал тянуть к капеллану морду. Капеллан спросил: „Чего ты ко мне тянешься?“ А Рейнард ему: „Это от тяжелой болезни. Помилуй меня“. Между тем он поведал о других грехах и, раскрыв пасть, дотянулся головой до Петуха, схватил его и сожрал». О другой исповеди Лиса вспоминает Яков де Витри: «Вот что такое исповедь Лиса, которую во Франции называют исповедью Рейнарда. Его должны были повесить, и он отправился ко двору Льва в сопровождении Барсука, которому и исповедовался во всех своих грехах. Но в тот же день он увидел кур возле дома одного

¹ Овидий. «Лекарство от любви». 91 – 92. Пер. М.Гаспарова.

крестьянина и сказал Барсуку: „Отправимся по той дороге, которая ближе к крестьянскому долгу". Барсук ему ответил: „Несчастный, ты ведь только что исповедовался передо мной во всех своих грехах и в том, что ты сожрал множество кур, то же пообещал и Господу, что никогда больше не совершишь ничего подобного". А Лис ему: „Верно говоришь, но я об этом как-то позабыл"» (эта история нашла отражение в первой ветви «Романа о Лисе»).

Если монашество Лиса – образец ничем не прикрытого цинизма, то Волком движут жадность и зависть. «Изегрим захотел стать монахом. После долгих уговоров капитул согласился, он получил клобук, ему выбрили тонзуру. Приставили его читать. Надо говорить „Отче наш", а он всегда отвечает „агнец" или „баран". Монахи стали его учить смотреть на Распятие и Святые Дары, а он вечно пялился на агнцев и баранов. Так и многие монахи: твердят про барана, желают „доброго вина", пялятся на вырезку и в свою тарелку, поэтому в Англии говорят: „Сколько волка Псалтырь читать ни учи, а он все равно в лес смотрит"» (Одо из Черитона). Волк, желающий приобрести к привилегиям духовного сословия, постоянно терпит неудачу. Стоит напомнить сюжет, который нередко приурочивался ко времени Великого поста: «Рассказывают, что Лис коварно убедил тощего Волка ползти вместе с ним в кладовую, а Волк настолько объелся, что не смог вылезти в узкое окно, через которое они влезли, и пришлось ему поститься до тех пор, пока он не стал тощим, как прежде, – и все равно, когда вылезал, содрал себе шкуру». Душеполезное дело (пост) на поверку продиктовано необходимостью спастись от неминуемой гибели (и этому верили).

Жанр, который историки литературы пригвоздили ярлыком «клерикальной сатиры», на самом деле пример вполне здравого взгляда на рутину бытия и бесконечную череду обязательных обрядов. Это хорошо видно на примере еще одной истории, рассказанной Одо из Черитона: «О собрании зверей. Случилось Волку умереть, и тут Лев собрал всех зверей, чтобы справить похороны. Заяц тащил святую воду, ежики – свечи, козлы били в колокола, овцы рыли могилу, лисы несли погребальные носилки с усопшим, Беренгарий, то есть Медведь, справил мессу, Бык читал Евангелие, Осел – Послания. Справив мессу и похоронив Изегрима, звери хорошенько перекусили на его средства и пожелали повторить еще раз. Так оно и происходит после смерти богатого грабителя или ростовщика. Аббат собирает всех зверей, то есть тех, кто живет по-звериному. Частенько случается, что в толпе монахов, в одеждах черных и белых, всё одни звери: львы – грех гордыни, лисы – обман, медведи – ненасытность, зловонные козлы – похотливость, ослы – лень, ежики – язвительность, зайцы – трусость, ибо дрожат, даже когда бояться нечего, быки – земные труды». В рассказе, весьма кратком, каждой твари отведена своя роль (упорядоченность – куда ж без нее в те времена) и одновременно всякий зверь что-нибудь да символизирует.

У этого символизма, равно как и в самом поведении зверей, нет четкой определенности. Кот традиционно враг Лиса Рейнарда. «Лис, или Рейnard, как -то раз повстречал Тиберта, то есть Кота. Рейnard говорит: „Сколько ты знаешь хитростей и уловок?" Кот в ответ: „Только одну и знаю". – „А какую?" Кот говорит: „Как собаки погонятся за мною, я взбираюсь на дерево. А ты сколько знаешь?" – „Да шпук семнадцать и еще целый мешок, пошли со мной, обучу тебя своему ремеслу: собакам до тебя и вовсе будет не добраться". Кот согласился, и они отправились в путь вместе. Вышло так, что охотники с собаками погнались за ними. Кот говорит: „Слышу лай, и мне уже страшно". А Рейnard ему: „Не бойся, я научу тебя, как сбежать". Охотники с собаками подошли совсем близко, и тут Кот сказал: „Я с тобой дальше не пойду, лучше возьмусь за свое ремесло". И вспрыгнул на дерево. Собаки оставили его и погнались за Рейnardом и схватили его: одна за голень, другая за брюхо, третья за спину, четвертая за голову. А Кот, сидя наверху, прокричал: „Рейnard! Рейnard! Похоже, тебе пора развязать свой мешок, ибо все твои уловки выеденного яйца не стоят"». Однако в романе Кот однажды вступает за Лиса, защищая его перед своим более традиционным врагом, псом Кортойсом. Примечателен комментарий, который присовокупляет к этой истории Одо из Черитона: «Под Котом понимаем простака, который знает только одну уловку – подпрыгнуть в небо. Под Рейnardом мы понимаем адвокатов и судебных стряпчих – обманщиков, у которых семнадцать уловок, да еще полный мешок. И вот появляются охотники и псы преисподней и охотятся на людей: правые возносятся на небеса, а нечестивые, обманщики

попадают в лапы демонов».

Барсук Гримберт обычно заступает за своего родича, но Яков де Витри рассказывает такую историю: «Говорят, что барсук обладает следующими свойствами: зубами и когтями он делает себе нору в скале, а еще он – самое чистое животное и никакого зловонного запаха выносить не может. Зная это, коварная лиса оскверняет его нору, барсук уходит прочь, а лиса поселяется в доме, который не строила и ради которого не трудилась». Порою и лиса может оказаться потерпевшей стороной: «Орел похитил лисенка и не поддавался уговорам вернуть его. Тогда лиса развела под деревом большой костер, и орлята задохнулись от дыма. Поэтому не следует пренебрегать слабыми, ибо иногда они хитростью одерживают верх над сильнейшими, потому что способны не только убивать, но и прийти на помощь».

Одна из любимых профессий Рейнарда – медицина. Отношение к врачам всегда было настороженное, а смертность в те времена высокой. Поэтому история, поведенная монахом-доминиканцем Жаном де Шипи, доктором Оксфордского университета, с 1352 по 1360 годы занимавшего кафедру епископа Оксфордского, звучала вполне убедительно: «Однажды Лев, тяжело заболев, послал за Лисом, чтобы тот дал ему совет, как выздороветь. Лис пришел, осмотрел мочу, пощупал пульс и сказал: „Господин, ты тяжело болен, и причина твоей болезни в холоде, а поэтому тебе необходимо горячее лечение“». А Лев ему: „Магистр, скажи как“. И Лис, желая отомстить Волку, которого он ненавидел от природы, сказал Льву: „Господин, советую тебе обзавестись шубой из волчьей шкуры, ибо она подойдет тебе лучше всего и избавит тебя от всякого холода“. Лев поверил совету врача, приказал позвать Волка, содрал с него живьем шкуру и после этого отпустил". История эта была известна еще во времена Ниварда Гентского (в «Изенгриме» Волк пытался предложить вместо своей чужую шкуру), а в романе, предлагаемом ныне вниманию читателей, Лис и вправду оказывается сведущ в медицине (ведь находит же он траву, с помощью которой Льва по-настоящему можно вылечить).

Цикл преданий о лисе Рейнарде с XII до середины XV века существовал в двух ипостасях. С одной стороны, разраставшийся и ветвистый роман, написанный стихами и переведившийся то тут то там, с другой – краткие прозаические истории, поселившиеся на страницах сборников новелл и излагавшие сюжет каждой ветви романа по отдельности. Появление первого прозаического цикла почти совпало по времени с изобретением книгопечатания. Благодаря печатням «Роман о Лисе» обрел совершенно новую аудиторию. В Англию печатный пресс доставил Уильям Какстон. Торговец тканями по первой профессии и литератор по призванию, он трудился над переложением «Собрания историй о Трое», оказавшись по воле случая при роскошном дворе герцогов Бургундских, где его начинание было оценено герцогиней. Завершив перевод, Какстон решил дать ему широкое хождение и отправился вникать в суть только что появившегося книгоиздательского дела. В Брюгге он открыл типографию и издал в 1473 году свой перевод повестей о судьбе Трои. Четырьмя годами позже печатный станок был доставлен в родную Англию, где за восемнадцать лет книгоиздательской деятельности Какстон выпустил около сотни названий, причем двадцать четыре книги перевел или переложил сам. В 1481 году он взялся за «Роман о Лисе» и предложил публике первый ясный и общедоступный прозаический вариант. В основу перевода Уильяма Какстона легла голландская книга о Лисе, но по ходу работы переводчик кое-что дополнил и переделал, ведь Какстон был по совместительству издателем Чосера и других авторов, подвизавшихся на поприще «писописания». Книга Какстона стала наиболее популярным образцом переработки цикла преданий о Рейнарде в прозе. Как ни странно, сделать шаг от стихов к речи прозаической – задача не из самых тривиальных. Средневековые унаследовало от поздней античности романы прозаические: «Историю Аполлония, царя Тирского», книги Диктиса и Дареса о Троянской войне, «Повесть о рождении и победах Александра Македонского». Но крупномасштабные прозаические произведения на темы собственно средневековые (в первую очередь, рыцарские романы) относятся к началу XIII века. До тех пор пока не появилось книгопечатание, прозаический роман уступал в популярности сборникам новелл и повестей, куда нередко включались краткие пересказы сюжетов. Литературные интересы Уильяма Какстона, почувствовавшего, что будущее за *rip*

fiction, и взявшегося публиковать «Смерть Артура» и «Роман о Лисе», сыграли едва ли не решающую роль: ведь важно было почувствовать не только, что печатать, но и что станут читать.

Я. Горелов

История Лиса Рейнарда, изданная в 1481 году Уильямом Какстоном

Лев, волк и лис договорились поохотиться вместе. Лис поймал гуся, волк – тучного барана, лев – тощего быка. Собрались обедать. Лев спросил у волка, как разделить добычу. Волк сказал: «Пусть каждый полакомится тем, что поймал: лев – быком, я – бараном, а лис – гусем». Разгневанный лев поднял лапу и когтями содрал шкуру у волка на голове. Затем лев спросил лиса, что тот скажет. Лис ответил: «Вы, господин, отведайте тучного барана – сколько пожелаете, ибо у него нежное мясо, потом гусятины – по своему желанию и напоследок немного говядины – у быка ведь жесткая плоть. А объедки отдайте нам, вашим людям». Лев сказал: «Хорошо говоришь, кто тебя научил так отменно делить?» А лис в ответ, указывая на содранную шкуру: «Господин, красная шляпа моего сотоварища».

Одо из Черитона. Басни. XIII век

Так начинается история о Лисе Рейнарде

Вэтой истории читатель найдет притчи, аллегории и поучительные случаи о многих событиях. Эти истории помогут читателю обогатиться хитроумным знанием о тех вещах, какие повсеместно встречаются в мире: в светской жизни и в жизни духовной, а также среди купцов и простолюдинов. Эта книга написана для пользы и процветания всех добрых людей, коль скоро, читая ее или же слушая, смогут они понять и уразуметь упомянутые хитрые уловки, что происходят повсюду в мире. Не для того, однако, чтобы пытаться повторять их в своей жизни, но чтобы каждый мог их избежать и оградить себя от хитрых и гнусных

негодяев и не стать жертвой обмана. Тот, кто захочет проникнуть в самую суть истории, должен перечитывать эту книгу часто и многократно, должен серьезно и с усердием размышлять о прочитанном. Потому как эта книга изложена весьма хитроумно, вы и сами увидите, и прочесть ее следует не единожды. Ибо, прочтя ее единожды, человек не может усвоить ее истинный смысл и найти верное понимание, а правильно понять книгу позволит лишь частое и многократное прочтение. Тем же, кто достигнет сего понимания, эта книга доставит пользу, радость, удовольствие и будет благотворна.

Как Лев, король зверей, разослал приказ, чтобы все явились ко двору

Стояло время Пятидесятницы, или Троицы, когда леса становятся прекрасны и приятны для взора. Деревья оделись в листву и украсились бутонами, земля покрылась травой и ароматными цветами, сладкоголосые мелодии птичьего пения слышались повсюду. В эту пору, в эти священные праздничные дни, Лев, благородный король всего звериного мира, созвал всех в Стаден, желая узнать, как живут его подданные и что происходит в его владениях. И приказал он, чтобы к нему явился всякий зверь; и все звери его послушались и прибыли ко двору, и большие и малые. Не явился только Лис Рейнард, потому что знал он за собой вину и многие прегрешения против многих зверей, что там соберутся. И он не дерзнул явиться ко двору, когда король собрал всех зверей. И многие из тех, кто собрались при дворе, горько жаловались на Рейнарда.

Первая жалоба на Рейнарда Лиса от Волка Изегрима

Волк Изегрим с чадами и домочадцами пришел и встал перед королем. И он сказал:

«Великий и могущественный князь, милорд король, взываю к тебе, к твоему великому могуществу, праву и милосердию, чтобы ты сжалился над нами. Велики оскорбления и огромны унижения, что нанес Рейнард Лис мне и моей жене. Знай же, он вошел в мой дом против воли жены. И осквернил он моих детей тем, что помочился на них, отчего они стали слепнуть. И назначен был день, и решено было, что должен Рейнард прийти и оправдать себя и поклясться на священных книгах, что он не виновен. Но когда принесли ему священную книгу, то Рейнард внезапно передумал и отправился обратно в свою нору, как будто ему и дела нет. И, благородный король, многие звери, что собрались сегодня при дворе, это подтвердят. И немало еще обид он мне нанес, и нет на свете никого, кто мог бы рассказать обо всех его злодеяниях, о коих я умолчал. Но позор и бесчестье, какие навлек он на мою жену, я никогда не стану терпеть и не буду страдать неотмщенным. Он дорого заплатит мне за это оскорбление».

Жалоба Кортойса, гончего Пса

Когда Волк закончил свою речь, с места поднялся маленький Пес по имени Кортойс. И обратился он к королю с жалобой. В холодную зиму, в лютый мороз, был он в большой нужде, и остался у него один только мясной пирог, и не было другой пищи. И пирог этот отнял у него Рейнард Лис.

Потом заговорил Кот Тиберт

Тогда из толпы вышел Кот Тиберт, и был он сильно разгневан и сказал:

«Милорд король, я слышу, как многие здесь поносят Рейнарда, и никого нет, кто потрудился бы оправдать его. Жаловался и Кортойс. Много лет уж минуло с той поры, а я не жаловался, хотя пирог тот был моим. Это я раздобыл его ночью на мельнице. Мельник лежал и спал. А если Кортойсу что и перепало от того пирога, так только через меня».

Заговорила потом Пантера

«Думаешь ты, Тиберт, что не пристало здесь жаловаться на Рейнарда, а он ведь настоящий убийца, разбойник и вор, и никого он не любит, даже короля, нашего господина, как то должно быть. С легкостью оставит он и добро и честь, чтобы только заполучить одну жирную куриную ножку. Я расскажу вам то, что сама видела. Расскажу, что сделал он вчера с Зайцем Кивартом, который стоит здесь под защитой и охраной короля. Обещал он Киварту, что научит его Символу Веры, и тот станет добрым капелланом. Усадил он его у себя между лап, стал громко петь и кричать: „Верую, верую“. А я тогда проходила мимо и услышала эту его песню. Тогда я подошла ближе и увидела, что вдруг оставил мессир Рейнард свое пение и молитвы и стал играть в другую свою старую игру. Схватил он Киварта за горло, и, если бы не подоспела я тогда, он бы лишил его жизни. Посмотрите, и вы увидите свежие раны у Зайца Киварта. Ибо правду говорю, милорд король, если оставишь ты такое безнаказанным, и отпустишь с миром, того, кто нарушил наш покой, и не совершишь справедливого суда над своими подданными, через многие годы детей твоих обвинят в этом. И правду сказал ты, Изегрим, – уверенно продолжала Пантера, – добро и справедливость должны свершиться во благо тех, кто с радостью будет жить в мире и согласии».

Говорил потом Барсук Гримберт, сын сестры Лиса. Он защищал Рейнарда перед королем

Заговорил потом Барсук Гримберт, который был сыном сестры Лиса. Был он в гневе.

«Сир Изегрим, злые речи в обычае у врагов, они редко говорят добро. В чем ты

обвиняешь моего дядю Рейнарда? Кто из двоих более виноват перед другим, того и должно повесить как вора на дереве. Но будь он сейчас здесь и предстань перед королем, как ты сейчас, то тебе бы не отделаться тем, чтобы просто выйти перед всеми и просить у него прощения. Ты нанес ему раны, терзал дядю злобными и острыми зубами так много раз, что я и сказать не могу. Расскажу я лишь о некоторых вещах, какие знаю. Разве ты не помнишь, как несправедливо поступил с рыбой, которую он сбросил с повозки? Ты следовал за ним вдалеке и съел всю хорошую рыбу, оставив ему лишь хребет да кости, которые сам ты не мог съесть. Так же поступил ты и с жирным свиным окороком, что пах так ароматно. Ты один набил им свое брюхо, а когда дядя попросил свою долю, вновь ответил ему с презрением: „Рейнард милый, с радостью отдам твою долю". Но мой дядя ничего не получил и не добился справедливости. А это он, презирая страх и опасность, отвоевал тот свиной окорок. Ведь пришел человек и бросил его в мешок, так что он едва сумел спасти свою жизнь. И подобные обиды множество раз терпел Рейнард от Изегрима.

О милорды, думаете вы, что этого достаточно, но он еще жалуется на дядю моего Рейнарда, что тот оскорбил его, обидев жену. Мой дядя возлег с ней, но было это семь лет назад, еще до того, как Изегрим женился на ней. И если Рейнард получал с ней удовольствие, что из того? Вскоре она уже излечилась от любви к нему, и, значит, по праву не должен был Изегрим жаловаться. Ему не следовало упоминать об этом, ибо и себе не сделал он чести, возведя напраслину на свою жену. Она не выступала с обвинением и не жаловалась. И выступление Зайца против моего дяди, по-моему, просто глупость. Если он не усвоил урока как должно, разве не вправе Рейнард, его наставник, наказать его за провинность? Когда бы школьников не били, не наказывали и не взыскивали с них за леность, никогда они бы и не выучились.

Стал потом жаловаться Кортойс, как с огромным трудом добыл он себе мясо в зимнюю пору, в такое время, когда не найти никакой пищи. А следовало бы ему вести себя тихо, потому что он это мясо украл. *Male quesisti et male perdidisti*¹ – правда в этом, ибо добытое нечестным путем не принесет пользы. И кто обвинит Рейнарда в том, что он отнял у вора украденную добычу? Для всякого, кто столь же хорошо знаком с законом и различает, где правда, и кто так же благороден по рождению, как мой дядя Рейнард, – это яснее ясного. А он знает хорошо, как следует поступать с украденным добром. Вы все присудили бы Кортойса к повешению, когда бы он попался на воровстве. Дядя мой не столь уж грешен перед короной, он поступил справедливо, не получив на то соизволения, и в этом вся его вина. А в награду ему достаются не почести и слава, но одни лишь жалобы. Мой дядя – благороден и честен, он не потерпит ни лжи, ни обмана и шагу не ступит без совета своего священника. И говорю я вам, что, с тех пор как господин мой король объявил всеобщий мир, дядя и не помышлял причинять кому-либо вред. Ибо вкушает он пищу лишь единожды в день, живет подобно отшельнику, он истязает свое тело и носит власяницу, и более года уже не пробовал он мясной пищи. А вчера сказали мне, что он оставил свой замок и удалился в пещеру отшельника, где и живет. И не охотится он больше и не алчет никакой добычи, а живет лишь одной милостыней и подаванием людским и предается покаянию. И сделался он очень бледен и тощ от молитв и бдений, но счастлив он, что обратился к Богу».

Так защищал Гримберт своего дядю и говорил такие слова. И увидели все тогда, как спустился к ним с горы Петух Шантеклер и привез он на похоронных дрогах мертвую курицу, у которой Рейнард оторвал голову. И следовало показать это королю, чтобы он знал о том, что случилось.

Как Петух жаловался на Рейнарда

¹ Злом нажил, от зла и потерял (*лат.*).

Вышел вперед Шантеклер и жалобно всплеснул крыльями и распушил перья. По обеим сторонам его повозки стояли две печальные курицы, одну звали Кантарт, а вторую добрую курицу – Пестра. И были они две самые прекрасные курицы, каких только можно сыскать от самой Голландии до Ардерна. Каждая несла по горящей свече, прямой и длинной. Были они сестрами курицы Коппен. Они жалобно плакали и стонали о смерти дорогой своей сестры.

Две молодые курицы несли цыплят, а те кричали отчаянно и плакали так громко о смерти Коппен, своей матери, что слышно их было повсюду. И так пришли они к королю. И сказал тогда Шантеклер:

«Милостивый государь, господин мой король, выслушай нашу жалобу и ужаснись тому злу, что свершил Рейнард против меня и моих детей, которые здесь перед тобой. Случилось это в начале апреля, тогда стояла прекрасная погода. Я был счастлив и горд, ибо имел большую семью. Было у меня восемь прекрасных сынов и семь прекрасных дочерей, которых высидела моя жена. Все они были сильные, жирные и бегали во дворе, обнесенном высокой стеной. И был там сарай, в коем жили шесть огромных собак, они содрали кожу и разорвали на куски многих зверей, но дети мои их не боялись. Рейнард -вор питал к псам глубочайшую вражду, ведь они были уверены, что он не сможет забраться к нам во двор. Великое множество раз обходил стену этот подлый вор и поджидал в засаде, а собаки набрасывались на него и прогоняли прочь. Однажды они напали на него на берегу, и он поплатился за свое воровство. Я видел, как собаки трепали его шкуру, но он все равно не отступился от своей гнусной цели. Господь да простит нас.

Долгое время мы ничего не слыхали о Рейнарде. Наконец он появился снова в обличье отшельника и принес мне письмо, запечатанное королевской печатью. Говорилось в том письме, что король объявил мир повсюду в своем королевстве и все звери и птицы должны жить в согласии и не чинить друг другу вреда. И еще он сказал мне, что сделался теперь монахом, или отшельником, и что будет он каяться в своих прегрешениях. Он показал мне плащ, отороченный мехом, и власяницу под ним. И сказал: „Сир Шантеклер, отныне тебе не надо меня бояться и тревожиться, ибо не буду больше вкушать я скоромного. И настолько я уже стар, что стану всеми силами печься о своей душе. Сейчас я пойду, ибо должен еще произнести молитвы третьего и девятого часа и мои вечерние моления, а вас я вручаю Господу". С этими речами Рейнард удалился и улегся под кустом. Я же был рад и весел и перестал тревожиться. Пошел я к своим детям и закудаhtал, подзывая их. И отправились мы за стену, чтобы погулять, из-за этого и приключилась с нами великая беда. Ибо Рейнард, что лежал под кустом, подкрался поближе и отрезал нам путь к воротам. И схватил он одного из детей моих и бросил его в свой мешок. А собаки не смогли уберечь нас. Ждал он днем и ночью и похитил такое множество моих детей, что из пятнадцати оставалось у меня лишь четверо, а остальных всех пожрал этот вор. Вчера же дочь мою Коппен, что лежит сейчас на этих погребальных носилках, отобрали у него собаки. Такую жалобу принес я тебе, всемилостивейший король, жалься надо мной, ибо незаслуженно постигло меня горе и потерял я прекрасных детей своих».

Вот что говорил король в ответ на эту жалобу

И сказал тогда король:

«Сир Барсук, ты слышал о делах своего дяди -отшельника, о том, как постился он и предавался молитвам и покаянию. И если я проживу еще хотя бы год, он понесет за свои дела заслуженную кару. Теперь слушай, Шантеклер. Жалоба твоя ясна, и мы все видим тело твоей дочери, мы отдаем должное смерти и не вправе дольше держать ее здесь. Мы вручаем ее Богу, споем ей поминальные молитвы и предадим со всеми почестями земле. А потом будем держать совет со всеми лордами о том, как поступить по праву и справедливости в этом случае и наказать лживого вора».

И начали они потом читать первый стих «Placebo Domino»¹, но это такая длинная молитва, что пересказать ее здесь невозможно. Когда они прочли молитвы и отслужили заупокойную службу, то положили ее в могилу, а сверху поставили мраморный камень, отполированный столь гладко, что он стал подобен стеклу. И высечено было на нем огромными буквами: «Здесь похоронена Коппен, дочь Шантеклера. Ее загрыз Лис Рейнард. Плачьте же по ней, ибо она приняла бесславную смерть». После этого король послал за своими лордами и за мудрейшими из своих мудрецов, чтобы держать совет, как следует наказать Рейнарда, этого великого убийцу и преступника. Было решено, что прежде следует послать за Рейнардом, так как он отсутствует без всякой причины. А он должен был прибыть на королевский суд и услышать все, в чем его обвиняют. Посланцем к нему решено было отправить Медведя Брюна. Король одобрил это решение и обратился к Медведю с такими словами:

«Сир Брюн, я приказываю тебе доставить Лису наше послание, но береги себя, ибо Рейнард злобен и хитер, он знает множество трюков и с легкостью сможет обмануть тебя, одурачить и ввести в грех».

И отвечал ему Брюн:

«Добрый господин, не тревожься об этом. Лис меня обманывал, но я плохо усвоил тогда этот урок. А сейчас, думаю, уже слишком поздно ему насмехаться надо мной».

И с этими веселыми словами отправился Брюн в путь, но опасались все, что назад он вернется уже не таким веселым.

Как встретил Брюна Лис Рейнард

Брюн отправился своей дорогой. Он был храбро настроен, и можно было подумать, что Лису не удастся его обмануть. Он вошел в темную лесную чащу, где проходила одна из охотничьих троп Лиса. И стояла там высокая гора, которую Брюну надо было перейти по

¹ Угодно Господу (лат.).

самой середине, чтобы попасть в Разбойничью Нору. Много было у Рейнарда мест для жилья, но замок Разбойничья Нора оставался самым лучшим и надежным логовом. Там он укрывался, когда чего-то страшился. Когда Брюн добрался до Разбойничьей Норы, он увидел, что ворота наглухо заперты. Тогда он подошел к ним, уселся на землю и стал звать Рейнарда:

«Дома ли ты, Лис Рейnard? Меня послал король, чтобы я доставил тебя во дворец, где будут разбирать твое дело. Король поклялся Богом, что коли не придешь ты на суд и не подчинишься справедливому и честному приговору, который тебе вынесут, то непослушание будет стоить тебе жизни. Король повесит тебя или привяжет к колесу. Внемли моему совету, Рейnard, и приходи на суд».

Рейnard тогда лежал у ворот, как он часто любил делать, когда пригревало солнце, но, заслышав, что приближается Брюн, Лис живо укрылся в норе. Потому что в его замке было полно нор, тут одна нора, там – другая, а подальше – третья, извилистая, узкая и длинная, со множеством выходов. Лис скрывался в них, когда бывала в том нужда, или когда возвращался с добычей, или когда его преследовали за проделки и преступления. Тогда он убегал и прятался в своих потайных покоях. И преследователи не могли его найти. Многих зверей он так обманул. И стал думать Рейnard, как же ему избавиться от Медведя и досадить непрошеному гостю, и решил он говорить о молитвах.

Думая об этом, Рейnard вылез из норы и обратился к Брюну с такими словами:

«Брюн, дядя мой, приветствую тебя! Я слышал, как ты пришел, но читал вечернюю молитву и посему помедлил и задержался немного. Дражайший дядя, нехорошо поступили те, кто послал тебя в путь через эту огромную гору. Ибо вижу я, как сильно ты устал, вижу, что пот струится по твоим щекам. Не было в том нужды, ведь я сам собирался отправиться ко двору завтра же на заре, но теперь я в меньшей печали, ибо твой мудрый совет поможет мне в этом деле. Неужели не мог король избрать своим посланником кого-нибудь не столь знатного? Велико мое удивление! Ибо из всех живущих на нашей земле после короля ты – первейший по знатности и богатству. Хотел бы я предстать перед судом как можно скорее, но боюсь, что не смогу туда отправиться тотчас же. Потому как я столь плотно поел, что кажется, будто живот мой разорвется и разлетится на куски. А еда была свежей и вкусной, что съел я изрядно».

И спросил его Медведь:

«Дорогой племянник, чем же ты так насытился?»

«Дорогой дядя, ты сам все поймешь, когда я тебе расскажу. Ел я простую пищу, ибо я – простой человек, а не лорд, как прекрасно тебе известно, дражайший дядюшка. Нам, бедному люду, приходится часто вкушать такую пищу, от которой мы с радостью бы отказались, если бы могли выбирать. Ел я большие медовые соты, чтобы только утолить голод. И так разбух от них мой живот, что едва могу я вытерпеть».

Заговорил опять Брюн:

«Увы, Рейnard, из слов твоих явствует, сколь мало ты ценишь мед. Я же восхваляю его и люблю превыше всякой иной пищи. Помоги мне, дорогой Рейnard, заполучить хоть немного этого меду, и я на всю жизнь сделаюсь твоим верным другом и буду стоять за тебя горой, коль скоро ты мне поможешь отведать его».

Как Брюн ел мед

«Брюн, дядя мой, полагаю я, ты смеешься надо мной?»

«Помоги мне Бог, Рейnard, не стал бы я смеяться над тобой».

И опять заговорил хитрый Лис:

«Значит, и вправду твоя любовь к меду столь велика, что если я добуду для тебя больше, чем смогли бы съесть за один присест десять таких медведей, как ты, то будешь мне за это другом?»

«Ни к чему десять медведей, племянник мой Рейnard, – отвечал Медведь, – я и один могу съесть весь мед, что можно только сыскать по всей нашей стране, до самой

Португалии».

«Тогда слушай, дядя, – отвечал Рейнард. – Неподалеку здесь живет крестьянин по имени Лантферт, и в таком изобилии имеется у него мед, что в одиночку не сможешь ты его съесть и за семь лет. Ты получишь весь этот мед, если только пожелаешь стать для меня настоящим другом и помогать мне против моих врагов на королевском суде».

И Медведь Брюн обещал ему, что если только он сумеет набить свое брюхо, то станет для Лиса верным и преданным другом и всегда будет защищать его.

Засмеялся тогда злодей Рейнард и говорит:

«Значит, будет тебе семь амбровых бочек, уж я сумею их заполучить и порадовать тебя».

От таких речей возрадовался Медведь и так стал смеяться, что едва мог удержаться на ногах. И подумал тогда Лис Рейнард: «Какая же выпала мне удача, сейчас я отведу его туда, где он умерит свою радость».

И сказал тогда Рейнард:

«Не стоит надолго откладывать наше дело. Уж я постараюсь для тебя, и ты сам увидишь, сколь велика моя добрая воля и признательность. Среди всей моей родни не знаю я никого, кто так постарался бы угодить тебе».

Медведь поблагодарил его. Но он думал, что они напрасно медлят.

«Итак, дядя, пойдем мы скорым шагом, и я приведу тебя туда, где столько меда, что тебе одному не управиться». Лис говорил о палках и ударах, но медведь -простофиля ничего не понял. И долго шли они вместе и пришли наконец на двор к Лантферту. Брюн тогда был очень весел.

Слушайте же теперь о Лантферте. Люди говорят, что он искусный плотник, и как раз в эту пору принес Лантферт к себе на двор огромный дуб и начал его рубить. И, как это обычно делается, вбил он в дуб два клинышка, один за другим, чтобы его распереть. Рейнард был счастлив, увидев это, потому что все вышло именно так, как он желал. И обратился он к Медведю, посмеиваясь:

«Теперь и сам ты прекрасно видишь, что в этом дереве меда без меры, попробуй, сможешь ли ты забраться внутрь и поесть меда. Сладки и приятны медовые соты, но опасайся съесть слишком много. Вкушай же их умеренно, дабы не нанести вреда своему телу. Ибо, дражайший дядюшка, случись от меда какой вред для тебя, вина падет на мою голову».

«Не тревожься обо мне, Рейнард, родич мой. Или ты думаешь, что я глупец? Мера хороша в любой пище».

«Правду говоришь ты, – отвечал Рейнард. – О чем же мне тревожиться? Иди же и забирайся внутрь».

Медведь Брюн поспешил за медом. Он просунул внутрь две передние лапы и залез головой по самые уши в расщелину ствола. А Рейнард не зевал и быстро выхватил клинья. И не помогли тогда Медведю ни улещивания, ни жалобы. Он был крепко зажат в стволе дерева.

Племянник обманом заманил дядю в капкан, да так, что тот не мог выбраться ни силой, ни хитростью, не мог освободить ни ногу, ни голову.

Нисколько не помогло Брюну то, что он был силен и смел. Он наконец понял, что его коварно обманули, и стал тогда реветь, и кричать, и рыть землю задними лапами. Такой он поднял шум и гам, что из дому выскочил Лантферт и не мог взять в толк, что же происходит. В руке он держал огромный крюк. Медведь Брюн не сумел выбраться из капкана, и его охватил страх и ужас, потому что его голова была крепко зажата в стволе дерева, как и передние лапы. Он изворачивался, крутился и пытался вырваться, но все напрасно. Он не знал, как ему освободиться. Лис Рейнард, отбежав на почтительное расстояние, оглянулся? и увидел, что плотник Лантферт вышел из дому. И тогда Лис обратился к Медведю:

«Ну что, хорош мед? Не ешь много, чтобы не разболелся живот, а иначе ты не сможешь отправиться ко двору. Придет Лантферт и принесет тебе питья, чтобы мед не застрял у тебя в горле».

Сказав такие слова, направился Лис Рейнард назад в свой замок, а Лантферт подошел ближе и увидел, что это Медведь застрял в расщелине ствола. Он тогда бросился к соседям и рассказал всем: «Идите скорее, у меня во дворе Медведь». В одно мгновение слух разнесся по деревне, и никого в домах не осталось – ни мужчин, ни женщин. Все бросились во двор к плотнику, прихватив с собой каждый свое орудие – кто вилы, кто грабли, а кто метлу, кто просто колья от забора, а кто цеп для молотбы. Священник принес крест из церкви, а служка прибежал с хоругвью. Юлок, жена священника, прихватила свою прялку, потому что сидела в это время за работой. Пришла и одна старая женщина, у которой во рту уже не осталось ни одного зуба. Еще больше испугался Медведь Брюн, когда увидел, что против него одного столько народу, и услышал их грозные выкрики. Он рванулся изо всех сил, сляясь освободиться, и вырвал голову из расщелины, но ободрал всю кожу и оторвал себе уши. Никогда еще никто из людей не видел зверя страшнее и ужаснее. Кровь заливала его морду. Медведь выдернул из ствола лапы, но оторвал себе когти на правой лапе. Вот каким злом обернулась для него сделка с Лисом. И никогда прежде у него так не болели лапы. Кровь заливала глаза, и он ничего вокруг не видел. Плотник Лантферт и священник со всем приходом бросились к нему и стали его избивать, нанося удары по голове и по морде. Сильно ему досталось, каждый хотел ударить Медведя. Все на него накинлись, и стар и млад, в злобе и ярости. Был там и Хьюлин Кривая Нога, и Людольф Длинный Нос, оба они были в страшной ярости. У одного была свинцовая дубинка, у другого же – огромный свинцовый шар на палке. Они колотили и били его и чуть не забили до смерти. Были там и сир Бертольд Длинные Руки, и Лантферт, и Оттрам Долговязый. Эти -то сильнее остальных старались, потому что у одного был острый крюк, а у другого – кривая палка со свинцовым наконечником Для игры в мяч. Не отставали от них и Бейткин, и прекрасная дама Ауэ Абелквак, и священник с крестом, и супруга его Юлок. Так потрудились они над Медведем, что было непонятно, как он еще дышал. Они били и колотили его изо всей силы. Медведь Брюн неподвижно сидел на месте, охал и стонал, принимая свою участь. Самым благородным по рождению из всех был Лантферт, ибо матерью его была госпожа Погге из Чапфорга, а отцом – жнец Макоб, храбрый человек, особенно же когда бывал в одиночестве. На Брюна сыпался еще и град камней. Больше других усердствовал брат Лантферта: орудуя дубинкой, он так ударил Медведя по голове, что тот оглох и ослеп.

Поднялся тогда Медведь на дыбы, стоя прямо на берегу реки, и бросился на женщин. Схватив нескольких, он сбросил их в реку, которая была широкой и глубокой. Среди этих женщин была и жена священника, который сильно встревожился, увидев, что жена его упала в воду. И не хотел уже больше избивать Медведя, а призывал всех оказать помощь своей супруге Юлок:

«Все, кто только может помочь ей, будь то мужчина или женщина, я отпускаю ваши грехи и принимаю все ваши покаяния».

И тогда люди оставили в покое Медведя Брюна и сделали то, о чем их просил священник.

Когда Медведь Брюн понял, что люди оставили его в покое и бросились спасать женщин, то он тоже кинулся в воду и поплыл изо всех сил. Увидев это, священник поднял страшный крик и шум, побежал за Медведем и кричал ему грозным голосом: «Попробуй вернись только, ты, подлый вор!» Медведя уносило вниз по течению, и он не обращал внимания на крики людей, потому что был рад своему чудесному избавлению. Он проклинал и медовое дерево, и Лиса, который так подло его предал. Это из-за него полез он так глубоко в дупло, из-за него потерял уши и ободрал шкуру. Так плыл он по течению две или три мили. Потом Медведь почувствовал, что очень устал, и решил выйти на сушу, чтобы посидеть и отдохнуть. В таком он был отчаянии, что стал вздыхать и стонать, и кровь заливала ему глаза, и у него перехватывало дыхание, как будто он был при смерти.

Послушайте теперь, что подельывал Лис после того, как убежал от дома Лантферта. Он стащил упитанную курочку, бросил ее в свой мешок и побежал по тропинке, по которой, как он надеялся, ни один человек не пройдет. Он бежал к реке. Его переполняла радость, потому что он надеялся, что Медведь уже мертв. Так говорил он:

«Наконец-то я избавился от него, теперь он не сможет помешать мне в суде, потому что он мертв, и меня никто в этом не обвинит. Как же мне не радоваться такому счастью?»

С этими словами обернулся Лис к реке и заметил там Брюна, который лежал на берегу и отдыхал. Рассердился тогда Лис и сказал, забыв всю свою прежнюю веселость:

«Увы тебе, Лантферт, глупец Лантферт, да пошлет Бог на тебя бесчестную смерть, раз ты не смог удержать такую прекрасную добычу, которая сама пришла тебе в руки. Сколько людей могли бы насытиться таким жирным и сладким куском! А он отпустил этакого доброго Медведя!»

С такими стенаниями отправился Лис к реке, где он увидел Медведя, который лежал весь израненный, в крови и без сил, — за что благодарить он должен был одного только Рейнарда, который обратился к Медведю с насмешкой:

«Chiere priestre, dieu vous garde»¹.

И сказал Медведь сам себе:

«Вон, я вижу, идет хитрый рыжий вор, грубое мерзкое животное».

И заговорил опять Лис:

«Ты ничего не забыл у Лантферта? А заплатил ли ты ему за медовые соты, что украл? А если нет – то это бесчестье и стыд. Я тогда сам отправлюсь к нему и отдам плату. Или мед был нехорош? Я знаю еще места, где можно найти отличный мед за такую же цену. Дорогой дядюшка, ответь мне, куда отправляешься ты, к какому монашескому ордену собираешься ты примкнуть, где носят такой капюшон? Ты станешь там монахом или аббатом? Тебе обрили голову, а заодно и уши оторвали! Лишился ты шерсти на макушке да и перчаток! Воистину думаю я, что ты собираешься пить повечерие!»

Слушал Медведь Брюн такие его речи, и ему стало очень досадно, что он не в силах отомстить Лису. Он не мог помешать Рейнарду говорить, что тому вздумается, а просто молча переносил свои страдания. Наконец он бросился в реку и поплыл по течению на другую сторону. И стал он горевать, что нельзя ему отправиться ко двору, ведь он потерял уши, ободрал шкуру и когти с лап. И люди чуть его не убили. Он не может явиться к королю, но все равно должен идти. А после всего, что с ним произошло, он не знал, как это сделать. Опираясь на задние лапы, он стал медленно продвигаться вперед, и столь тяжело ему это давалось, что прошел он так всего около полумили. Наконец, после многих мучений, он добрался к королю. И когда увидели его издали, то многие не могли понять, что же это такое приближается к ним, двигаясь резкими рывками и толчками. Наконец король узнал его и был опечален и сказал:

«Это Медведь Брюн, мой друг. Господи, кто же так изранил его, что кровь сочится из головы? Думается мне, что раны его смертельны. Откуда они у него?»

Предстал Медведь перед королем и начал свою речь.

Как Медведь жаловался на Лиса

«Выслушай мою жалобу, милостивый государь, сир король, и ты поймешь, как обошлись со мной. И молю тебя, покарай поганого зверя Рейнарда. Ибо пострадал я, будучи у тебя на службе. Я лишился обеих передних лап, лишился кожи и ушей, и все через его подлое предательство и измену».

Отвечал ему король:

«Как осмелился на такое этот гнусный вор Рейнард? Говорю тебе, Брюн, и клянусь своей короной, я сумею отомстить за тебя, и ты будешь мне за это признателен».

После чего послал король за мудрейшими из всех зверей и держал с ними совет, как отомстить за то огромное зло, которое совершил Лис. И решил тогда совет, что следует вновь послать за Рейнардом, чтобы он явился перед судом и выслушал бы заслуженный приговор, который будет ему вынесен за все его преступления. Было решено, что посланником на этот раз станет Кот Тиберт, потому что мудрость его велика. Король признал, что это верное решение.

Как король отправил Кота Тиберта посланником к Лису и что из этого вышло

Обратился король к Коту:

«Сир Тиберт, ты сейчас отправишься к Рейнарду и скажешь ему во второй раз, что он должен явиться ко двору, дабы предстать ответчиком по своему делу. Он дурно обходится со всеми зверями, но тебе доверяет и последует твоему совету. И скажи ему, что, если он не

¹ Дражайший отец, да хранит тебя Бог (франц.).

придет, мы вынесем ему третье предупреждение и вновь призовем его явиться на суд. Если же он и тогда не придет, поступим мы по своему праву и начнем безжалостно преследовать его и всех его родичей».

Отвечал ему Тиберт:

«Господин мой король, мои недруги дали тебе такой совет. Что делать мне? Не станет Лис меня слушать и не пойдет за мной. Умоляю тебя, дражайший король, избери в посланники кого-нибудь другого. Я мал и слаб, а даже Медведь Брюн, большой и сильный, не сумел с ним справиться. Куда уж мне?»

«Нет, – отвечал король. – Сир Тиберт, ты умен и многомудр. Хотя и невелик ты, не в этом суть, много есть такого, чего скорее добьешься умением и ловкостью, чем силой и мощью».

«Если ничего не остается, – отвечал Кот Тиберт, – придется мне взять на себя это дело. Да поддержит меня Господь в моем усердии, ибо на сердце у меня тяжело и не чувствую я к тому призвания».

Вскоре пустился Тиберт в путь, и по дороге повстречалась ему птичка святого Мартина. Закричал Тиберт, обращаясь к ней:

«Милая птичка, поверни свои крыльшки в мою сторону и лети от меня по правую руку!»

Птица же уселась на ветке дерева, которое стояло слева, и очень опечалился Тиберт. Ибо увидел в этом дурной знак и залог несчастья. Если бы птица послушалась его и полетела по правую руку, он был бы тогда рад и счастлив, но теперь он стал думать, что это путешествие обернется для него бедой. Но, как и многие на его месте, он не расставался с надеждой и еще быстрее устремился к Разбойничьей Норе.

Там увидел он Рейнарда Лиса, который стоял перед своим домом в полном одиночестве. Сказал тогда Тиберт:

«Да придет с тобой Господь Всемогущий, Рейнард. Король грозит, что лишит тебя жизни, если ты не пойдешь со мной, чтобы предстать перед судом». Ответил ему Лис:

«Дорогой мой кузен Тиберт, приветствую тебя. Искренне желаю тебе всяческого добра и счастья».

Такие любезные речи не по душе были Рейнарду, потому что в своем сердце он питал совсем иные чувства, в чем у нас еще будет возможность убедиться. «Давай проведем этот вечер вместе, – заговорил опять Рейнард, – я приготовлю для тебя знатное угощение, а завтра на заре мы отправимся ко двору, если будет на то воля Божья. Никому из всей своей родни не доверяю я больше, чем тебе. Приходил ко мне Медведь Брюн, этот изменник, и так он злобно на меня смотрел! А он ведь сильный, и подумалось мне – нет, ни за какие сокровища я с ним не пойду. Но с тобой, кузен, я с радостью отправлюсь в путь завтра рано поутру».

«Лучше всего нам отправиться прямо сейчас, – отвечал ему Тиберт, – потому что луна светит ярко и светло как днем. Никогда еще я не видел такой прекрасной ночи».

«Нет, любезный кузен мой, при дневном свете путешествовать значительно приятнее, а

ночью мало ли какая напасть может приключиться. Ночью пускаться в путь небезопасно. Переночуй у меня».

«А если я останусь здесь, – обратился к нему Тиберт, – каким угощением ты будешь меня потчевать?»

«Не так уж много у меня еды. Есть, например, великолепный мед, свежий и сладкий. Как, Тиберт, отведаешь медку?»

«Нет, мед мне вовсе не по душе, – отвечал ему Тиберт, – не найдется ли у тебя, скажем, мышки? Большая мышка очень бы меня порадовала».

«Любезный кузен мой, – отвечал ему Рейнард, – здесь неподалеку живет священник, у которого есть амбар прямо рядом с домом, так в нем водится великое множество мышей, их хоть телегой вывози. Я много раз слышал, как священник жаловался, что очень они ему досаждают».

«О любезный Рейнард, скорее же отведи меня туда, и я сделаю для тебя все, что захочешь!»

«Так, значит, Тиберт, правду ты говоришь, что так сильно любишь мышей?»

«Люблю ли я мышей? Да больше всего на свете! Мышатины! Это же лучше любого мяса, любых пирогов и булок! Веди меня скорее туда, где водятся эти мыши, и я буду за это всю жизнь любить тебя, хотя бы ты загрыз моих отца с матерью и всю мою родню!»

«Не смеешься ли ты надо мной? – спросил его Рейнард.

«Видит Бог, я не смеюсь».

«Тиберт, – сказал тогда Лис, – сдастся мне, что наешься ты сегодня мышей до отвала!»

«До отвала? – переспросил Кот. – До отвала – это очень много мышей».

«Ты, должно быть, шутишь, Тиберт?»

«Истину говорю тебе, я не шучу. Славную мышку не отдам я и за золотую монету, – говорил Тиберт, – пойдём же скорее».

«Тиберт, – сказал Лис, – скоро я отведу тебя в это место».

«Рейнард, – отвечал ему Кот, – а я ради твоего благополучия могу отправиться куда пожелаешь, хоть в Монпелье. Давай же поскорее тронемся в путь, а то что-то сильно мы задержались».

И вот, без дальнейших проволочек, отправились они в путь и вскоре уже подошли к амбару священника, двор которого был обнесен крепкой глинобитной стеной. Накануне ночью Лис прорыл под стеной лазейку и выкрал у священника одну из его куриц. Разгневанный священник устроил у этой лазейки капкан – петлю, в которую, как он надеялся, Лис непременно попадет. Но хитрец пронюхал про коварную ловушку.

«Сир кузен мой Тиберт, – обратился к Коту Лис, – полезай туда, и ты наловишь себе горы мышей. Ты слышишь, как они пищат? Когда наешься вдоволь, возвращайся через этот лаз, а я буду поджидать тебя. А завтра поутру мы вместе отправимся к королю. Чего же ты ждешь, Тиберт? Полезай, а потом мы возвратимся в мой дом, к моей жене, которая поджидает нас и готовит отличное угощение».

«Ты советуешь мне лезть туда? – спросил его Тиберт. – Священники – хитрый и гнусный народец, боюсь я, как бы не вышло мне вреда».

«Ох, Тиберт, – сказал Лис, – никогда я не видел, чтобы ты так боялся! Полезай, тебе не о чем беспокоиться!»

Пристыженный, Тиберт полез в нору. И в то же мгновение, не успев сообразить, что случилось, он угодил головой в петлю. Так обхитрил Рейнард своего кузена и гостя.

Почувствовав на шее веревку, Тиберт так испугался, что рванулся вперед, отчего петля затянулась еще туже. Стал он тогда орать и звать на помощь, потому что веревка чуть не задушила его. Он мяукал, кричал и вопил истошным голосом, а Рейнард просунул голову в нору и, очень довольный, сказал Коту:

«Что, Тиберт, хороши ли мыши? Достаточно ли они жирны? Если бы священник или Мартин знали, что ты здесь, они бы любезно принесли тебе приправы. Тиберт, ты кричишь за столом, такова мода при дворе? Ах, если бы Изегрим разделил с тобой трапезу, вот тогда я был бы счастлив, потому что много нанес он мне обид и оскорблений!»

Тиберт не мог сдвинуться с места, но он вопил и мяукал так громко, что проснулся Мартин. Он вскочил с постели и закричал во весь голос:

«Слава Богу, вор попался в мою ловушку, скоро он поплатится за наших куриц!»

От этих криков проснулся священник, хотя час был уже поздний. Проснулся и весь дом. Все кричали: «Лисица попалась» – и бросились к ловушке. Священник выскочил из дому в чем мать родила. Первым до Тиберта добежал Мартин, а священник вручил своей жене Юлок церковную свечу и велел зажечь ее от огня в печи. И принялся избивать Кота длинной палкой. Бедный Тиберт вынес множество ударов, которые приходились по всему его телу, а Мартин так разозлился, что даже выбил Коту глаз. Священник, совершенно голый, размахнулся, собираясь ударить Кота изо всей силы. Но Тиберт, чуя близкую смерть, извернулся, подпрыгнул и вцепился зубами и когтями ему между ног, да так сильно, что откусил правое яичко. Вот какое тяжкое увечье получил священник от Кота и какого натерпелся позора.

Когда увидела госпожа Юлок, что именно упало на землю, она закричала и принялась клясться душой своего отца, что отдала бы все церковные приношения за целый год, чтобы только такое увечье и позор не выпали бы на долю ее мужа. А все лишь потому, продолжала она, призывая в свидетели дьявола, что поставили там эту ловушку.

«Смотри, Мартин, дорогой сын мой, это яичко твоего отца. Какое горе и какое для меня несчастье! Ведь хотя и исцелят его рану, для меня он все равно что умер, потому как не сможет он больше играть в наши сладкие игры!»

Лис стоял в это время у норы с другой стороны стены и все слышал. Он расхохотался так громко, что едва мог удержаться на ногах. Наконец он заговорил тихим голосом:

«Не тревожься, госпожа Юлок, и оставь свою великую печаль. Святой отец потерял лишь одно яичко, и эта потеря не помешает вашим играм. Он останется таким же, каким был прежде. Ибо много есть церквей в мире, в которых звонит лишь один колокол!»

Так насмешничал Лис, а жена священника, госпожа Юлок, по-прежнему была печальна. Со священником же случился обморок, и его отнесли в постель. Тогда Лис отправился восвояси, оставив Кота Тиберта в большой опасности и в страхе. Он решил, что Кот все равно скоро умрет. Однако Тиберт, увидев, что люди занялись священником и его раной, принялся грызть веревку и вскоре разорвал ее на две части. Он выбрался из норы и бросился бежать. Когда он добрался до королевских покоев, был уже день и солнце поднималось над горизонтом. Избитый, слепой на один глаз – столь жалким созданием предстал он перед королем и поведал ему о том, какие страдания выпали на его долю в доме священника из -за Рейнарда Лиса. Услышав обо всех несчастьях Тиберта, король пришел в большую ярость и обрушил страшные угрозы на хитрого плута Рейнарда. Он вновь созвал совет, чтобы решить, как призвать Лиса к порядку и как доставить его ко двору.

Заговорил тогда сир Гримберт, сын сестры Лиса, и он сказал:

«Дважды уже мой дядя поступал хитро и коварно, Однако по закону мы должны предупредить его в третий раз, как это заведено у свободных людей. Если он и в третий раз не явится на суд, тогда мы сможем заочно признать его виновным во всех преступлениях, им совершенных, и во всем том, что вменяют ему в вину».

«И кого же, Гримберт, мне послать к Рейнарду, чтобы привести его на суд? Кто захочет пожертвовать ушами, или глазом, или самой жизнью ради этого хитрого плута? Думается мне, не найдется среди вас такого глупца».

«Да поможет мне Бог, такой глупец – я, – отвечал королю Гримберт. – Я сам отправлюсь посланником к Рейнарду, ежели будет на то твоя королевская воля».

Как Барсук Гримберт привел Лиса на королевский суд

«Ступай, Гримберт, но помни, что Рейнард хитер, коварен и опасен. Держи ухо остро и

не доверяйся ему».

Гримберт обещал быть осторожным и отправился к Разбойничьей Норе. Он застал Рейнарда Лиса дома со всем семейством. Госпожа Эрмелина, его жена, лежала в темном углу со своими лисятами. Гримберт приветствовал своих дядю и тетку и обратился к Рейнарду с такими словами:

«Почему ты упорствуешь, дядя? В этом деле, когда против тебя выдвигаются такие обвинения, отсутствие не принесет тебе пользы. Поэтому пора тебе отправиться со мной к королю. А если будешь отказываться, накличешь на себя большую беду. Многие на тебя жалуются, и если не подчинишься этому третьему предупреждению и протянешь еще завтрашний день – тебе уже никто не поможет. Сам увидишь, как через три дня король пошлет войска, чтобы осадить твой замок, и поставит под стенами виселицы и пыточные машины. Истинно говорю, не будет тогда спасения ни тебе, ни твоему семейству с малыми детками. Король прикажет вас всех казнить. Поэтому отправляйся со мной прямо сейчас. Ты умен и проницателен и попадал раньше и не в такие передряги. Возможно, тебе удастся отпереться от всех жалоб и обвинений и тем посрамить своих врагов. Ты выпутывался и не из таких историй».

Отвечал ему Рейнард Лис:

«Вот как ты говоришь. Полагаю я, что должен последовать твоему совету и отправиться ко двору, потому что там во мне нуждаются. Король, вероятно, будет мне признателен, когда я приду к нему и предстану пред его очи. Хотя и велики мои провинности, двору -то не обойтись без моих советов, и король прекрасно это понимает. Правда, некоторые из придворных – злейшие мои враги, но, думается мне, это вражда неглубокая, и суд в конце концов примет мою сторону. Ведь как только королям да знатым лордам требуется умный совет, все тотчас бегут к Рейнарду. Многие высказывают мнения да пожелания, но мой совет всегда самый лучший, и король послушается его. При дворе множество моих злейших недругов, и я не могу поэтому оставаться спокойным и безмятежным. Ведь, объединившись, они становятся сильнее и могут причинить мне немало вреда. И все же, дорогой племянник, лучше мне отправиться с тобой ко двору, чем подвергать жену и детишек смертельной опасности. Поднимайся, мы отправляемся в путь. Господь Всемогущий да прибудет со мной, я подчинюсь Его воле и с терпением и покорностью приму свою долю».

Обратился Рейнард к своей жене, госпоже Эрмелине:

«Оставляю на тебя наших детишек, позаботься о них. Особенно о Рейнардине, моем старшеньком. Он так похож на меня, и я надеюсь, что он пойдет по моим стопам. А также о Роселе, хитром плутишке. Я люблю своих деток, как и всякий отец. Если будет Господь ко мне милостив и я сумею избежать всех напастей, то, когда вернусь, отблагодарю тебя добрыми словами».

И Рейнард простился со своей супругой. А Эрмелина с лисятами осталась в глубокой печали и горе, потому что кормилец оставил Разбойничью Нору и свое семейство, а запасов съестного в доме было не так много.

Признание Рейнарда

Рейнард и Гримберт уже какое-то время шли вместе, когда Рейнард заговорил:

«Дорогой кузен, в сильном страхе я пребываю, потому что чувствую опасность и боюсь за свою жизнь. Я столь глубоко раскаиваюсь в своих грехах, что хотел бы исповедаться перед тобой прямо сейчас, дорогой кузен. Здесь ведь негде найти священника, а мне очень хочется облегчить душу».

«Если хочешь исповедаться, дядюшка, прежде обещай, что не вернешься впредь к воровству и разбою».

Рейнард сказал, что, конечно, он это обещает.

«Слушай же теперь, дорогой кузен, мою исповедь. Confiteor tibi, pater ¹, во всех прегрешениях, что я совершил, и рад буду понести за них наказание».

«Что ты такое говоришь? – спросил его Гримберт. – Если хочешь исповедаться, говори по-нашему (по-английски), чтобы я мог тебя понять».

«Согрешил я против всех зверей, – продолжал Рейнард, – особенно же против Медведя Брюна, моего дяди, из-за меня он окровавил себе всю голову. И еще против Кота Тиберта, охотника до мышей, который по моему совету полез в нору, где попался в ловушку и был сильно избит. Пострадал и Петух Шантеклер, который из-за меня лишился многих своих детей».

Да и король с королевой пострадали. Много клеветы я наговорил, так что им и до конца дней не отмыться. Но более всего досталось от меня Волку Изегриму. Я называл его дядей, но это неправда, потому что он мне вовсе не родня. Я сделал его монахом в Элмаре, где и я сам принял постриг, но не было ему от этого ни толку, ни выгоды. Я привязал его за ноги к колокольной веревке, потому что звонить в колокола – это было для него лучшим уроком, и за любую провинность он отправлялся учиться звонить. Но он стал звонить с такой силой, что все люди на улице испугались и недоумевали, что творится на колокольне. И все сбежались туда, и не успел он еще и слова сказать, чтобы попроситься в монастырь, как его избили до полусмерти. Еще по моему наущению он стал ловить рыбу и тоже был сильно избит. Потом я отвел его в дом богатого священника из Вермедоса. В доме была у священника кладовка, в которой хранились отличнейшие окорока, развешенные по стенам. И много раз в этой кладовке я набивал себе пузо, и, поскольку это вошло у меня в привычку, я проделал лазейку в эту кладовку, куда и уговорил пролезть Изегрима. Он нашел там множество бочек с говядиной и копченые свиные бока, и стал он пожирать это мясо без меры. И так он наелся, что не смог потом пролезть в мой лаз, потому что живот у него раздулся от съеденного. А я бросился в деревню, поднял там ужасный шум и переполох, и послушай, что я сделал потом. Побежал я в дом к священнику, который в это время сидел за столом и обедал. А кушал он цыпленка, такого большого и жирного, какого только можно себе представить. Я схватил со стола этого цыпленка и бросился бежать что было мочи. Священник с криками бросился за мной в погоню. „Схватите его и убейте! Никто еще на свете не видывал эдакого разбоя, чтобы Лиса в моем собственном доме с моего стола своровала цыпленка на глазах у всех. Не было еще на свете таких отъявленных воров!“ И он схватил столовый нож и бросил мне вдогонку. Но промахнулся, и я убежал. Тогда он отшвырнул от себя стол и бросился за мной в погоню с криками: „Поймайте его и убейте!“ И многие другие тоже бросились вместе с ним, и все они хотели меня погубить».

Долго я бежал и наконец добрался до Изегрима. И там я бросил цыпленка, потому что мне тяжело было его нести, хотя и с большой неохотой я с ним расстался. После чего юркнул в свою лазейку, будто всегда там и сидел. Священник подобрал цыпленка и тут увидел Волка. „Копайте здесь, друзья, – воскликнул он, – там прячется Волк-воришка, смотрите,

¹ Признаюсь тебе, отец (лат.).

чтобы он не убежал". И все они бросились на него с кольями и палками и так громко кричали, что соседи повыскакивали из своих домов, и так его избили палками и камнями, что он чуть не испустил дух. Протащили его по камням и по ухабам, выволокли за деревню и бросили в канаву, где он и пролежал всю ночь. Я так и не узнал, как же он потом оттуда выбрался. А он ведь обещал быть моим другом и помогать во всем на протяжении целого года, если только я устрою так, что он сможет наесться до отвала.

Еще отвел я его в одно место, где, как я ему сказал, на насесте сидели семь жирных куриц и петух. А рядом была крышка люка. Забрались мы на этот насест, и я ему говорю: „Верь мне, если пройдешь в эту дверь, то за ней найдешь еще великое множество жирных куриц". Изегрим со смехом стал пробираться к двери и слегка ее приоткрыл, пошарил там и тут, а потом и говорит мне: „Рейнард, ты плут и обманщик, потому что здесь ничего нет". Тогда я ответил ему: „Дядя, ты найдешь то, что ищешь, если проползешь чуть подальше, ведь победа приходит к тому, кто не боится трудов и риска. Кур, которые имеют обыкновение там сидеть, я прогнал". Итак, я заставил его ползти дальше, и так далеко он забрался, что свалился на пол, потому что насест был узкий. И с таким грохотом, что все, кто там спал, вскочили на ноги, а те, кто спали у огня, закричали, что дверь наверху открыта и что -то из нее упало, но что это такое – они не могут понять. Они вскочили и засветили свечу, и когда увидели волка, то так его избили и исколотили, что он был едва живой.

И много раз вводил я его в такие опасности, так много, что сейчас все и не упомяну. Пожалуй, если постараться, то я смогу и еще кое-что припомнить, я потом тебе об этом расскажу. Еще возлежал я с его женой, госпожой Эрсвиной, и очень я об этом сожалею. Это было для нее огромное бесчестье, и я очень в этом раскаиваюсь».

«Я не понимаю тебя, дядя, – сказал Гримберт, – я тоже нарушал закон с его женой, а ты делаешь свои признания и как будто чего -то недоговариваешь».

«Не понимаю я, о чем ты ведешь речь и кто обучил тебя таким речам».

«Ах, дорогой дядюшка, великий это стыд, если приходится говорить открыто о том, как это случилось, – я возлежал со своей тетушкой».

«Я – твой дядя, и мне следует рассердиться на тебя, если ты плохо говоришь о женщинах. Вот, племянник, я рассказал тебе все о своих грехах, что только мог вспомнить, наложи на меня епитимью и позволь мне искупить свои грехи. Ибо я глубоко раскаиваюсь в содеянном».

Гримберт был хитер и умен. Он сорвал с дерева веточку и сказал:

«Теперь, дядя, ты должен трижды ударить себя этим прутом, потом положить его на землю и перепрыгнуть через него три раза, не сгибая при этом лап и ни разу не споткнувшись. После чего ты поднимешь его с земли и крепко поцелуешь в знак смирения и искупления грехов. И тогда ты очистишься от всех беззаконий, совершенных до нынешнего дня, ибо я прощаю тебя».

Лис обрадовался.

Тогда сказал Гримберт своему дяде:

«Итак, дядя, с нынешнего дня ты должен творить добрые дела, читать молитвы, исправно посещать церковь, блюсти праздники и подавать милостынню. И должен оставить свою грешную и несправедливую жизнь, навсегда забыть воровство и измену, и придет тогда с тобой благодать».

Лис пообещал все исполнить, и они вдвоем отправились к королевскому двору.

Путь их проходил мимо монастыря, где жили черные монахини, и перед монастырскими стенами во множестве прохаживались куры, гуси и цыплята. Лис и Гримберт шли и беседовали, как вдруг Лис свернул с верного пути и направился туда, где у амбара ходили птицы. Среди этих птиц Лис увидел одного толстого молодого цыпленка, который отбил от своих сородичей и бродил в одиночестве. Лис бросился на него и схватил, да так сильно, что перья полетели во все стороны. Однако же цыпленок вырвался.

«Дядя, несчастный, что ты делаешь, – воскликнул Гримберт, – неужто ради одной курицы ты готов опять впасть во все грехи, в которых ты исповедовался? Ты должен

искренне раскаяться!»

«И правда, кузен мой, – отвечал ему Рейнард, – я совсем забыл. Моли Бога, чтобы Он простил меня, этого никогда больше не повторится».

И двинулись они дальше, перешли через небольшой мостик. Но Лис постоянно оглядывался и смотрел на птиц, он не мог от них оторваться, просто прирос к ним, как мясо прирастает к костям. Даже под страхом быть повешенным он не в силах был отвести взгляд, пока те наконец не скрылись из виду.

Это заметил Гримберт и сказал ему:

«Гнусное и непристойное такое поведение, когда ты не можешь оторвать взгляд от кур».

«Ты возводишь на меня напраслину, кузен, потому что отвлекаешь меня от молитв и размышлений. Я хочу прочесть „Отче наш“ и помолиться за души всех птиц и гусей, которых я предал и обманным путем выманил из убежища этих святых сестер».

Гримберту такие слова не слишком пришлись по душе, но Лис так и глядел на кур все время, пока они не вышли вновь на прямую дорогу. Вскоре они повернули к королевскому двору. Когда они подходили к королевским покоям, у Рейнарда на душе было очень тяжело, ведь он знал, что ему придется держать ответ за свои кражи и злодеяния, которые он совершил.

Как Лис явился ко двору и оправдал себя перед королем

Когда прошел слух, что ко двору явился Лис Рейнард со своим кузеном Гримбертом, все, даже самые бедные и убогие, поспешили высказать свои жалобы на Лиса. Рейнард же не выказал страха и держал себя хорошо, лучше, чем чувствовал на самом деле. В сопровождении племянника он гордо прошествовал по главной улице, будто он королевский сын и в жизни не обманул никого из ближних. Он вышел на середину площади, предстал перед благородным королем и сказал так:

«Да ниспошлет тебе Господь великие почести и славу. Ни у одного короля не было более верного слуги. И однако же, дорогой лорд, мне известно, что многие здесь с радостью разделались бы со мной, стоит лишь тебе поверить их рассказам. Но, слава Богу, при твоём дворе нет места тем, кто с легкостью поверит этим подлым прохвостам и проходимцам. И один Бог ведаёт, какое доверие оказывается ныне этим гнусным лжецам и обманщикам при разных королевских дворах и как такие хитрецы и плуты приносят добрым людям всякий вред и несчастья. Но настанет день, и Господь наш воздаст им по заслугам».

«Замолчи, Рейнард, гнусный вор и предатель, – отмечал ему король. – Складно ты умеешь рассказывать сказки. Но они тебе не помогут, если ты намереваешься такими льстивыми речами завоевать мое расположение. Слишком часто оказывал ты мне такие услуги, о которых здесь сейчас тебе расскажут в открытую. Я приказал всем соблюдать мир и покой, и хорошо же ты исполняешь мой приказ!»

Шантеклер не мог больше молчать и воскликнул: «Увы мне! Чего я лишился через этот приказ!» «Уймись, Шантеклер, не раскрывай рта и дай мне ответить этому гнусному вору».

«Ты, хитрый и подлый вор, – продолжал король, – ты говоришь, что любишь меня, и показал ты свою любовь тем, как обошелся с бедными моими посланниками. Кот Тиберт и Медведь Брюн явились предо мной окровавленные, и такая охватила меня ненависть, что нет слов ее описать, но будет она сегодня стоить тебе жизни».

«In nomine pater, Criste filij¹, – отвечал ему Лис, – дорогой господин и могущественный король, если Брюн расшиб себе голову в кровь, то при чем здесь я? Когда он поедал мед у дома Лантферта в деревне, и тем навлек на себя беду и несчастье, и был за это крепко избит, почему же он не отомстил за себя, если такой сильный, а прыгнул в реку? Потом явился ко мне Кот Тиберт, которого я встретил как лучшего друга. Он же, не послушавшись моего совета, отправился в амбар священника воровать мышей и был за то священником наказан. В ответе ли я за то, что с ним случилось? Могу сказать, что я тогда очень расстроился. Дорогой господин, велико твое могущество. И хотя дело это представляется мне совершенно ясным, в твоей власти казнить меня или помиловать, сварить меня в кипятке, или поджарить, или повесить, или ослепить. Мне не избежать своей участи, ибо все мы в твоей власти, о могучий и сильный правитель. Я слаб, а если приговорят меня к смерти, утоляя тем свою мелкую месть, то пользы от меня и подавно не будет».

И пока они так говорили, поднялись со своих мест Баран Беллин и супруга его Овца Олви и сказали: «Милорд король, послушай нашу жалобу!» Встал и Медведь Брюн со всеми чадами и домочадцами, с ним встали Кот Тиберт, Волк Изегрим, Заяц Киварт, Кабан Пантер, Гусь Брюннел, Козел Кид, Осел Будвин, Бык Бор, Телок Гамель и Куница. И Петух Шантеклер, и Пертелот со всем своим выводком. И такой подняли они шум и крик и выступали перед своим королем с таким жаром, что Лиса взяли под арест.

Как Лиса арестовали и приговорили к смерти

Было много обсуждений и прений, и было решено, что следует Лиса приговорить к смерти. В чем бы ни упрекали Лиса, он отвечал каждому обвинителю. Никогда не слышали люди столько жалоб на бесчинства. Но и Лис в долгу не оставался – хитростью и искусной ложью он так ловко находил себе оправдания, что присутствующие диву давались. Его ложь вполне могла сойти за правду. Но мы не будем здесь подробно пересказывать все его хитрости. Король и королевский совет выслушали все жалобы и свидетельства о преступлениях Лиса, и выяснилось, что, как всегда, больше всего от него пострадали те, кто слабее. И решено было приговорить Лиса к смерти и повесить, чтобы не мог он больше своей хитростью, плутовством и лживыми словами никого ввести в обман. Суд вынес свое решение, которое вскорости должно было быть исполнено, и многие из родичей Лиса,

¹ Во имя Отца и Сына (лат.).

например Гримберт, его племянник, не могли вынести зрелища его смерти и в большой печали покинули собрание.

Король обратил внимание, что многие из молодых покинули собрание со слезами на глазах, и не все они были родней Лиса. И сказал тогда король:

«Надобен нам, кажется, еще один совет. Пусть Рей-нард – хитрец и плут, но при дворе многие ему родня».

«Почему вы так медлите? – поторапливали остальных Кот Тиберт, сир Брюн и сир Изегрим. – Здесь столько зарослей и кустов, что если ему удастся вырваться и избежать заслуженного наказания, то, благодаря своей хитрости и изворотливости, он во второй раз не попадется. Мы должны повесить его немедленно, а пока построят виселицу, уже наступит ночь».

«Здесь неподалеку есть виселица», – сказал, подумав, Изегрим.

Говоря эти слова, он вздохнул. Кот это заметил и сказал:

«Изегрим, неужто ты против казни? Разве ты не помнишь, как Лис изо всех сил старался, чтобы повесили обоих твоих братьев? Ты должен благодарить судьбу за то, что его поймали, и пора наконец покончить с проволочками».

Как Лиса вели на виселицу

Разгневался тут Изегрим и сказал так: «Много шума ты поднимаешь, сир Тиберт. Будь у нас веревка, прочная и крепкая, такая, чтобы согдидлась для его шеи, мы бы вскорости завершили это дело».

Тут к Изегриму обратился Рейнард Лис, который долго уже молчал:

«Облегчи мои страдания. Тиберт знает, какой должна быть прочной веревка; в доме священника, в тот раз, когда откусил тому яичко, он сам имел возможность оценить ее прочность. Кот к тому же ловко и быстро лазит по деревьям, вот пусть он и поднимет веревку наверх. Брюн и Изегрим, а вам не пристало поступать так со своим племянником. Уж простите меня, что не спешу умирать, когда вы так торопитесь исполнить приговор. Что же вы так тянете? Иди же вперед, Брюн, и веди меня, и ты, Изегрим, не отставай. Смотри же, чтобы Рейнард не вырвался от вас и не сбежал».

«В жизни не слышал такой мудрой речи», – сказал Брюн.

Изегрим приказал родне и друзьям Лиса не спускать с него глаз и смотреть, чтобы тот не убежал. Этот прохвост и плут на все способен. Лиса схватили за лапы, за бороду и крепко держали, чтобы он не мог вырваться. Рейнарда все эти слова не очень -то задели. Вот что он сказал:

«Дорогой дядюшка, кажется, причиняя мне вред, ты и себя ввергаешь в печаль, хотя мои несчастья и страдания тебе приятны. Также знаю я, что, как только моя тетушка, твоя жена, вспомнит о прошедших годах, сердце ее разорвется от горя, она не вынесет моей смерти. Но теперь я в твоих руках, и ты сделаешь так, как тебе кажется справедливым. А вы, Брюн и Тиберт, ваш конец будет бесславным, и хотя сейчас вы совершаете тягчайшее зло, но я-то знаю, какой путь ожидает меня после смерти. И пусть я умру, но наступит день – и справедливость восторжествует».

«Пора идти, – сказал Изегрим. – Ты обвиняешь нас в том, что мы тянем время, так не будем же больше медлить, иначе может свершиться зло». И он двинулся вперед. Все враги Лиса стояли по одну сторону, а по другую – Медведь Брюн, и так повели они Лиса на виселицу. Тиберт в великом оживлении бежал впереди, неся в руках веревки, а его шея все еще болела от петли. И свежи в памяти были побои, заработанные им по наущению Лиса, за которые Кот намеревался сейчас расплатиться сполна.

Не мешкая более, Тиберт, Изегрим и Брюн привели Рейнарда к тому месту, где, по обычаю, преступников предавали смерти. Король Нобель, его королева и все те, кто присутствовал при дворе последовали за ними, чтобы посмотреть, как окончат свои дни Рейнард. Лис же пребывал в глубочайшем страхе и смятении, пытаясь придумать, как ему спастись от неминуемой смерти, и как провести тех, кто желает его погибели, чтобы они были опозорены перед королем, и как хитростью и плутовством склонить короля на свою сторону и отворить от своих недругов. Вот каким мыслям он предавался, а не горю и раскаянию. И думал он так: «Хоть король и многие из его свиты и держат на меня зло, и есть за что, по правде сказать, но все равно я надеюсь стать его лучшим другом и советчиком. А врагов своих я уничтожу, и не поможет им ни королевская рать, ни вся мудрость его советников. Пусть только дадут мне сказать слово, а я столько хитростей знаю, что не успеют они еще и до виселицы дойти, как склоню его на свою сторону».

«Сир Брюн, – заговорил Изегрим, – вспомни теперь о своей кровавой ране на голове, которую ты заработал стараниями Рейнарда. Сейчас пришло время расплатиться с ним за все. Ты, Тиберт, самый легкий, так что полезай наверх и приладь петлю к перекладине, да сделай узел потуже. Брюн, смотри, чтобы он не убежал, держи его крепче. Я же прослежу, чтобы принесли лестницу, по которой он поднимется».

«Хорошо, – отвечал ему Брюн, – я держу его крепко».

Тогда заговорил Лис:

«Страх и ужас переполняет мое сердце, ибо вижу я смерть перед собой и нет надежды на спасение. Господин мой король, и ты, прекрасная королева, и все вы, что стоите здесь, прежде чем покинуть этот мир навсегда, я умоляю вас об одной милости. Я хочу перед всеми вами открыто сознаться в своих прегрешениях, честно рассказать о своих преступлениях и тем облегчить душу. И пусть после моей смерти никого не обвиняют в моих грехах и преступлениях. Тогда мне легче будет умирать, а вы молитесь за меня перед Богом, чтобы Он смилостивился над моей душой».

Как Лис открыто признался перед королем и перед всеми, кто там был и кто пожелал его выслушать

Всех собравшихся разжалобили такие слова Рейнарда, и обратились они к королю, говоря, что это пустячная просьба и король должен даровать Лису такое право. Король дал свое соизволение, чему Лис очень обрадовался и стал надеяться, что дело еще обернется в его пользу. И говорил он так:

«*Spiritus domini*¹, помоги мне! Ибо нет среди вас никого, кто не был бы мною обижен.

¹ Дух Божий (лат.).

И началось это все, пока я еще не был отлучен от материнской груди. Был я в те времена живым и прелестным дитятей, какого только можно сыскать. Я играл вместе с ягнятами, мне нравилось их веселое блеяние. И вот, когда я долгое время уже с ними играл, я укусил одного. Так я впервые попробовал крови и взалкал ее, потому что хорош показался мне ее запах и вкус. Потом я испробовал и мяса и так стал жаден до такой пищи, что отправился в лес, где паслись козы. Я слышал, как там блеют молодые козлята, и загрыз двоих. Мне хотелось все больше и больше; и птиц, будь то куры или гуси, убивал я, где только ни находил. И от этого зубы мои все время были в крови, а сам я превратился в настоящего злодея и дикаря. И убивал я всех, кого только мог одолеть.

И вот однажды в зимнюю пору повстречал я Изегрима, который спасался от холода под деревом. И он сказал, что приходится мне дядей. Услышав о таком родстве, я решил, что нам следует держаться вместе, но потом я часто сожалел о таком решении. Мы поклялись друг другу во всем помогать и стали странствовать вместе. Он хватал крупную добычу, я же – что помельче, и всё мы договорились делить поровну. Но он так все устроил, что всякий раз забирал себе лучший кусок, мне же не доставалось и половины моей законной доли. А бывало и так, что зарежет Изегрим теленка, барашка или козочку и злобно рычит на меня, не подпускает к добыче и сам все и сожрет. Но это еще не самое худшее. Бывало, повезет нам изловить целого быка или корову, так тут же прибегает его жена и семеро волчат и набрасываются на добычу, а мне достаются лишь мелкие косточки, с которых они и так уже обглодали все мясо. И все же грех мне роптать, потому что мне удалось избежать голода и нужды. Я спасался тем, что жил за счет своего драгоценного клада, в котором было столько золота и серебра, сколько не увезти и на семи возках».

Прослышав про драгоценный клад, король взалкал этих богатств и велел Рейнарду рассказать, откуда у него эти сокровища.

«Милорд король, – отвечал ему Лис, – могу сказать, что богатства эти были мною похищены, но если бы этого не произошло, то пришлось бы тебе расстаться с жизнью, не допусти, Господи, такого греха и погибели всему нашему миру».

Услышав такие слова, королева очень испугалась и воскликнула:

«О Рейnard, что говоришь ты, заклинаю тебя спасением твоей заблудшей души, расскажи нам всю правду, расскажи все, что знаешь об этом возможном убийстве, которое грозило моему господину. Мы все должны услышать твой рассказ».

Слушайте же, как Лис будет заговаривать зубы королю и королеве, как завоюет их расположение и любовь и разрушит замыслы тех, кто хотел от него избавиться. Лестью, похвалой и сладкими речами сумеет он убедить всех, что его история есть истинная правда.

С печальным видом обратился Лис к королеве:

«Я скоро должен умереть. Поэтому и без твоего заклинания я не стал бы подвергать опасности свою душу, ведь если я не признаюсь во всех грехах, то меня ожидают адские муки. Не скажу больше того, что знаю. К большому моему огорчению, покушались на жизнь нашего господина его же подданные, а те, кто всем заправлял, – мои ближайшие родичи, и я был бы рад умолчать об их участии в этом деле, если бы не страх за свою бессмертную душу».

Король сделался мрачен от таких слов и сказал:

«Рейnard, расскажи мне всю правду».

«Да, – отвечал ему Лис. – Ты же видишь, как обстоят мои дела. Моя бессмертная душа в опасности, и ты прекрасно знаешь, что ожидает меня, вздумай я сейчас солгать. Смерть моя близка, и ни Бог, ни молитва мне уже не помогут».

Представив себе, какие муки его ожидают, если он утаит всю правду, Лис весь затрясся от страха. Вид его разжалобил королеву. И стала она молить короля, чтобы он сжалился над Лисом и уберег его от еще больших грехов, чтобы приказал он всем людям умерить свой гнев и спокойно выслушать исповедь Лиса. И повелел тогда король, чтобы все хранили молчание и слушали историю Лиса, не прерывая его. И сказал тогда Лис:

«Храните молчание, ибо такова воля короля. А я расскажу всю правду, что знаю об этом

заговоре. И клянусь, что не будет от меня пощады никому, на ком есть вина».

Как Лис накликал беду на тех, кто хотел известить его, и как заслужил он королевскую милость

Слушайте теперь, как начал Лис свою речь. А начал он с того, что обвинил Гримберта, своего кузена, который всегда помогал Лису, когда тот оказывался в беде. А сделал он это, чтобы придать своим словам больший вес и правдивость и чтобы потом легче и сподручнее ему было возводить напраслину на своих врагов. И вот что он сказал:

«Господин мой отец нашел однажды клад короля Эмерика, который был спрятан в пещере. И, найдя такое величайшее сокровище, он так возгордился и вознесся в собственных глазах, что остальных зверей, тех, кто прежде были его приятелями, стал презирать. Кота Тиберта он послал в дикий Арденнский край, чтобы тот поклонился Медведю Брюну и призвал его прийти во Фландрию и стать королем. Медведь Брюн возрадовался таким вестям, потому что это была давняя мечта. И он отправился во Фландрию, где мой отец приветствовал его со всеми почестями. Немедля также призвали хитреца Гримберта, моего племянника, Волка Изегрима и Кота Тиберта. Вот собрались эти пятеро и держали совет, а происходило это между Ген-том и деревушкой под названием Ифг. Они совещались долгую темную ночь напролет, и с помощью дьявола и его хитростей, с помощью богатства моего отца они порешили и поклялись, что короля предадут смерти. Слушайте же теперь и дивитесь, как все четверо поклялись на голове Изегрима, что сделают Брюна своим королем и господином, возведут его на престол в Акре и коронуют. А если появится кто из друзей или родичей короля, кто не подчинится такому порядку, то мой отец с помощью своего богатства должен будет их изгнать, лишив всякой власти и могущества.

И случилось так, что однажды рано поутру племянник мой Гримберт был сильно пьян от выпитого вина и рассказал об их заговоре своей жене Слокпад, взяв с нее клятву хранить тайну. Она же об этой клятве быстро позабыла и рассказала все моей жене во время их совместного паломничества, взяв с нее, однако, сначала обещание и заставив поклясться тремя королями из Кельна, что ни под каким видом она никогда никому не расскажет о том, что слышала, а будет вечно хранить молчание. Жена моя, конечно, хранила молчание до тех пор, пока не вернулась домой. Она все мне рассказала от начала до конца, заставив меня также хранить молчание. И столько она привела мне доказательств, что у меня не осталось никаких сомнений в том, что это правда. От страха и ужаса я не мог усидеть на месте и вскочил, а сердце мое будто свинцом налилось и было холодно как лед. И подумалось мне тогда, что похожая история произошла с лягушками, над которыми не было господина, а они жаловались, что свободны и ни у кого не в подчинении, потому что в государстве без правителя добра не жди. Стали они тогда молить Бога громкими голосами, чтобы Он назначил кого-нибудь, кто стал бы ими править, ибо таково было их величайшее желание. Бог услышал их мольбы и послал к ним правителем аиста, который стал их пожирать и

заглатывать. Так безжалостно он с ними обращался, что вскоре они возроптали, но было уже слишком поздно. Раньше они были свободны и никого не боялись, теперь же они стали рабами и должны были подчиняться власти своего короля и поддерживать его. И вот поэтому, обращаясь к вам, богатые и бедные, я встревожен: а не может ли подобная беда произойти с нами?

Вот так случилось, господин мой король, что опечалился я твоей судьбой, хотя и не за что тебе меня "благодарить. Медведь Брюн всем известен как прохвост и разбойник, а что было бы с нами, стань он нашим королем? Верная погибель. Тогда как наш суверен, господин король, – высокого происхождения, могуществен, мягок и добр, милостив и благороден, так что подумал я: неужели мы променяем благородного Льва на отвратительного грязного пройдоху? Не к добру будет такая перемена. Потому что у Медведя -болвана в голове столько безумных мыслей, что ни у кого столько не найдете. Посему опечалился я в своем сердце и непрестанно думал, как же помешать моему отцу предотвратить его коварный замысел посадить на престол низкого батрака, да еще такого, кто хуже последнего вора и предателя. Непрестанно я молил Бога, чтобы Он даровал нашему королю доброе здравие и долгую жизнь. Но я хорошо понимал, что при помощи своего богатства мой отец со своими приятелями отыщет-таки способ, как лишить нашего короля власти и свергнуть с престола. Я не мог найти себе места и все думал, как же мне разузнать, где хранит отец свои сокровища. И я ходил за ним по пятам, преследуя его и в лесу, и в кустах, и в поле, и днем и ночью, и в дождь и в стужу, чтобы только выследить, где же он прячет свой клад.

И вот однажды я лежал, распластавшись на земле, и увидел, как мой отец быстро выбирается из какой-то норы. Слушайте же, что я увидел дальше. Выбравшись из норы, он огляделся по сторонам, не шпионит ли кто за ним, и, не заметив ничего подозрительного, стал засыпать вход в нору песком. Потом он выровнял поверхность. Он не знал, что я за ним наблюдаю. А следы замел хвостом, потом еще разровнял языком, так чтобы никто не заметил. Вот на какие хитрости пускался мой отец, я же ничего о том не знал. После чего он отправился в деревню по своим делам, я же, хорошо запомнив это место, вскочил на ноги и бросился к норе. Он-то думал, что все тщательно спрятал, но я без труда отыскал нору, принялся изо всех сил копать и скрести лапами, выбрасывая песок, и забрался наконец внутрь. И там я нашел столько серебра и золота, сколько никогда раньше в жизни не видел. Среди вас не найдется никого, кто за всю свою жизнь видел столько сокровищ. Тогда я позвал на помощь свою жену Эрмелину, и мы день и ночь трудились не покладая лап, чтобы вынести эти несметные сокровища и спрятать их в другом месте, поближе к нам, в глубокой норе под кустом. Пока мы с моей хозяйкой трудились изо всех сил, отец проводил время с теми, кто задумал свергнуть короля. Послушайте же, о чем они сговорились. Медведь Брюн и Волк Изегрим разослали по всей округе письма, призывая наемников -солдат на службу и обещая им плату вперед. А обращаться они должны к Брюну. Мой отец разносил эти письма по всей стране. Он еще не знал, что лишился своего богатства, на которое мог бы скупить весь мир. А теперь не найти ему ни пенса.

Так странствовал мой отец по всей стране, пока не наступило лето. Он завербовал многих наемников, которые следующим летом должны были прийти на помощь Брюну. Потом он вновь возвратился к Медведю и четверем его приспешникам и рассказал им, каким опасностям подвергался близ городов в земле Саксонии, как целые дни напролет гнали его охотники с борзыми собаками, да так, что он едва спас свою шкуру. После этого рассказа он показал своим четверым дружкам письма, которые Брюна очень порадовали. В них говорилось, что ему поклялись в верности двенадцать сотен Изегримовых родичей – медведей, лис, котов и барсуков. Все они пообещали выступить по первому зову на помощь Медведю, как только получают вперед свое месячное жалованье. Обо всем этом я прознал благодаря Господу.

Потом мой отец отправился в нору, где хранил сокровища, желая взглянуть на них, но впал сразу же в великое отчаяние, потому что, сколько ни искал, ничего там не нашел, кроме разоренного тайника. О том, что он потом сделал, я не могу говорить без слез, поскольку от великого горя и ужаса он повесился. Вот как своей ловкостью я сумел предотвратить

Брюново предательство. Обидно только мне видеть, как эти заговорщики, Брюн и Изегрим, вкушают королевские милости и восседают с королем за одним столом, – а какова награда для бедняги Рейнарда? Спасая жизнь своему государю, я погубил собственного отца, а много ли среди вас найдется таких, кто способен на это?»

Король с королевой решили заполучить сокровища, и, посоветовавшись, они отозвали Лиса в сторону и стали просить его, чтобы он рассказал им, где же спрятан этот клад. На что Рейнард им отвечал так:

«А зачем мне рассказывать об этом королю и моим врагам? Король больше верит этим предателям и убийцам, которые своими лживыми рассказами задумали лишить меня жизни. И я буду им рассказывать, где спрятан клад? Да люди скажут, что я из ума выжил».

Тогда заговорила королева.

«Нет, Рейнард, – сказала она. – Король дарует тебе жизнь и прощает все твои прегрешения, а ты впредь будешь истинным и верным слугой нашему государю».

«Дражайшая госпожа, – отвечал Лис, – если король мне поверит и простит все мои прежние прегрешения, то обещаю вам сделать его богаче всех королей мира. Я принесу вам это сокровище, которое не имеет цены!»

«Ах, сударыня! – вмешался король. – Неужели можно верить этому плуту? Ложь, грабеж и воровство – вот в чем он большой мастер, это у него в крови».

«Нет, господин мой, – отвечала королева. – Ему вполне можно верить. Пусть ранее он и совершал подлости, зато теперь полностью переродился. Сам же ты слышал, как он обвинял своего отца и Барсука, который приходится ему племянником, а ведь мог бы возвести их вину и на других зверей, будь он лгуном и подлецом».

«Что же, моя госпожа, – промолвил король, – коли ты думаешь, что именно так следует поступить, го я поверю Рейнарду и возьму под свою ответственность все его прежние прегрешения. Хотя мне и не по нраву такое решение. Но, клянусь своей короной, если еще хотя бы раз он нарушит закон, то отвечать будет по всей строгости и сам, и все его родственники до девятого колена!»

Лис изредка бросал на короля осторожные взгляды, но в его сердце уже царил радость, и он сказал:

«Господин мой король, я не настолько глуп, чтобы морочить тебе голову выдумками!»

Король поднял с земли соломинку и совершил отпущение всех преступлений и прегрешений самого Лиса и его отца. Неудивительно, что Лис этим был обрадован и ошачливлен, потому что он сумел избежать смерти и избавиться от своих врагов.

Обратился Лис к королю:

«Господин мой король и ты, благородная королева, да вознаградит вас Господь за ту честь, которую вы мне оказали, я никогда не забуду вашей милости и вечно буду вам признателен. И в благодарность я сделаю вас богатейшими правителями во всем мире, ибо никому из живущих под солнцем не отдал бы я свое сокровище с большей радостью, чем вам обоим». С этими словами Лис поднял соломинку и протянул ее королю с такими словами:

«Дражайший мой господин, прими же сейчас величайшее сокровище короля Эмерика, ибо я по своей воле вручаю тебе сей клад и открыто об этом заявляю».

Король взял соломинку и с веселым видом отбросил ее от себя. Он долго благодарил Лиса, а Лис же про себя посмеивался. Потом король выслушал речи Лиса, и все это делалось по его воле.

«Господин мой, – начал Лис, – слушай же и хорошенько запомни мои слова. В западной части Фландрии есть лес, который называется Гюльстерло, а в этом лесу – источник под названием Крекенъпит. Места эти дикие, пустынные, бывает, что и за целый год не появится там ни мужа, ни женщины. Все, кто только может, стараются этих мест избегать. Там -то и спрятано сокровище. Запомни же, место это зовется Крекенъпит. А мой совет таков: дабы избежать опасности, разумнее всего вам с королевой отправиться туда вдвоем, ибо на вашем месте я не стал бы никому доверять такое важное предприятие. А у Крекенъпита увидите вы

две березы, растущие на краю оврага. Вот к этим -то березкам и направляйся, мой государь! Под ними и зарыт клад. С одной стороны растет мох, там и надобно рыть и копать землю. Там вы найдете множество золотых и серебряных драгоценностей, а также корону, которую носил сам король Эмерик и на которую позарился было Медведь Брюн. Увидите вы также множество камней-самоцветов, оправленных в золото, которые стоят не одну тысячу марок. И вот, мой государь, когда вы найдете все эти богатства, то

станете повторять в своем сердце: „О Рейнард Лис, никого нет правдивее тебя, как мудро ты поступил, спрятав здесь свои сокровища! Да прибудет с тобой Господь Бог и дарует тебе удачу и благополучие навеки!“»

«Сир Рейнард, – начал король, – ты должен отправиться с нами и помочь отыскать и выкопать клад. Я ведь не знаю дороги и не смогу найти это место. Слышал я про города, которые называются Париж, Лондон, Акра и Кельн. А Крекенъпит... Это выдуманное название, и кажется мне, что ты над нами подшутил».

Лису не по нраву пришлись такие речи.

«Но, господин мой король, ведь это же не дальше, чем от Рима до мая! Я ведь не посылаю вас к реке Иордан! А чтобы развеять твои сомнения, я сейчас призову сюда свидетеля. Эй, подойди-ка сюда, – громко позвал он Зайца Киварта. – Король хочет говорить с тобой».

Все звери смотрели на них с удивлением, недоумевая, что же такое задумал король.

«Ты что, замерз, Киварт, – обратился к нему Лис, – что ты так дрожишь? Не бойся, а скажи-ка лучше королю истину. Заклинаю тебя верой и правдой, что ты не солжешь и расскажешь королю и госпоже нашей королеве все как есть о том, о чем я буду тебя спрашивать».

«Я расскажу все, что знаю, хотя бы это стоило мне жизни, – отвечал ему Киварт. – Я не стану лгать, очень уж страшной клятвой ты меня связал. Скажу все, что знаю».

«Говори тогда, знаешь ли ты, где находится Крекенъпит? Слышал ты о таком?»

«Я хорошо знал эти места, но тому минуло уже двенадцать лет. А почему ты спрашиваешь, где он находится? Крекенъпит течет в лесу под названием Гюльстерло, это дикие места, там обитает много диких зверей. Сильно я там страдал однажды от голода и холода, так сильно, что и словами не описать. Патер Симон Фризский там чеканил фальшивые деньги; и они долго промышляли в тех местах, он и вся его шайка, но это случилось еще до того, как я подружился с Псом Рином, который спас меня от многих напастей, потому что он всегда предупреждал меня, когда вдруг кто -то появлялся поблизости. А против короля во всей своей жизни я не совершил ни одного проступка, а иначе разве бы я мог...»

«Все, Киварт, довольно, можешь отправляться восвояси, – сказал Лис. – Королю надоела твоя болтовня».

И Киварт отправился туда, откуда пришел.

«Господин мой король, теперь ты веришь, что я сказал правду?»

«Да, Рейнард, – отвечал король. – Прости меня за то, что не поверил тебе. Я поступил

дурно. И все же, друг мой Рейнард, не мог бы ты изыскать способ пойти вместе с нами и откопать этот клад?»

«Поверь мне, государь, – сказал на это Рейнард, – я был бы счастлив отправиться с тобой, если бы это не повредило твоей милости. Но, к несчастью, это невозможно. Слушай же, хотя мне и тяжело говорить, но я скажу тебе о своем грехе и позоре. Когда Волк Изегрим, подстрекаемый дьяволом, ударился в религию, стал монахом и вступил в орден, то оказалось, что ему не прокормиться в монастыре, ведь ел он за шестерых. И так он начал плакать и стенать и таким сделался слабым и больным, что я не мог не сжалиться над ним, как -никак он мне родня. И тогда я посоветовал ему бежать из монастыря, что он и сделал, а на меня пало проклятие, и Папа отлучил меня от Церкви. И завтра поутру, лишь взойдет солнце, я собираюсь отправиться в Рим, чтобы замолить свои грехи и получить прощение. А оттуда отправлюсь я по морю в Святую землю и вернусь на родину лишь тогда, когда совершу столько добра и сотворю столько молитв, что смогу с легким сердцем последовать за тобой куда угодно. А иначе, господин мой король, каким бесчестьем стало бы для тебя мое общество! Всюду люди начали бы говорить, что ты связался с проклятым и отлученным от Церкви!»

«Твоя правда, – ответил король. – Раз ты отлучен от Церкви, то люди станут подозревать за мной всякие злодеяния. Тогда пусть со мной в Крекенъпит пойдет Киварт или еще кто-нибудь. А тебе, Рейнард, я советую побыстрее освободиться от церковного проклятия».

«Милорд, посему отправляюсь я в Рим без малейшего промедления, не останавливаясь ни днем ни ночью, чтобы поскорее получить прощение и отпущение грехов».

«Рейнард, – сказал король, – я вижу, что ты ступил на верную дорогу, и да поможет тебе Бог, чтобы ты исполнил свои благие намерения».

Закончив беседу, король Нобель вышел вперед и поднялся на высокую каменную плиту. Он призвал всех зверей к молчанию и велел всем сесть вокруг, каждому как ему пристало по рождению и положению. Рейнард Лис остался подле королевы, которую ему следовало теперь любить и почитать. И сказал король:

«Слушайте меня все, богатые и бедные, молодые и старые, все, кто здесь собрались. Рейнард Лис, один из моих приближенных, совершил в прошлом много зла и должен был быть повешен, но сегодня здесь он оказал нам столь большую услугу, что я и супруга моя королева посулили ему наше благорасположение и дружбу. Королева страстно заступалась за него, и я решил примириться с Рейнардом. Вновь дарую ему жизнь и свободу. А вам всем повелеваю, под страхом смерти, оказывать почтение Рейнарду, равно как его жене и детям, где бы вы их ни встретили, будь то днем или ночью. Никаких жалоб на Рейнарда я больше выслушивать не стану. Если в прошлом совершал он грехи и проступки, то в будущем этого не произойдет, более того, завтра рано поутру он отправляется в Рим испрашивать прощения у Папы и отпущения всех грехов, а потом по морю в Святую землю, чтобы вернуться на родину с чистой и свободной душой».

Речь эту слышал Ворон Тиселин. Он подлетел к Изегриму, Брюну и Тиберту и сказал им:

«Эх, несчастные простофили, что вы еще здесь делаете? Рейнард теперь большой вельможа, он первый при дворе, наделен могуществом и властью. Король простил ему все прошлые прегрешения и вернул ему свою милость. А вам всем еще предстоит держать ответ перед королем».

«Как это возможно? – изумился Изегрим. – Не может быть такого, ты лжешь, Тиселин».

«Нет, это истинная правда», – отвечал Ворон.

Тогда Волк и Медведь отправились к королю. Кот Тиберт сильно опечалился и впал в отчаяние. Он думал, что ради дружбы Рейнарда он готов простить ему даже потерю глаза. Он растерялся и не знал, что предпринять. Лучше уж было бы никогда в жизни ему не встречать Лиса.

Как стараниями Рейнарда Лиса Волка и Медведя арестовали

С гордо поднятой головой пошел Изегрим через ноле к королю, поклонился королеве и обратился к королю с жаркими обвинениями против Лиса. Король, услышав такие речи, разгневался и приказал немедленно арестовать Волка и Медведя. Никакой лесной зверь так не истязает свою добычу, как истязали их тогда. Их крепко связали веревками, так что всю ту ночь они не могли шевельнуть ни рукой ни ногой, ни сдвинуться с места, ни согнуть конечности. Слушайте теперь, что дальше сделал Лис. Он их так ненавидел, что сумел уговорить королеву позволить ему выдрать кусок кожи у Медведя на спине, фут шириной и фут длиной, чтобы сшить себе паломническую котомку. Еще ему понадобились две пары крепких сапог для дальнего пути. Слушайте же, как он раздобыл себе такие сапоги.

«Я ваш паломник, сударыня, – обратился он к королеве. – У моего дяди, сира Изегрима, две пары крепких сапог, и, если бы он одолжил мне одну из них, я бы всю дорогу пылко молился о спасении вашей души. Ибо паломник всегда должен возносить молитвы ради тех, кто делает ему добро. Будет большая от этого польза твоей душе. А еще хотелось бы мне заполучить пару сапожек от моей тетушки, сударыни Эре-вины, она ведь редко выходит, больше дома сидит».

«Рейнард, – отвечала ему королева, – ты заслужил паломнические сапожки, они тебе нужны, чтобы ногам было удобно на дальних переходах по каменистым дорогам через высокие горы. А самые лучшие сапожки те, что носят Изегрим и его жена. Они крепкие и прочные, и пусть это даже будет стоить им жизни, но ты получишь для своего паломничества по паре сапог от Волка с Волчицей».

Как страдали Изегрим и его жена Эрсвина, когда с них сдирали сапожки, и как Рейнард получил сапожки, чтобы отправиться в Рим

Вот так этот мнимый паломник заполучил пару сапог с лап Изегрима, снятых от когтей до самого мяса. И когда сдирали с него сапожки, Изегрим, опозоренный, лежал неподвижно и не шевелился, но лапы его кровоточили. Жена его Эрсвина тоже лежала на траве с тяжелым сердцем. И она лишилась своих задних сапожек. Довольный Лис стал насмехаться над своею тетушкой:

«Дражайшая тетушка, сколько страданий ты вынесла из-за меня, мне так жаль. Но я все же рад, потому что из всех моих родичей нет для меня никого дороже, чем ты, поэтому с превеликим удовольствием я надену твои сапожки, и станешь ты моим спутником в паломничестве, в походе за прощением в Святую землю, которое я добуду в твоих сапожках».

Госпожа Эрвина была слишком слаба, чтобы много говорить, но все же она произнесла:

«Слушай, Рейnard, сейчас все свершается по твоей воле, но я молю Бога, чтобы Он отомстил тебе!»

Изегрим и его приятель Медведь не сказали ни слова, а лежали на земле и молча страдали, потому что они были связаны по рукам и ногам и все в крови от ран. Будь там Тиберт Кот, ему бы тоже досталось, не избежать бы и ему мучений и позора.

На следующее утро, когда солнце поднялось, Рей-nard смазал свои сапожки, доставшиеся ему от Изегрима и его жены Эрвины, надел их и привязал к своим ногам. После чего в самом радостном расположении духа отправился к королю и королеве.

«Господин мой Нобель и ты, моя госпожа, – сказал он, – да прибудет с вами Бог в это доброе утро. Благословите же меня и позвольте взять в руки суму и посох, как подобает паломнику».

Король тотчас же послал за Бараном Беллином и приказал ему:

«Сир Беллин, ты должен прочитать над Рейnardом молитву, ибо он отправляется ныне на богомолье. Дай ему также суму и посох».

«Милорд, – отвечал ему Беллин, – я не могу этого сделать, ведь он говорит, что самим Папой отлучен от Церкви...»

«А чему по этому поводу учит нас мессир Ге-лис? – спросил король. – Он учит, что если кто из людей грешен, но возжелает отступиться от грехов, покается, искупит свою вину и будет следовать советам священника, то Господь будет к нему милосерден и простит все его прегрешения. Рейnard же ныне отправляется через море в Святую землю, где очистится от всех грехов».

«Я не могу этого сделать, – упорствовал Беллин, – но если бы ты заступился за меня на церковном суде и защитил меня от епископа Пренделора, от его архидьякона Лусвинда и сира Рапиамуса, его прислужника, тогда бы...»

«Ни за что на свете я больше не стану к тебе обращаться! – проговорил король гневно. – Лучше было бы тебя попросту вздернуть на виселице».

Увидев, что король не на шутку рассердился, Баран задрожал, заблеял от страха и бросился к алтарю. Он быстро раскрыл свои книги и принялся читать молитвы, те, что подходили для Рейнарда больше всего. Но Лис, однако, мало его слушал.

Когда Баран Беллин закончил свою божественную службу, он повесил Рейnardу на шею котомку, обшитую медвежьей шкурой, и вручил ему посох. Рей-nard был готов

пустить в путь. Печальными глазами смотрел он на короля, и притворные слезы потекли по его лицу. Он притворялся, что его тяготит разлука, что сердце его полно горечи, на самом же деле сожалел он лишь о том, что не удалось всем остальным подложить такую же свинью, как Волку и Медведю. И все же он стоял перед королем и просил молиться за него, а сам тоже обещал молиться за всех. Про себя Лис думал, что уже слишком он задержался и что пора уходить, ведь он сознавал свою вину.

«Рейнард, – обратился к нему король, – я очень сожалею, что ты должен спешить и не можешь побыть с нами еще немного».

«Нет, мой государь, мне давно пора в дорогу, позволь же отправиться без промедления».

«Да поможет тебе Бог», – сказал король и приказал своим придворным торжественно проводить Рейнарда в дорогу.

Не было среди них только Волка с Медведем, которые томились в темнице связанные, и ни одна душа не решилась их пожалеть. Если бы вы только видели, как важно и благонаравно вышагивал Рейнард в своих сапожках, с котомкой за спиной и с посохом в руках! Вы бы умерли от смеха. Он же казался столь серьезным и торжественным, а про себя насмеялся над своими врагами и над тем, как он с ними расправился. И над самим королем, которого обвел вокруг пальца и заставил плясать под свою дудку. Воистину мир не видел еще такого лицемерного паломника!

«Господин мой король, – сказал Лис, – прошу тебя, возвращайся, тебе не следует ходить со мной, это может повредить твоей милости. Не забывай про двоих убийц, заключенных в темнице. Случись так, что им удастся сбежать, не миновать тебе беды. Я молю Бога избавить тебя от такой напасти». С этими словами Лис поднялся на задние лапы и обратился ко всем собравшимся зверям, большим и малым, чтобы они молились за него, потому что теперь они соучастники его прощения.

Звери отвечали, что никогда его не забудут. С этим Лис отправился со двора. И был он таким кротким и печальным, что у многих вызвал сочувствие.

А он тем временем с веселым видом обратился к Зайцу Киварту и Барану Беллину:

«Ну что, друзья мои, пора нам уходить. Вы двое да Господь Бог – вот моя компания. Вы никогда не причиняли мне вреда. Ваше общество мне приятно, вы любезны и добры, не жалуетесь на своих собратьев. Вы благородного происхождения и праведной жизни – какую и я вел во времена своего отшельничества. Вы довольствуетесь лишь листьями да травой, а хлеб, мясо и прочие разносолы вам ни к чему».

И так ловко заговорил Рейнард зубы этим двоим своими лживыми речами, что они дошли с ним до самого его жилища – замка Разбойничья Нора.

Как Лис разделался с Зайцем Кивартом

Когда они подошли к воротам, Лис попросил Барана остаться на лугу, тогда как он с Кивартом вошел бы внутрь. Он просил Киварта помочь ему поговорить с женой Эрмелиной, проститься с ней и утешить ее и детей.

«Я буду молиться, чтобы Киварт помог тебе в этом благородном деле», – ответил Беллин.

С такими льстивыми словами повел Лис Киварта и свою нору, не в добрый для Зайца час. Они увидели, что госпожа Эрмелина лежит на земле, а лисята ползают подле нее, и все они в горе и печали, оплакивая Рейнарда. Увидев мужа, она обрадовалась, но когда разглядела его посох, котомку и сапоги, то очень удивилась.

«Милый Рейнард, – сказала она, – ты, должно быть, многое перенес».

«При дворе меня арестовали, – ответил Рейнард, – но потом король вновь даровал мне свободу. А сейчас я отправляюсь на богомолье. Медведь Брюн и Волк Изегрим оставлены за меня залогом. А король, за что я ему безмерно благодарен, отдал нам Зайца, и можем делать с ним что пожелаем. Король сам мне рассказывал, что это Киварт первый стал на нас жаловаться. И клянусь тебе, я на него не на шутку рассержен».

Услышав такие слова, Киварт задрожал от страха. Он был бы рад пуститься наутек, но не мог, потому что Лис преграждал ему путь к выходу и уже успел схватить его за горло. Тогда он стал звать на помощь Барана: «Беллин, спаси меня, этот паломник хочет меня зарезать!» Но крик вскоре прекратился, потому что Лис перегрыз зайцу горло.

«Давайте отведаем славной жирной зайчатины, – позвал он жену и детей».

И устроили они настоящее пиршество, потому что мясо у Киварта было мягким и нежным, и особенно оно понравилось Эрмелине. Напившись крови, она все благодарила короля за то, что он доставил им такую радость.

«Ешьте, ешьте сколько пожелаете, – говорил Лис, – стоит нам только захотеть, и у нас будет вдоволь вкусной еды».

«Рейнард, мне кажется, ты шутишь, – сказала его жена. – Поведай же нам, как удалось тебе избежать расплаты?»

«Госпожа моя, я наплел таких небылиц королю и королеве, что дружба наша с ним очень скоро оборвется, стоит ему лишь во всем разобраться. Он придет в ярость, прикажет меня разыскать и повесить. Поэтому нам надо убираться из этих мест и поискать себе прибежище в каком-нибудь другом лесу, где бы нам не грозила опасность и мы могли бы жить спокойно. Где бы никто нас не нашел, ищи они хоть семь лет или даже дольше. Есть великолепные места, где водится множество куропаток и иных диких птиц. Там текут светлые и прозрачные ручьи, а какой сладкий воздух! И если ты, госпожа, захочешь отправиться со мной в те места, там проживем мы в мире, покое и в несметном богатстве. Ведь король отпустил меня только потому, что я рассказал ему о кладе, якобы спрятанном в Кркенъпите, но там, сколько ни копай, все равно ничего не найдешь. И когда он поймет, как его провели, он сильно разгневется. Подумай только, на какие хитрости пришлось мне пускаться, чтобы спасти свою жизнь. С большим трудом я освободился из темницы. Никогда еще я не был так близок к смерти. И теперь, когда лишь благодаря своей смекалке я сумел

вырваться из его пасти, я ни за что на свете по своей воле и на милую не подойду к его двору».

«Рейнард, – отвечала ему госпожа Эрмелина, – думается мне, что нам не стоит трогаться с места и искать другой лес, потому что там мы навсегда останемся чужаками и будем одиноки, тогда как здесь у нас есть все, что пожелаем, и ты здесь – глава над всей округой. А если случится беда и нам придется бежать, когда король станет за нами охотиться или окружит замок, так ведь здесь великое множество боковых ходов и тайных тропинок, и мы без труда сумеем замести следы. Нет, пока мы здесь, нам ничто не грозит, мы ведь хорошо знаем все ходы и выходы. А если король вздумает взять нас силой, так ему понадобится для этого многих призвать на помощь. Не это меня тревожит, а твое обещание отправиться за море и оставить нас».

«Не печалься, госпожа моя, об этом не печалься. Клятвы даются, и клятвы нарушаются. Как-то один добрый человек объяснил мне, что клятва по принуждению, клятва, добытая силой, не считается на-стоящей. Пускай бы даже и пошел я в это паломничество, что мне с того проку? Поэтому последую я твоему совету и останусь здесь. Если вздумает король меня искать, я буду защищаться изо всех сил; если захочет он задавить меня своей мощью, то у меня достанет хитрости и смекалки, чтобы еще раз хорошенько его одурачить. У меня в запасе много фокусов, так что захочет он лиха, он его и получит».

Баран Беллин к этому времени устал ждать своего приятеля Киварта и громким голосом закричал:

«Киварт, какого черта, выходи скорее. Сколько будет Рейнард тебя там держать! Пора идти!»

Рейнард, услышав его крики, вышел к Беллину и сказал ему мягко:

«Дорогой Беллин, не стоит тебе так сердиться, ведь Киварт беседует со своей любимой тетушкой. Не будем его за это осуждать. Он просил меня передать, что тебе лучше отправляться назад, а он по пути догонит тебя, у него же быстрые ноги. Он хочет остаться еще на некоторое время, чтобы побыть со своей тетушкой и ее детьми. Они плачут и грустят, потому что я их покидаю».

«А что там случилось? – спросил Беллин. – По-моему, Киварт звал на помощь».

«О чем это ты, Беллин? – отвечал ему Лис. – Неужели ты думаешь, что в моем доме Киварту могла грозить какая-нибудь опасность? Слушай, я объясню тебе, почему он кричал. Едва только мы вошли в дом и моя жена Эрмелина поняла, что я отправляюсь за море, как она тотчас же упала в обморок. А Киварт стал кричать и звать тебя на помощь: „Беллин, на помощь, помоги моей тетушке, с ней случился обморок!“»

«Но мне показалось, что Киварт сам попал в беду», – настаивал Баран.

«Уверяю тебя, что это не так. Какая опасность может грозить Киварту в моем доме? Да я скорее пожертвую своей женой и детьми!»

Как Лис послал с Бараном Беллином голову Киварта королю

«Послушай, Беллин, – начал Лис, – помнишь ли ты, что вчера король и его совет постановили, что я до своего отъезда должен послать королю два письма? Так вот, дорогой кузен, согласишься ли ты доставить их королю? Они уже готовы».

«У тебя такой великолепный слог, да и тема, на-вернее, достойная, – сказал Баран Беллин, – так что я согласен доставить твои письма. Только вот мне не в чем их унести».

«Об этом не беспокойся, – ответил Рейнард. Это такие важные послания, что я готов пожертвовать ради них своей котомкой. Я повешу ее тебе на шею, и король будет безмерно благодарен за доставку и осыплет тебя милостями».

Беллин пообещал, что доставит письма королю. Тогда Рейнард вошел в дом, положил в котомку голову Киварта и вернулся к Беллину. Баран не подозревал, какую беду он накликает на свою голову. Лис повесил котомку Барану на шею и заклинал его не заглядывать внутрь, если только ему дорого королевское благорасположение.

«Коли послушаешься меня, будешь у короля в большой любви и милости. Да, и скажи еще, что письмо составлено с твоей помощью и по твоему совету. И король будет тебе премного благодарен».

Баран Беллин очень обрадовался и стал благодарить Лиса:

«Рейнард, я отлично понимаю, какую услугу ты мне оказываешь. Ведь при дворе теперь станут думать, будто я способен так изящно и мудро излагать мысли на бумаге, хотя я этого вовсе не умею. Иногда так бывает, что Бог осыпает кого-то Своими милостями благодаря стараниям и мудрости других людей. Вот так и со мной сейчас. А что же Киварт? Может быть, нам отправиться ко двору вместе?»

«Нет, – отвечал Лис, – сейчас он пойти не может, потому что все еще занят беседой со своей тетушкой. Но по пути он тебя догонит. Так что ты пока отправляйся, а я еще должен обсудить с Кивартом некоторые секретные дела, которые пока никому не известны».

Беллин попрощался с Рейнардом и пустился в путь. Он так спешил, что еще до полудня прибыл ко двору. Король и его придворные находились в это время во дворце. Король очень удивился, увидев у Барана паломническую котомку, сшитую из медвежьей шкуры.

«Беллин, откуда ты? – обратился к нему король. – И где Рейнард? И почему он отдал тебе свою котомку?»

«Милорд, – отвечал Беллин, – позволь рассказать все по порядку. Я проводил Рейнарда до дому, и через некоторое время, закончив свои дела, он спросил меня, не могу ли я оказать тебе такую милость и доставить ко двору два письма. Я ответил, что готов услужить королю и доставить хоть семь писем. И тогда он вынес из дому эту котомку, в ней лежат письма, которые мы сочиняли вместе. Смею сказать, что тебе еще не доводилось читать таких изящных и мудрых писем».

Король тотчас же приказал своему секретарю Бокарту, который владел многими языками, прочесть письма. Позвали также Кота Тиберта, и эти двое сняли котомку с шеи Барана, который, закончив свою длинную речь, теперь стоял тихо.

Секретарь Бокарт развязал котомку и вытащил голову Киварта.

«Мой государь, других писем здесь нет. А это, несомненно, голова Киварта».

«Горе мне, – воскликнул король, – что я поверил этому пройдохе!»

Никогда еще не видели придворные короля и королеву в таком мрачном расположении духа. Король склонил голову и долго молчал. Потом он издал такой дикий крик, что все вокруг содрогнулись от страха. Тогда заговорил сир Фирапел Леопард, состоявший с королем в родстве:

«Сир король, стоит ли поднимать такой шум и предаваться горю, как будто скончалась наша госпожа королева! Забудь свое горе, веди себя достойно. Ведь ты король над всеми в этой земле, и все здесь под твоей властью».

«Сир Фирапел, – отвечал ему король, – как же мне пережить такой позор! Один прохвост и обманщик так сумел меня одурачить, что я несправедливо обвинил, да еще и наказал своих верных друзей, храброго Брюна и Волка Изегрима. Как же я могу не раскаиваться! Я причинил вред лучшим своим придворным, а поверил этому сукиному сыну! Это не делает мне чести. Жена моя тоже виновата, это она стала заступаться за Лиса. А я ее послушал, в чем тоже теперь раскаиваюсь. Но слишком поздно».

«А что такого, сир король, – сказал Леопард. – Если ошибка совершилась, ее всегда можно исправить. Медведю, Изегриму и его жене Эрсвине за их страдания надо отдать Барана. Он ведь сам признался, что причастен к смерти Зайца. Вот пусть теперь и отвечает. А мы двинем на Рейнарда войска, арестуем его и повесим без суда и следствия. Так все останутся довольны».

Как Баран Беллин со всем семейством были отданы в руки Брюна и Изегрима и как его убили

«Я с радостью последую твоему совету!» – воскликнул король.

Тогда Леопард Фирапел отправился в темницу, освободил узников и сказал им так:

«Господа, я принес вам весть о прощении, великой милости и дружбе милорда короля, который глубоко сожалеет о том, что когда-либо, словом или делом, причинил вам вред. Он хочет с вами помириться и в утешение отдает вам Барана Беллина и всех его потомков с нынешнего дня и до конца времен. Если кто из вас повстречает их в лесу или в поле, вы можете смело набрасываться на них и делать что пожелаете. Это ваше вечное право. Король также дарует вам полную свободу расправляться с предателем Рейнардом и всеми его родичами, как вам будет угодно. Вот те великие милости, которые на вечные времена дарует вам король. Взамен он хочет вашей дружбы, верности и почитания. Вы должны поклясться никогда не поднимать на него руки. Мой вам совет – соглашаться на такие условия, потому что это сделает вам честь».

Так Леопард Фирапел помирил зверей с королем. А Барану Беллину это стоило шкуры, а также и жизни. Волчье потомство и по сей день не забывает о привилегиях, дарованных королем, и волки безжалостно расправляются с потомками Беллина при всяком удобном

случае. Мира между ними уже никогда не будет, потому что не в добрый час они затеяли распрю.

А король, примирившись с Волком и Медведем, устроил при дворе пышный праздник и пиршество, которые длились двенадцать дней. Столь счастлив он был этому примирению.

Как король устроил праздник и как Кролик Лапрель жаловался королю на Рейнарда Лиса

Король по всей земле объявил во всеулышание о своем великом празднике, и ко двору собралось несметное множество зверей. Такой буйной радости и веселья нигде еще не видывали. Гремели трубы, пели свирели, играла музыка, а гости танцевали. По приказу короля было приготовлено столько угощений, что собравшиеся не знали недостатка ни в чем. Со всей страны прибыли на пир звери, и большие и малые, все те, кому было дорого расположение короля. Слетелись и лесные птицы.

Не было только лжепаломника Рейнарда Лиса, рыжего разбойника и плута, который притаился в засаде и измышлял новые хитрости и злодейства. Он решил, что лучше ему не появляться при дворе.

Вино на празднике текло рекой, гости развлекались играми, всюду звучала музыка. Удовольствием было просто смотреть на это пиршество. И вот, когда праздник длился уже восемь дней, около полудня перед королем предстал Кролик Лапрель. Король с королевой сидели в это время за столом, и Кролик обратился к ним с такими грустными словами:

«Милорд, сжался надо мной! Выслушай меня! Лис Рейнард покушался на мою жизнь, и я чудом сумел спастись! Вчера утром, когда я пробежал мимо его норы, он стоял у двери в одежде паломника. Я спешил на праздник и хотел уже незаметно прошмыгнуть мимо, как вдруг он заметил меня. Бормоча себе под нос молитвы, он двинулся в мою сторону. Я с ним поздоровался, а он, не говорящий слова, бросился ко мне и вцепился прямо в шею. Я уж было решил, что настал мой смертный час, но, слава Господу, у меня достало сил вырваться из его когтей, хотя мне было очень больно. Он же разозлился и страшно заскрежетал зубами от досады, что упустил добычу. Я же, хотя и вырвался, одно ухо все же потерял, а на голове остались следы его острых когтей. Раны так сильно кровоточили, что я едва не лишился чувств, и только страх смерти гнал меня вперед. Я бежал что было мочи, и он не сумел меня поймать. Смотри же, милорд, вот мои раны, вот следы его длинных острых когтей! Сжался надо мной и накажи его примерно, накажи этого предателя и убийцу! А иначе, пока этот разбойник творит свое беззаконие, никто и шагу ступить не может, не опасаясь за свою жизнь!»

Как Ворон Корбант обвинил Лиса в убийстве своей жены

Едва только Кролик закончил свой рассказ, как вперед вышел Ворон и обратился к королю:

«Милостивый лорд, выслушай мою душераздирающую историю. Сегодня поутру я с женой моей Шарпбек вышли погулять на луг. Вдруг видим: лежит на земле Лис Рейнард, лежит и не шевелится, совсем как мертвый. Глаза выкатились, язык свисает из пасти, как у дохлой собаки. Мы ощупали его со всех сторон, но не нашли никаких признаков жизни. Тогда моя жена наклонилась к нему поближе, чтобы послушать, есть ли дыхание. И за это была жестоко наказана, потому что коварный разбойник только этого и ждал. Когда она наклонилась к нему совсем близко, он схватил ее зубами и откусил ей голову. Я громко зарыдал от горя и стал кричать, он же вскочил и с таким алчным видом устремился ко мне, что я, дрожа от страха за свою жизнь, взлетел на дерево и оттуда смотрел, как подлый злодей жадно ее пожирает. Он съел все – и мясо и кости, осталась только горстка перышек. Мелкие же перья он сожрал вместе с мясом. Он был такой голодный, что легко мог бы слопать и двоих. Потом он отправился своей дорогой, я же слетел с дерева и, предаваясь своему

глубочайшему горю, стал собирать перышки, чтобы принести их сюда и показать тебе. Ни за какие сокровища, ни даже за тысячу марок чистейшего арабского золота я бы не согласился еще раз пережить этот ужас и страх. Смотри, милорд король, вот все, что осталось от моей женушки Шарпбек. Эти перья принадлежали ей. И если, мой государь, тебе дорога честь, ты должен восстановить справедливость и сурово покарать преступника, дабы все видели, что убийство не останется безнаказанным. А если ты будешь потворствовать таким делам, то и сам не сможешь жить спокойно. Ибо если кто из власть имущих потакает вору и преступникам в их черном деле и не следит за строгим исполнением закона, то такой господин наравне с ними предстанет перед Божьим судом как соучастник их преступлений и прегрешений. И так каждый за себя. Мой государь, позаботься и о своей судьбе».

Как разгневался король, выслушав эти жалобы

Выслушав жалобы Кролика и Ворона, король Нобель впал в такой гнев и ярость, что на него страшно стало смотреть: глаза полыхали огнем, а от рыка все звери задрожали. И он воскликнул:

«Клянусь своей короной, клянусь истиной, я так накажу преступника, что об этом долго еще будут говорить! Моей королевской власти и моей чести нанесен жестокий удар, и все потому, что я был слишком добр, я слишком легко доверился этому хитрецу и плуту! Он обманул меня своими лживыми речами. Он говорил, что собирается в Рим, а оттуда по морю в Святую землю. Я снарядил его как подобает паломнику, дал ему суму и посох. И я поверил ему! О, на какую ложь способен этот злодей, как легко мы поддаемся его льстивым речам! Но это все из-за моей жены, это она посоветовала довериться ему. Что же, не я первый, кто ошибается из-за женщины. Сколько горя принесли миру такие советы! Обращаюсь сейчас ко всем моим верноподданным, ко всем, кто ищет моего расположения и дружбы, ко всем вам, кто здесь и кого здесь нет. Своими мыслями, советами и делами вы должны помочь мне отомстить негодяю за его неслыханные преступления, так чтобы все прочие жители могли впредь наслаждаться спокойствием и свободой, жить в чести и согласии. А этот подлый убийца и вор пусть получает по заслугам. Он не должен больше нарушать наш покой. Я сам обязуюсь приложить к этому все старания».

Речь короля слышали Волк Изегрим с Медведем Брюном. Они воспрянули духом, узнав, что будут отомщены. Однако слова молвить не решились. Король все еще был так разгневан, что звери боялись и рта раскрыть. Наконец заговорила королева:

«Сир, клянусь Богом, не пристало благородному человеку верить всякому слову и не пристало приносить суровые клятвы, пока он сам во всем не разобрался. Следует прежде дать право и другой стороне высказать свое мнение. Часто бывает, что жалуется на другого

тот, кто сам виноват. Audi alteram partem¹. Я искренне верила в добрые намерения и правдивость Лиса и только поэтому помогала ему. Но чем бы дело ни кончилось, будь он виновен или нет, в любом случае, мне кажется, ты не должен принимать поспешных решений. Это не сделает тебе чести. Ведь он же от тебя не убежит. Ты можешь заключить его в тюрьму или изгнать из страны, и он будет вынужден подчиниться любому твоему решению».

После этого заговорил Леопард Фирапел: «Милорд, миледи королева совершенно права, она подала тебе мудрый совет. Последуй ему, и это послужит всеобщему благу. Если Лиса признают виновным в тех преступлениях, о которых мы здесь услышали, накажи его. Если же он придумает какую-нибудь отговорку и не явится ко двору до окончания твоего праздника – а этого вполне можно от него ожидать, – тогда поступай так, как подскажет тебе твоя мудрость. Но будь он хоть дважды злодей и преступник, я бы не стал советовать тебе наказывать его больше, чем он того заслуживает».

«Сир Фирапел, – заговорил тут Волк Изегрим, – все, что совершается по воле короля, совершается и по нашей воле. Но если бы Рейнард был сейчас здесь и сумел бы отпереться от всех обвинений, пусть бы их было в два раза больше, я все равно смог бы убедить вас, что он заслуживает смерти. Но пока я молчу, поскольку его нет среди нас. И более того, вспомните, как складно он рассказывал королю о сокровище, якобы спрятанном в Крекеньпите, в Гюльстерло. Мир еще не слыхивал более наглой лжи, и мы все попались на его удочку. Как оболгал он остальных и как пострадали от него мы с Медведем! Дерзну сказать, что – готов ставить свою жизнь – в его речах не было ни единого слова правды. А чем он занят нынче? Нападает на всякого, кто пройдет по лугу недалеко от его дома. И все же, сир Фирапел, мы поступим так, как решит милорд король. И сюда Рейнард явиться не захотел, а ведь прекрасно знает о празднике и о королевском приказе».

«Нет, мы не станем снова за ним посылать, – сказал король. – Приказываю всем, кто верно мне служит и кому дорога моя честь. Через шесть дней вы должны быть готовы выступить с войсками. Берите свои луки и стрелы, заряжайте пушки, садитесь верхом на коней, идите пешими – с нашим войском мы начнем осаду Разбойничьей Норы. Я должен расправиться с Рейнардом Лисом, не будь я королем. Что же, сирсы и лорды, каков ваш ответ? Согласны вы выступить с моим войском по доброй воле?»

«Да, согласны, – закричали все. – Веди нас, государь, и мы все последуем за тобой».

Как Барсук Гримберт предупредил Лиса, что государь на него гневается и поклялся его убить

Все это слышал Барсук Гримберт, сын Рейнардовой сестры. Он очень опечалился и испугался за Лиса. Гримберт по самой короткой дороге бросился к Рейнарду. Он бежал не оглядываясь, продираясь через кусты и заросли, он так спешил, что весь покрылся потом. Гримберту было очень жаль своего дорогого дядюшку, и на ходу он думал про себя: «Увы, какой же опасности ты подвергаешься, что теперь станет с тобой? Неужто мне суждено увидеть, как тебя лишат жизни или изгонят в чужие земли? Горе мое безгранично. Ведь ты глава всего нашего клана, ты мудр и всегда готов прийти на помощь друзьям, если они окажутся в беде. Ты искусен в своих речах, и каждый, кто тебя услышит, всегда признает твою правоту». Предаваясь таким грустным размышлениям, шепча про себя горестные речи, добрался Гримберт до Разбойничьей Норы. И увидел, что дядюшка его Рейнард стоит перед домом и держит в когтях двух голубей. В тот день они впервые вылетели из гнезда, чтобы попробовать силы в полете, но перья на крыльях у них еще не отросли, и поэтому птицы упали на землю. Рейнард же как раз в эту пору отправлялся за добычей, увидел голубей, не мешкая схватил обоих и собирался отнести домой. Заметив Гримберта, он остановился и

¹ Выслушай другую сторону (лат.).

сказал:

«Привет тебе, мой племянник, самый любимый из всех моих родичей. Почему ты так быстро бежал? Смотри, ты весь в поту».

«Увы мне, – отвечал Барсук, – дорогой дядюшка, плохи твои дела. Ты потерял и богатство, и саму жизнь. Король поклялся, что ты умрешь в бесчестье, и приказал за шесть дней собрать войска для осады твоего замка. И пешие, и конные, и лучники будут с ним, у них есть ружья, пушки и палатки. А еще он приказал взять с собой факелы. Видишь, что тебя ждет. Ты в большой беде. Изегрим и Брюн теперь ближайшие друзья короля, они с ним ближе, чем мы с тобой. И чего бы они ни пожелали, король все исполняет. Изегрим, исходя завистью, внушает королю, что ты вор и убийца. К тому же на тебя жаловались Кролик Лапрель и Ворон Корбант. Так что я очень боюсь за тебя и за твою жизнь. Я просто заболел от страха».

«Пуфф, – ответил ему Лис, – и это все, что тебя тревожит, милый племянничек? Если так, то успокойся и возрадуйся. Король и вся его свита могут клясться сколько угодно, что разделяются со мной, но ничего у них не выйдет. Они могут совещаться, грозить и буйствовать, но двору нужнее всего мой ум и моя смекалка».

Как Лис Рейнард отправился ко двору во второй раз

«А теперь, милый племянник, выброси все это из головы и входи в дом. Смотри -ка, чем я буду тебя угощать, – вот парочка жирных голубков, лучше еды и не сыщешь. А мясо такое нежное, что просто тает во рту, и костей -то почти нет. Я отдаю предпочтение именно такой, легкой пище, потому что не люблю чувствовать тяжесть в желудке. Моя жена Эрмелина будет рада тебя видеть, но только не говори ей ничего о том, зачем ты здесь. У нее такое чувствительное сердце! От волнений она может даже заболеть, бедняжка, пугается любого пустяка! А завтра поутру мы с тобой отправимся ко двору. И если только дадут мне высказаться и станут меня слушать, вот тут -то я отвечу на все вопросы! А ты, племянник, ты ведь не оставишь меня и будешь помогать, как это положено настоящим друзьям?»

«Разумеется, милый дядя, – отвечал Гримберт, – мое добро, моя жизнь – все в твоём распоряжении».

«Да хранит тебя Бог! – сказал Лис. – Приятно слушать такие речи. Когда -нибудь я отплачу тебе добром за добро».

«Дядя, – сказал Гримберт, – смело отправляйся к ним на суд и предстань перед королем. Ты сумеешь оправдать себя, так что никто не рискнет тебя арестовать или задержать. Главное – говори смелее. Королева и Леопард тебе сочувствуют».

«Ну вот, – ответил Лис, – значит, все в порядке. А все остальные меня ни капельки не интересуют. Я сумею оправдаться».

Больше они об этом не говорили, а вошли в дом, где сидела Эрмелина в окружении своего потомства. Все поднялись и радостно приветствовали гостя. Гримберт ласковым

словом приветствовал свою тетушку и ее детей. Голубей, которых поймал Рейнард, приготовили и подали на ужин. Каждый съел свою долю до последней крошки. И если бы им предложили еще столько же, обедков бы не осталось.

«Милый племянник, – обратился к Барсуку Лис, – как ты нашел моих детишек, Роселя и Рейнардина? Мне кажется, что они делают честь всему нашему роду. Они уже добились изрядных успехов: один может поймать цыпленка, а второй – и молодую курицу. И ныряют отлично, могут добыть и утку, и чибиса. Я бы уже и посылал их за добычей, но хочу сперва, чтобы они хорошенько усвоили, как не попасться в силки, как обхитрить охотников и удрать от собак. Далеко от дому нельзя уходить, если не изучишь эту науку как следует. Смею надеяться, что со временем они будут добывать для нас самое вкуснейшее и разнообразнейшее мясо. Нам сейчас очень этого не хватает! А как они на меня похожи! Такие же озорники и притворщики – смотрят ласково, а сами зубки точат. Это чтобы подобраться поближе, а потом горло перекусить. Лисы все таковы. А какой у них прыжок! В общем, детишки меня радуют».

«Дядя, – ответил ему Гримберт, – ты по праву можешь гордиться такими детьми, и я буду ими гордиться, потому что они из нашего рода».

«Гримберт, – сказал Лис, – ты весь вспотел, ты устал. Тебе давно пора прилечь и отдохнуть».

«С твоего позволения, дядюшка, я бы с удовольствием».

И вот все они улеглись на соломенную подстилку – Лис, его жена, их дети. Все быстро заснуло, но Лис спал плохо. Он вздыхал и думал, как ему лучше оправдаться перед королем.

Рано поутру он оставил замок и вместе с Гримбертом отправился ко двору. Но прежде он простился со своей госпожой Эрмелиной и с детьми.

«Не грустите обо мне понапрасну, – сказал он, – я отправляюсь ко двору с кузеном Гримбертом, а если немного задержусь, не волнуйтесь. Дурных вестей не слушайте. Берегите себя и охраняйте наш замок, а я сделаю так, что все будет хорошо».

«Увы, Рейнард, – отвечала ему жена, – как же ты решился вновь отправиться ко двору? Когда ты был там в последний раз, твоей жизни грозила ужасная опасность. И ты сказал, что никогда больше там не появишься».

«Госпожа моя, – сказал Лис, – в мире не все происходит так, как мы ожидаем. Многие жаждут заполучить то, с чем потом приходится расстаться. Я иду туда не по своей воле, но утешайся тем, что в моем сердце нет страха. Надеюсь, что не задержусь более пяти дней».

С этими словами он покинул дом и вместе с Гримбертом отправился во дворец. Когда они шли лугом, Лис обратился к своему спутнику:

«Послушай, со времени моей последней исповеди я натворил много хитрых козней, и мне хотелось бы, чтобы ты опять выслушал мой рассказ обо всех прегрешениях. По моему наущению с Медведя содрали кусок шкуры, из которой потом сшили для меня котомку, а Волк и его жена лишились своих сапожек. Я совсем заморочил королю голову байками о том, что Волк с Медведем замыслили против него заговор и хотели его убить, отчего он, конечно, впал в ярость и разгневался на них. А они-то этого вовсе не заслуживают. Еще я рассказал королю про богатейший клад, спрятанный в Гюльстерло, от которого, правда, ему не будет пользы, потому что клада-то никакого нет. Потом я повел с собой Барана Беллина и Зайца Киварта, Зайца загрыз, а его голову отдал Барану и велел передать королю. А еще я поймал Кролика, вцепившись ему между ушами, да так, что тот чуть жизни не лишился. Но ему все-таки удалось вырваться и сбежать. Очень уж он прыткий. И у Ворона со мной свои счета, потому что я проглотил его жену Шарпбек».

Когда я в прошлый раз облегчал перед тобой душу, я совсем позабыл кое-что, и с тех пор это не дает мне покоя. Слушай, я расскажу тебе сейчас еще об одном великом обмане. Однажды прогуливались мы с Волком где-то между Хутхульстом и Эльвердингом, вдруг видим: пасется рыжая Кобыла, а с ней Жеребенок трех месяцев от роду, славенький и жирненький. Изегрим, как всегда, был до смерти голоден и послал меня спросить Кобылу, не продаст ли она своего Жеребенка и сколько за него попросит. Я сделал, как было велено, и

пошел к Кобыле. Она сказала, что отдаст Жеребенка за хорошие деньги. А когда я поинтересовался, сколько она хочет, Кобыла ответила, что цена написана у нее на заднем копыте.

„Коли ты учен и грамотен, пойд и сам прочти“.

Я сразу смекнул, что к чему, и говорю ей:

„Нет, я грамоте не обучен, да и вообще мне Жеребенок твой не нужен. Это меня Изеграм послал спросить цену“.

„Ну что же, – сказала тогда Кобыла, – пусть идет сюда и сам прочитает, что там написано“.

Я бросился назад к Изеграму и говорю ему:

„Дядюшка, коли ты хочешь набить свое брюхо, ступай сейчас к Кобыле – она уже ждет тебя – и прочитай, что написано у нее под задним копытом. Тогда узнаешь, сколько стоит Жеребенок. Я бы и сам прочел, но не знаю ни одной буквы, к великому моему огорчению. Я ведь не ходил в школу. Ну как, дядя, купишь ты этого Жеребенка? Ты ведь обучен грамоте?“

„Конечно, племянничек, мне это не составит труда. Ведь я понимаю по -английски, по-французски, по-латыни и по-голландски. Я прошел курс наук в Оксфорде, я слушал лекции достопочтенных докторов и сам дискутировал с ними. Я могу с легкостью прочесть любое научное сочинение. Разумеется, я сейчас же отправляюсь к ней и выясню, какую плату она хочет“.

Он велел мне дожидаться его на том же месте, а сам бросился к Кобыле. Когда он спросил, за какую же цену она отдаст своего Жеребенка, она ответила, что сумма проставлена на ее копыте. Тогда Волк попросил разрешения взглянуть, и она приподняла свою заднюю ногу с железной подковой, которая держалась на шести крепких гвоздях, и со всей силы ударила его прямо по голове, да так, что он свалился замертво. Можно было проехать целую милю за то время, что он пролежал без сознания. Оставив раненого Изеграма валяться на траве, Кобыла с Жеребенком пошли прочь. А он лежал, истекая кровью, и завывал как собака. Я тогда подошел к нему и сказал:

„Милый дядюшка, сир Изеграм, как твои дела? Наелся ли ты жеребятины? Твой желудок полон? Почему же ты не отдал моей доли, ведь я сделал все, как ты просил. Твой послеобеденный сон уже закончен? Тогда расскажи мне, умоляю, что же было написано на ее копыте? Проза или стихи? Я просто умираю от любопытства. Наверное, это был хорал? Мне послышалось, как будто ты пел. Ты ведь такой мудрый и ученый, что же там написано?“

„Увы, Рейнард, перестань надо мной насмехаться. Я так пострадал и так изранен, что и самое жестокое сердце могло бы сжалиться надо мной. Эта длинноногая дрянь так ударила меня своим железным копытом, что я думал, моя голова разлетится на куски. А буквы – это, наверное, шесть гвоздей, от которых у меня в черепе остались огромные раны. Не хотелось бы мне больше читать такие надписи“».

«Неужели, любезный дядюшка, все так и было? Не могу не удивляться этому. Потому что знаю тебя как одного из величайших ныне живущих ученых мужей. Выходит, правду люди говорят, будто ученейшие из мужей не всегда самые мудрые и бывает так, что их обманывают и обычные простаки. А все потому, что эти ученые заняты только своей наукой да премудростью, так недолго и с пути сбиться».

«Вот так я ввел Изеграма в величайшее несчастье, и он едва не лишился тогда жизни. Вот, любезный племянник, я рассказал тебе обо всех своих грехах, какие только мог вспомнить. Как-то сложатся мои дела при дворе... Но страха у меня нет, ведь я облегчил душу. Я буду счастлив понести кару, какую ты мне назначишь, и получить от тебя отпущение».

«Да, велики твои прегрешения, – сказал Гримберт, – однако что было, то быльем поросло. Посему отпускаю тебе все твои грехи. Тебе, возможно, еще придется за них страдать, и неизвестно, удастся ли оправдаться. Так что я тебя прощаю. Больше всего тебе, верно, достанется за голову Зайца, которую ты отослал ко двору, да еще за те выдумки, которыми ты потчевал короля. Это тяжкие проступки, дядюшка».

«Подумай сам, любезный племянник, – отвечал ему Лис, – в этом мире все, кто имеет уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, и язык, чтобы говорить, не могут оставаться безгрешными. Точно так же как нельзя лакомиться медом, не испачкав пальцев. И меня порой мучают угрызения совести, ведь Господа и своих собратьев -христиан надобно возлюбить превыше всего, как завещано нам Богом и прописано в Его законе. Но смотри, эти правила противоречат нашей жизни. И стань я в самом деле праведником, все решили бы, что я совсем ума лишился. Иногда, оставшись один, я забываю все свои проказы и грехи, думаю лишь о возвышенном и пребываю в размышлениях о Божьих заповедях и милости. Но проходит время, и жизнь опять берет свое. А на моем пути встречается такое множество камней, что ноги собьешь. И я вижу этих распутных прелатов, богатеев священников – в общем, мир во всей его красе. Плоть торжествует и открывает такое множество соблазнов, что я забываю обо всех своих благих мыслях и намерениях. Я слышу пение и смех, вижу игры и всеобщее веселье. А богатые священники и прелаты проповедуют вовсе не ту жизнь, какую ведут сами. Вот где я обучаюсь лжи и обману, потому что главные лжецы – это господа, лорды, леди и прелаты. Нигде не найдешь ты большего обмана, чем при дворе. И нет таких, кто решился бы сказать господам правду. И мне приходится делать то же самое – лгать и изворачиваться, а иначе меня попросту выставят за дверь. Часто слышал я, как человек начинает говорить правду, а потом все равно собьется на выдумку, чтобы только доказать свою правоту. И доказывает, потому что выдумка всегда выглядит красивее. Ложь и выдумка приходят непрошеными, будто бы по собственной воле, и они ничуть не хуже правды, стоит лишь правильно подать. Так что, милый племянник, людям часто приходится прибегать ко лжи. Правда мешается с выдумкой, а молитва, с проклятиями. И самые слабые и ничтожные из людей тоже стремятся завладеть миром, для чего изобретают искусную ложь и, облачив в прекрасные одежды, выдают за правду. В этом -то и состоит высшая премудрость. И те, кто освоит науку самой искусной и тонкой лжи, кто сможет лгать уверенно и без запинки, вот того-то люди и услышат. Знай, племянничек, именно они достигнут больших высот и будут носить пурпур и горностаи, такие всегда побеждают и в гражданском суде, и в церковном и достигают успеха в любом своем начинании.

Но встречаются и другие лгуны, они – птицы невысокого полета и жестоко завидуют тем счастливицам, что получают от своей лжи большую выгоду. Эти -то другие ведь тоже мастера приврать, поэтому рассчитывают и они получить свой лакомый кусочек. Но их почему-то никто не слушает и никто им не верит. Много попадаете таких глупцов и простофиль. Едва только захочет он представить свой рассказ в выгодном свете и изящно завершить свою мысль, как тут же спотыкается и теряет нить рассуждений. И сам уже не может разобраться, о чем же он говорил, и никому не понятно, где начало и где конец, – и, разумеется, все начинают считать его полным дураком и глупцом. И насмеются над ним. Вот если ты складно рассказываешь от начала и до конца, если читаешь как по писаному, а не заикаешься и не бормочешь что-то невнятно, тогда люди поверят твоей выдумке больше, чем самой правде. Таков уж человек. Не много надо мудрости, чтобы высказать очевидную истину. А хитрые да искусные выдумщики только посмеиваются, выдавая ложь за правду и обман – за истину. Они-то заправляют всем миром, они составляют законы и придумывают такие порядки, о которых добрые люди и слыхом не слыхивали, и приходится человеку смотреть на все это сквозь пальцы. А все для чего? Все ради наживы да ради новых, еще более изощренных выдумок. Вот так, племянничек, от такой мудрости легко может произойти вред и несчастье.

И в пустыках, случается, люди прибегают ко лжи, когда шутят или придумывают разные небылицы. Ведь если кто говорит одну только правду, то немногого он добьется в жизни. Лесть и выдумка необходимы, если хочешь идти вперед. А те, кто всегда говорит правду, встречают многие препятствия на своем пути. Человек лжет, когда есть в том нужда, а после кается и получает прощение. Не согрешишь – не покаешься. И мало таких, кто живет иначе».

«Ну, милый дядюшка, – сказал Гримберт, – как тонко ты во всем разобрался, и ни одна мелочь от тебя не ускользнула! Я чувствую себя рядом с тобой настоящим невежей, потому что нить твоих рассуждений то и дело ускользает от моего понимания. И зачем тебе мое

отпущение? Тебе бы самому стать священником, а мы все, бедные овечки, приходили бык тебе на исповедь. Ты так хорошо разбираешься в жизни, что тебя -то, я думаю, никто не обманет».

За этой беседой они пришли ко двору. Лис в глубине души был несколько встревожен, но он тем не менее подавил страх и волнение и смело прошествовал мимо придворных прямо к королю. Гримберт не отставал от него ни на шаг, все время повторяя:

«Не бойся, дядя, гляди веселей! Провидение помогает смельчакам, и иногда один только день значит в жизни больше, нежели целый год».

«Спасибо тебе, племянник, за твои слова, – отвечал ему Лис. – Ты меня очень утешил».

Тогда пошел он вперед, поглядывая исподлобья по сторонам. Одни его спрашивали, зачем он явился сюда. Увидел там Лис и многих из своих родичей, которые, как, например, Бобр или Выдра, вовсе не желали ему добра, да и прочие тоже, которых числом было десять, но я назову их позже. Все-таки были и такие, кто все еще любил его. Лис вышел вперед, бросился ниц перед королем и начал свою речь.

Как Лис Рейнард оправдывался перед королем

«Господь Всемогущий, от которого ничто не скроется и которому все подвластно, да сохранит милорда короля и миледи королеву и ниспошлет на них Свою милость и мудрость, чтобы они могли отличить правого от виноватого. Ибо часто случается в мире, что наружность и внутренняя сущность вовсе не одно и то же. Пусть сделает Господь так, чтобы все прегрешения человека отпечатывались у него на лбу. И пусть я сам пострадаю, но тогда бы ты, господин мой король, знал обо мне ровно столько, сколько я сам знаю, как я всегда, и днем и ночью, верно служу и пекусь о твоём процветании! А злобные обманщики своими лживыми рассказами все время стараются очернить меня в твоих глазах, дабы лишить меня твоей милости и снисхождения и обвинить меня в великих грехах, к коим я вовсе не причастен. Мне остается лишь кричать „караул“ да спасаться от тех, кто так нагло меня оболгал и вверг меня в такую беду. Но я всем сердцем надеюсь, что и ты, милорд, и ты, госпожа королева, столь мудры и проникательны, что не станете верить хитрым измышлениям и коварным выдумкам моих врагов и они не собьют вас с пути своими лживыми речами. А посему, дорогой господин, я взываю к тебе и к твоей мудрости – разберись во всем по праву и по закону, буде то слово или дело, и пусть каждый получит то, что ему причитается по справедливости. И пусть тот, кого признают виновным, понесет должное наказание. Я же без утайки раскрою перед вами свою душу, и каждый увидит, кто я есть на самом деле».

Что ответил Лису король

Все, кто был во дворце, изумились смелым речам Лиса. А король сказал:

«Эй, Рейнард, все знают, что ты искусный враль и льстец, но на сей раз красивые слова тебе не помогут. За все твои бесчинства я намереваюсь тебя повесить. Не стану тянуть волынку и разделаюсь с тобой без промедления, чтобы ты долго не мучился. А свою любовь к нам ты доказал тем, как обошелся с Кроликом и с Вороном Корбантом. И теперь твоя ложь, твои проказы и хитрые измышления привели тебя к смерти. Горшок все идет и идет за водой, а приходит к разбитому корыту. Так вот и твой чугунок уже столько раз нас дурачил, что пора его самого в это корыто».

Лису стало очень страшно от таких слов. И ему захотелось оказаться где-нибудь подальше, к примеру в Кельне. Но потом Лис подумал, что следует выслушать все до конца. И он сказал:

«Милорд король, я рад, что ты дал мне слово. Хотя я и приговорен к смерти, все же ты должен меня выслушать. За все время твоего царствования я много раз давал тебе полезные советы, которые послужили твоей выгоде, и в час испытаний я всегда оставался подле тебя,

тогда как прочие звери предпочитали обратиться подобру -поздорову. А теперь мои недруги злобно оболгали меня, и я не могу даже оправдаться, – как же мне не жаловаться?! Моллю тебя об одном – выслушай мою исповедь! И тогда ты сам разберешься, и все вернется на круги своя. Ведь добрые дела следует помнить. Я вижу перед собой своих родичей и друзей, которые, между тем, не много дадут за мою жизнь. И даже они, милорд король, станут горевать в своем сердце, если ты меня несправедливо накажешь. Ибо тогда ты лишишься самого верного слуги во всех своих владениях. И неужели ты думаешь, милорд король, что, будь я виновен в каком-нибудь преступлении, я пришел бы ко двору, туда, где меня ожидают одни лишь недруги? Нет, господин мой, ни за что на свете, даже за все червонное золото. Ведь я же был свободен и жил себе как хотел. И для чего бы мне приходиться сюда? Но Господь милостив, я знаю, что невиновен и чист душой, вот почему я открыто, при свете дня явился к тебе и готов ответить на все претензии и жалобы, какие только можно против меня выдвинуть.

Когда Гримберт мне принес эти вести, мне сделалось так нехорошо, я словно ума лишился и стал метаться, право же, как сумасшедший. И не будь я отлучен от Церкви, я отправился бы тотчас же, без малейшего промедления. А вместо того я пошел в луга и бродил там неприкаянно, не зная, как поступить. И тогда мне повстречался Обезьяна Мартин, мой дядя. Он мудр, он умнее и учнее многих священников. Он девять лет служил адвокатом при епископе из Камерика. Увидев, в какой я печали, дядя сказал мне так:

„Милый кузен, кажется мне, что ты предаешься печали, какая же тому причина? Что тебя расстроило? Когда ты в чем-нибудь виноват, лучше рассказать об этом друзьям. Настоящий друг – бесценная поддержка. Он поможет советом и примет более верное решение, нежели сам провинившийся. Потому что когда ты виновен, ты столь угнетен сознанием своей вины, что у тебя не хватит сил изыскать средство для спасения. И люди тогда так предаются горю, что совсем теряют способность мыслить разумно“.

„Любезный дядюшка, – ответил я ему, – ты совершенно прав. Именно так и случилось со мной. Меня незаслуженно сочли виновным перед тем, кого я считал своим лучшим сердечным другом, перед Кроликом. Он пришел ко мне вчера поутру, когда я сидел около дому и читал молитвы. Он приветствовал меня и сказал, что собирается во дворец. Я тоже с ним поздоровался. И тогда он мне говорит: «Рейнард, я очень голоден, не найдется ли у тебя какой-нибудь еды?» – «Конечно, – ответил я, – у меня еды вдосталь. Подойди -ка поближе». И я дал ему пару булочек со сладким маслом. Была среда, а в этот день я воздерживаюсь от скоромного, к тому же тогда еще был канун Троицы. Ибо тот, кто желает постичь высшую мудрость и жить духовной жизнью в полном согласии с заповедями Господа нашего, должен поститься, приготавливая себя к великим праздникам. *Et vos estote parati*¹. И вот я дал ему вкуснейший белый хлеб со сладким маслом, и эта пища, я полагаю, облегчила страдания голодного.

Когда он наелся до отвала, прибежал Росель, мой младшенький, и хотел было собрать крошки. Детишки ведь всегда рады перехватить кусочек -другой. Но едва только он протянул руку, как Кролик ударил его со всего размаху по лицу и разбил ему губу, да так, что тот едва сознания не лишился. Это видел мой старший сын Рейнардин, он стремглав бросился на Кролика и чуть было не откусил ему голову, но я успел вовремя вмешаться и спасти Лапреля. После чего я примерно наказал своего сына, а Кролик поспешил к милорду королю рассказывать, что я чуть его не загрыз. Видишь, дядюшка, как дело было, и вот теперь меня незаслуженно обвиняют, а я даже и не думаю жаловаться.

Потом прилетел Ворон Корбант и стал что-то заунывно кричать. Я спросил, отчего он такой печальный, и он сказал мне, что умерла его жена. Поела она дохлой зайчатины, в которой было полно личинок и червей, и вот эти -то черви и перегрызли ей горло. Я спросил, как же может такое быть, но он не стал объяснять, а полетел своей дорогой. Я же остался где стоял. А теперь он говорит, что это я перегрыз ей горло, но мне ведь даже не подойти к ней:

¹ Бодрствуйте (Мтф. 26, 41).

она-то летает по небу, а я хожу по земле. Вот видишь, милый дядюшка, как меня оболгали, и судьба от меня отвернулась. Вероятно, за свои прошлые грехи я так наказан и должен поэтому безропотно сносить все несчастья".

„Послушай, племянник, – сказал мне Мартин, – тебе следует отправляться ко двору и рассказать всю правду".

„Увы, дядя, я не могу этого сделать. На мне лежит папское проклятие, потому что я посоветовал Волку Изегриму покинуть Элмарскую обитель и вернуться к мирской жизни, ведь монашество оказалось для него непосильным. Строгий устав, долгие посты, пение псалмов – все это не по нем. Останься он там еще немного, под угрозой была бы сама его жизнь. И вот я сжалился над ним и, как настоящий друг, помог ему оттуда выбраться, о чем теперь горько сожалею. Ведь он-то постарался на славу, оболгал меня перед королем и сделал так, чтобы меня приговорили к повешению. Вот как он отплатил мне злом за добро. И вот, дядюшка, я в полной растерянности и не знаю, что же предпринять. Я должен отправляться в Рим, чтобы получить отпущение грехов, но тогда пострадают моя жена и детишки. Ведь недруги, из ненависти ко мне, станут их преследовать и чинить им всякие коварства. Я смог бы их защитить, если бы отправился ко двору, чтобы рассказать королю всю правду, но меня тяготит проклятие. С такой ношей я не решаюсь появляться среди добрых христиан. За столь великий грех Господь неминуемо меня покарает".

„Что ты, дядя, – сказал мне Мартин, – стоит ли так отчаиваться. Я не могу равнодушно видеть, как ты страдаешь, и поэтому немедленно отправлюсь в Рим. Дорогу туда я хорошо знаю, как и тамошние порядки. Недаром же меня называют Мартин – секретарь епископа. Архидьякона я вызову в суд, вчиню ему иск, а тебе принесу отпущение грехов. Я знаю, по каким правилам там следует играть. К тому же есть у меня один родственник, дядюшка Симон, большой дока в таких делах, не последний человек в Риме. Если придешь к нему не с пустыми руками, он тотчас же бросится на помощь. Есть у меня там и другие верные люди. И денег я возьму с собой, потому что молитва укрепляется дарами. Чем больше денег, тем скорее твою молитву услышат. Так что не печалься, дорогой кузен, ведь настоящий друг не пожалеет для друга ни своего добра, ни самой жизни. И ради тебя я напрямик отправляюсь в Рим и не присяду отдохнуть, пока не доберусь до места. Я решу там все твои дела. А ты иди-ка во дворец, да поторапливайся. Все твои грехи и преступления, включая и те, за которые наложено проклятие, я тебе отпускаю и беру их на себя.

Когда придешь ко двору, отыщи там мою жену Рюкенейв, двоих ее сестер, моих троих детей и еще множество наших родичей. Расскажи им смело о своих несчастьях, дорогой родич. Мудрость моей жены не знает границ, и она с радостью поможет друзьям. Если кто-то попал в беду, он всегда может рассчитывать на ее поддержку и помощь. Близким надо помогать, пусть когда-то они вас и обидели. Ведь кровь не водица. А если случится так, что тебе предъявят тяжкое обвинение, посылай ко мне немедленно, днем или ночью, я буду при римском дворе. И тогда уже никому не поздоровится – будь то король или королева, мужчина или женщина, – я призову на всех папское проклятие, так что ни один человек не сможет ни молитву творить, ни крестить детей, ни хоронить мертвых, ни пойти к причастию, до тех пор

пока тебя не признают невиновным.

Будь уверен, родич, я смогу тебе помочь, потому что Папа слишком стар и с ним мало кто считается, а у кардинала столько золота, что он захватил всю власть при дворе. Он молод, у него много друзей и есть наложница, которой он очень дорожит. И если она чего пожелает, так это закон. А она мне родная племянница, поэтому через нее и у меня есть власть и влияние, и я могу делать то, что мне нравится. И ни разу еще мне не отказали. Передай, племянничек, милорду королю, что ему следует обойтись с тобой по справедливости. И я уверен, что он тебе не откажет. Ведь со справедливостью шутить опасно".

Милорд король, после такой речи на душе у меня полегчало, и я с радостью отправился к тебе во дворец, чтобы рассказать всю правду. Если кто-либо еще желает предъявить мне обвинения, подкрепленные доказательствами и подтвержденные свидетелями, как то установлено между благородными людьми, я готов их выслушать и защищать себя согласно закону. А если одних объяснений недостаточно, назначь время и место для поединка. Противник, разумеется, должен быть равен мне по происхождению. И тогда на поле брани решится, на чьей стороне истина. Это законное право каждого, и я не хочу, чтобы по моей вине оно нарушалось. Закон и право еще никому не приносили вреда».

Все звери, собравшиеся при дворе, богатые и бедные, слушали смелые речи Лиса, замерев от изумления. Кролик Лапрель и Ворон дрожали от страха и боялись и слово сказать. Они стали потихоньку выбираться из толпы и, только отойдя на достаточное расстояние, решились заговорить:

«Господи прости, этот подлый убийца все повернул в свою сторону. Так хитро представил дело, будто он и есть чистый праведник. А у нас и свидетелей нет. Поэтому лучше убраться отсюда подобра-поздорову, чем затевать с ним драку. Каков хитрец! Да будь таких, как мы, хоть десятков, он и с десятком легко расправится».

Волк Изегрим и Медведь Брюн совсем пали духом, когда увидели, что эти двое уходят.

«Есть ли еще у кого-нибудь жалобы? – обратился к собравшимся король. – Прошу вас, говорите, мы всех выслушаем. Вчера было много желающих. Говорите, Рейnard здесь».

«Милорд, – сказал Рейnard, – среди жалобщиков много таких, кто боится смотреть противнику в лицо. При виде его они тотчас же замолкают. Смотри же, Кролик Лапрель и Ворон Корбант жаловались тебе вчера в мое отсутствие, а где они теперь? Сбежали! И боятся повторить свои же слова. А если мы станем верить ложным наветам, от этого выйдет только один вред добрым гражданам. Хотя мне, в общем, все равно: если бы они, повинувшись твоей воле, попросили бы у меня прощения, я бы, ради твоего блага, их простил, хотя они и согрешили против меня. Ведь у меня милосердная душа, и я не держу зла на своих врагов, ибо все в руках Божьих и Ему виднее, кого наказывать, а кого миловать».

«Рейnard, – обратился к нему король, – когда ты говорил, ты выглядел рассерженным. Ты и на самом деле разгневан или просто притворяешься? Не скажу, что ты убедил меня своими речами, все не так ясно и не так просто, как ты нам представил. Скажу тебе, это меня разгневало больше всего, и это может стоить тебе чести и жизни. Ты совершил величайшее преступление. Когда я даровал тебе свое прощение за все твои прежние грехи, ты сказал, что собираешься за море на богомолье. Я вручил тебе посох и суму, а ты спустя недолгое время прислал мне с Бараном Беллином эту котомку назад, а в ней была голова Зайца Киварта. Как ты решился на столь гнусное преступление, как осмелился нанести мне такое тяжкое оскорбление? Послать господину голову его вассала – разве это не тягчайшее из преступлений? И теперь тебе не отпереться, потому что мы знаем, как в действительности было дело, от Барана Беллина, нашего бывшего капеллана. И тебя ожидает такая же награда, какую ты уготовил для него, когда послал его сюда со своим поручением. Есть на земле справедливость».

Рейnard не на шутку перепугался, фантазия его истошилась, и он не знал, что сказать. С несчастным видом он огляделся и увидел множество своих близких и знакомых, они

слышали его рассказ, но не произнесли ни звука. Он сделался бледен, но никто не протянул ему руку помощи.

«Почему ты молчишь, хитрый лгун и злодей? – сказал король. – Или онемел от страха?»

Лиса охватил ужас, он громко вздохнул, и все услышали этот вздох. Волк и Медведь вновь воспрянули духом.

Как госпожа Рюкенейв защищала Лиса перед королем

Все происходящее не слишком радовало госпожу Рюкенейв Обезьяну, тетушку Рейнарда. Она пользовалась благорасположением королевы, и Рейнарду очень повезло, что она оказалась в этот раз во дворце, потому что она была умна, красноречива и все ее любили.

«Государь, – обратилась она к королю, – творя правосудие, нельзя предаваться гневу. Ибо это не подобает твоему высокому положению. Творя правосудие, следует забыть гнев и раздражение. Повелитель, защищающий справедливость, должен обладать благоразумием. Мне хорошо ведомы законы права, «возможно лучше, чем некоторым, кто облачен в пурпур и горностаи. Я изучала право многие годы и поднаторела в этой премудрости. И во дворце преподобного Папы у меня была своя мягкая подстилка из сена, тогда как другие звери спали на голом каменном полу. И пока я была там, меня выслушивали прежде остальных, все потому, что я сведуща в законе и праве. Сенека пишет, что главная забота государя – соблюдение закона и порядка. Он не должен наказывать своих подданных строже, чем предписывает закон. Закон един для всех. И если каждый из собравшихся здесь припомнит собственную жизнь и все, что он успел совершить в этой жизни, то к Рейнарду он испытает лишь жалость и снисхождение. Пусть каждый обратит свой взор на себя. Вот мое мнение. Ибо нет среди нас такого, кто стоял бы прочно и нерушимо, но все, бывает, спотыкаются и падают. Если кто ни разу не согрешил, то он святой, и прощение ему ни к чему. Человеку же свойственно оступиться, а после исправить свою ошибку – такова его природа. Если же кто нарушает закон и грешит, но не искупает своей вины, то, значит, он попал в лапы дьявола. Вспомните, как сказано в Евангелии: „Будьте милосердны и вы, здесь стоящие. Не судите, да не судимы будете“. А помните, как фарисеи схватили женщину, уличенную в прелюбодеянии, и хотели побить ее камнями, а Господь сказал им: „Тот из вас, кто без греха, пусть первым бросит в нее камень“. И никто из них не бросил, а оставили ее, где была.

Сдается мне, что и сейчас многие из вас готовы разглядеть соринку в чужом глазу, в своем же – бревна не замечают. Каждый спешит осудить ближнего, тогда как сам погряз в грехах. И хотя человек часто оступался и падал, то, если он вновь поднимается и раскаивается, нельзя отказывать ему в прощении. Господь примет любого, кто только обратит к Нему свои взоры и помыслы, и человек не смеет проклинать ближнего своего. Пусть бы даже он и согрешил. Следует указать человеку на его промахи, чтобы он смог их исправить. А мой родич Рейнард не заслуживает такой несчастной доли. Ведь его отец и дед испокон века были первыми при этом дворе, наслаждались всеобщей любовью и почтением. Совсем не так, как Волк Изегрим и Медведь Брюн со всеми их родичами и друзьями. Даже и сравнить нельзя: что такое их разумение против мудрости Рейнарда? Они и представления не имеют о том, как устроена жизнь. Ныне в нашем государстве все идет нескладно лишь потому, что такие гнусные обманщики и лгуны хитростью добиваются почета и высокого положения, тогда как правдивые и мудрые пребывают в немилости. Ведь истина, которой они служат, никому не нужна. Не знаю, сможет ли процветать королевство при таких порядках».

«Госпожа Рюкенейв, – сказал король, – если бы это тебя он так обидел, как остальных, ты не вела бы сейчас подобные речи. Ничего удивительного нет в том, что я возмущен и разгневан: не он ли попирает мою королевскую честь? Или ты не слышала, что здесь говорили о совершенных им убийствах, грабежах, изменах и прочих преступлениях? А коли ты так в него веришь, считаешь его образцом добродетели, то почему бы тогда не поставить его на пьедестал и молиться ему, подобно святому? Но во всем мире ни у одного человека не найдется для него доброго слова. Ты весьма красноречиво его защищала, но ведь в этом нет и капли истины. И нет у него ни друга-приятеля, никакого родича, кто стал бы ему помогать. И

он заслужил такое обращение. Не могу не удивиться на тебя, госпожа, потому что не знаю никого, кто был бы с ним дружен, кто сказал бы о нем доброе слово или был бы ему благодарен. Ты – первая. В конце концов, он всегда всех обманет».

«Милорд, – сказала Обезьяна, – я его люблю и питаю к нему теплую приязнь. И еще я знаю об одном добром деле, какое он совершил в твоём присутствии и за которое ты вполне можешь быть ему благодарен. Хотя сейчас все и выглядит иначе. Человеку следует знать меру во всем – и в любви к близким, и в ненависти к врагам. Умеренность и постоянство – вот что пристало правителям, что бы ни происходило вокруг. Поэтому мне пора завершать свою речь, не стану же я досаждать вам разговорами до самого вечера. Верный совет поможет лишь тому, кто пожелает им воспользоваться».

Притча о человеке, который спас Змею от смертельной опасности

«Два года назад ко двору в поисках справедливости явились человек и Змея. И спор их было тяжело разрешить. А дело было так. Змея переползала через изгородь и угодила в силки. Петля стала затягиваться, и Змея не могла выбраться без посторонней помощи. Ей угрожала смертельная опасность. Но в это время мимо проходил один человек, и Змея стала звать, кричать и молить его о помощи.

Этот человек сжалился над Змеей и сказал:

„Я спасу тебя от смерти, только обещаю, что не причиню тебе никакого вреда“.

Змея с готовностью согласилась и поклялась страшной клятвой, что не станет ему вредить. Тогда он освободил ее из силков, и дальше они отправились вдвоем. Через некоторое время Змея проголодалась, потому что давно уже ничего не ела. Она набросилась на человека и хотела его убить. Тот едва успел отскочить в сторону, спасая свою жизнь, и сказал:

„Ты что, решила меня погубить? Разве ты забыла, что поклялась не причинять мне вреда?“

„Я голодна, а от голода можно и нарушить клятву. Так что я могу делать что пожелаю“.

„Лучше будет, – сказал тогда человек, – если ты подождешь немного, пока мы не встретим кого-нибудь, кто бы рассудил наш спор“.

Змея согласилась, и они отправились дальше. В пути они повстречали Ворона Тиселина с сыном Слиндпером и рассказали им свою историю. Ворон Тиселин сразу же признал правоту Змеи, потому что и сам рассчитывал поживиться такой добычей.

„Ну что, – говорит Змея, – что теперь скажешь? Говорю же, я права“.

„Не буду я слушать, как рассудил этот разбойник, которому в нашем деле есть своя корысть. К тому же он один. Судей должно быть по меньшей мере двое или трое, да таких, которые разбираются в законах. Надо продолжить расследование“.

И пошли они дальше вчетвером, пока не встретили Волка с Медведем, и рассказали им о своем споре. И опять судьи решили, что человека надо съесть, потому что голод освобождает от любых клятв. Человек испугался и пал духом, а Змея подползла ближе и уже выпрыснула свой яд, так что человек едва сумел отскочить.

„Не по закону ты поступаешь, – сказал он Змее, – что хочешь обманом на меня напасть и убить. У тебя нет такого права“.

„Разве тебя не убедили наши судьи? Ведь они дважды вынесли свое решение“.

„Какие это судьи, такие же разбойники и убийцы, которые никогда не держат слова. Нашу распрю должен рассудить королевский суд, и вам не удастся его избежать. Я подчинюсь любому решению и никогда его не нарушу“.

Волк и Медведь с готовностью согласились, да и Змея не возражала, потому что они полагали, что королевский суд решит дело в их пользу. Думаю, мой господин, ты вспомнишь этот суд. И вот явились они все к тебе, а с Волком прибежали его волчата, которых прозвали Пустобрюх и Ненаеда. Они тоже вздумали полакомиться человеческим мясом. Но они так громко завывали от голода, что ты приказал им покинуть суд.

Человек, объятый страхом, взывал к твоему милосердию и рассказывал, как Змея, которой он спас жизнь, задумала его погубить и сожрать, чем нарушила свою же страшную клятву.

„Я не нарушала клятвы, – стала тогда возражать Змея. – Полагаюсь во всем на милость короля, но я хотела спасти свою жизнь, а смертельная опасность освобождает от любых клятв и обещаний”.

И тогда, милорд, очень опечалились твои придворные, да и ты сам. Потому что по милосердию своему ты сочувствовал этому человеку и его беде, и тебе не хотелось, чтобы из-за своей доброты он лишился жизни. Но с другой стороны, нельзя было не посчитаться и с голодом, который угрожает жизни. И никто у тебя при дворе не знал, как же следует поступить. Многие выступили против человека, теперь я вижу здесь кое-кого из таких. Но все равно решить ничего не смогли. Тогда послали за моим племянником Рейнардом, дабы выслушать, что он скажет. В те времена оказывали ему при дворе большое уважение и всегда следовали его разумным советам, потому что он был очень мудр и сведущ в законах. Ты приказал ему вынести справедливый приговор, который всем надлежит исполнять.

„Милорд, – сказал Рейнард, – того, что мы слышали, недостаточно, чтобы вынести справедливый приговор, ведь в их рассказе много неправды. Я смогу составить окончательное мнение об этом деле только при условии, что Змею опять посадят в такую же ловушку, из которой этот человек ее освободил. Любое другое решение будет нечестным”.

„Милорд Рейнард, – сказал тогда ты, – истину ты говоришь, и мы все с тобой согласны. Никому не пришла в голову такая замечательная мысль”.

Тогда все отправились к тому месту, где человек повстречался со Змеей, и Рейнард попросил Змею опять залезть в силки. Так и сделали.

„Что же, милорд Рейнард, – спросил тогда ты, – какое решение ты вынесешь?”

„Милорд, – сказал Рейнард Лис, – теперь они оба в том же положении, как и раньше. Никто не выиграл спор. И вот, милорд, мое решение, которое не нарушит закона и придется по сердцу твоей милости. Если этот человек захочет опять освободить Змею, полагаясь на ее клятву, пусть так и поступает. Если же он рассудит, что Змея станет причинять ему вред или же, движимая голодом, нарушит свою клятву, тогда, я полагаю, пусть он идет на все четыре стороны, а Змея так и останется в силках. Как мог бы поступить еще вначале из страха, что Змея, которую он избавит от смертельной опасности, все равно нарушит свое обещание. Посему думаю, мне, что вернее всего предоставить человеку этот свободный выбор, который был у него прежде”.

Это решение, милорд, показалось тебе и твоим придворным весьма разумным и правильным. Все было исполнено, как предложил Рейнард. И все восхваляли его мудрость, благодаря которой он помог тому человеку. Так Лис своим умом спас твою честь и достоинство, как и подобает верному слуге своего господина. Разве когда-нибудь Волк или Медведь оказывали тебе такую услугу? Все, на что они способны, – это выть и рычать, грабить и красть, обжираться богатыми кушаньями, набивая свое брюхо. А потом, прикрываясь законом, они выносят смертный приговор мелким воришкам, что таскают кур да цыплят. Тогда как сами они, с легкостью задирающие корову, быка или лошадь, высоко держат голову и мнят себя господами, почитая себя мудрецами, равными Соломону, Авиценне или Аристотелю. И их переполняет гордость оттого, что все оказывают им почести за их великие дела и за храбрость. Но стоит лишь возникнуть настоящему делу, как они – то первые и показывают спину. И вперед выходят простые граждане, но вовсе не им достанется награда. О милорд, такие и им подобные – вот настоящая погибель для городов, государств, стран и народа. И им не важно, чей дом горит, – лишь бы согреться у огня. Кроме своей личной выгоды да наживы, их ничто не волнует, тогда как Рейнард, все его друзья и родня пекутся и заботятся о чести, достоинстве и процветании своего господина. А за свою мудрость, которая бывает так полезна, Рейнард не получает никакой благодарности. Но теперь наконец стало ясно, кто же лучший советчик и от кого больше пользы. Говоришь ты, милорд, что все родичи от него отвернулись и не хотят защищать Лиса из-за его лживости и

хитрости. Если бы кто другой это сказал, ему не избежать бы нашего отмщения. Но тебя, милорд, мы от этого избавим, ты можешь говорить, что тебе вздумается. Потому что если кто замыслит навредить тебе словом или делом, его ждет такое наказание, что об этом будут помнить наши потомки. В сражениях и драках нам неведом страх. С твоего позволения, государь, я могла бы кое-что рассказать о близких и друзьях Рейнарда, о том, что ради его блага они не пожалеют своего добра и самой жизни. И я – одна из таких. Я – жена, мать. И я не задумываясь отдам за Рейнарда не только свое богатство и жизнь, но и троих взрослых детей, крепких и сильных. Я не могу видеть, как он страдает. Я лучше умру, чем буду смотреть, как его незаслуженно наказывают. Вот какова моя любовь к нему».

Кто такие друзья и родичи Лиса Рейнарда

«Мой первый сын – Бителнос, взлелеянный в холе и весьма проворный. Он силен в играх и веселых забавах, поэтому поедает множество пухлых лепешек и прочей вкусной еды, какой в достатке хватает также его братцу Фулромпу и моему третьему дитяти – дочери Хатенетте. Ее талант в том, что она умеет выбирать из волос гнид и вшей. Трое моих детей верны друг другу, за что я их очень люблю».

И госпожа Рюкенейв позвала своих деток выйти вперед.

«Идите сюда, мои милые дети, – обратилась она к ним, – встаньте рядом со своим любимым родичем Рейнардом. И вы все, – продолжала она, – все, кто состоит в родстве с Рейнардом и со мной, выходите тоже. Давайте вместе молить короля, чтобы он свершил над Рейнардом справедливый суд».

Вышли многие звери – Белка, Ласка, Хорек, Куница, Бобр со своей женой Ордегейль и Кот. Еще Водяная Крыса со своей женой Пантекрет, кого я чуть не забыл, – они и Бобр раньше враждовали с Лисом, но не посмели ослушаться госпожу Рюкенейв. Звери ее побаивались, она была самой умной из всего рода и самой уважаемой. Из почтения к ней поддержать Рейнарда вышли еще более двадцати зверей. Среди них была госпожа Атрота с двумя сестрами – Лаской и Ослицей Гермель. Летучая Мышь, Выдра и еще многие и многие встали на сторону Лиса.

«Милорд король, – обратилась к нему Рюкенейв, – смотри же, перед тобой друзья Рейнарда. Все мы – твои верные подданные и, если будет такая нужда, не пожалеем для тебя ни своего богатства, ни жизни. Ты смелый, могущественный и сильный правитель, и все же наша добрая дружба может тебе помочь. Пусть Рейnard обдумает обвинения, выдвинутые против него, и представит убедительные объяснения. Если же он не сможет этого сделать, суди его по всей справедливости. Это все, о чем мы тебя просим. Никого нельзя лишать этого законного права».

«То же самое я говорила ему вчера, – вступила королева, – но он был настолько рассержен и взбешен, что не стал меня слушать».

То же самое повторил и Леопард:

«Сир, правосудие – это решение, которое вынесут твои приближенные. Ты не можешь

пойти дальше этого, несмотря на всю свою мощь и власть. Это было бы недостойно. Ибо благодаря своему высокому положению ты всегда должен выслушивать обе

стороны, после чего, опираясь на мудрую поддержку, вынести свое справедливое и благоразумное решение, как того требует закон».

«Все это верно, – ответил король, – но я был так рассержен, когда узнал о смерти Киварта и увидел перед собой его голову, что не мог не поддаться гневу. Теперь же я готов выслушать Лиса. Если он сумеет оправдаться и снять с себя обвинения, которые против него выдвинуты, тогда я с радостью его прощу и отпущу на все четыре стороны, выполнив тем самым просьбу его многочисленных друзей и родни».

Рейнард обрадовался, услышав такие слова, и мысленно возблагодарил свою тетушку. «Она сумела сделать так, что сухой прут вновь зацветает. Она опять помогла мне. Теперь -то я знаю, как мне плясать дальше. Теперь -то я буду во всеоружии и наплету таких небылиц, каких никто еще не слыхивал. И спасу себя от виселицы».

Как Лис благодаря своей хитрости оправдался перед королем в смерти Зайца Киварта и во всех остальных грехах, в которых его обвиняли, и как лестью и лукавством он вновь заработал прощение короля

Лис Рейнард начал свою речь:

«Увы мне, что я слышу? Киварт мертв! А где же Баран Беллин? Он вручил тебе то, что я ему дал? Это были три драгоценности, неужели они пропали? Что же с ними случилось? Одну из них я послал для тебя, милорд король, а две других – для моей госпожи королевы!»

«Беллин принес нам только голову Киварта, – сказал король. – Я уже говорил тебе об этом раньше. За что и был наказан и, в отместку, лишен жизни. Подлый негодяй заявил мне, что он тоже принимал участие в составлении тех писем, что лежали в котомке».

«Увы, милорд, неужто это правда? Горе мне, каков злодей! Лучше бы мне вовсе не родиться на свет, чем узнать о том, что эти великолепные камни похищены! Мое сердце разобьется от страданий, я не хочу больше жить. А моя жена! Что скажет моя жена, когда узнает об этом несчастье! Она с ума сойдет от горя, и не видать мне ее расположения до конца моих дней! Какой удар для нее!»

«Милый племянник, – обратилась к Рейнарду Обезьяна Рюкенейв, – к чему так безутешно предаваться горю? Забудь о том, что случилось, и расскажи нам, что это были за камни. Может быть, мы найдем способ их отыскать, если они не провалились сквозь землю. Мастер Акерин станет искать сведения о них в своих книгах, а священники будут молиться во всех церквах, и тогда нам будет ниспослано знание, где же их искать. Возможно, мы их найдем».

«Нет, тетушка, не стоит об этом мечтать, потому что владелец никогда добровольно не расстанется с этими самоцветами. Ни у одного правителя за всю историю еще не было столь прекрасных камней. Увы, горе мне, горе! Теперь вы видите, как бывает, – те, кому больше всех доверяешь, тебя и обманут. Но даже если мне придется обойти целый свет и поставить на карту свою жизнь, я все равно узнаю, что же случилось с этими камнями!»

Ловко прикидываясь огорченным и расстроенным, Лис продолжал:

«Слушайте, все мои родичи и друзья, я назову вам эти камни. И судите потом сами, велика ли моя потеря. Первое – это кольцо чистого золота, на котором с внутренней стороны вырезаны буквы, залитые черной и лазоревой эмалью. Они составляют три древнееврейских имени. Сам я ничего в них не мог разобрать, потому что не знаю языка, но мастер Абрион из Трира, ученый муж, он сведущ во многих языках. Знает он и целебные травы, и всякая тварь ему послушна, ведь стоит ему только взглянуть на зверя, как тот уже падает перед ним ниц. А вот в Господа он не верит, потому что иудей. Он мудрейший из мудрых и знает также волшебные свойства камней. Однажды я показал ему это кольцо, и он сказал, что надпись эта

– три имени, которые Сет вынес из рая, когда принес масло для своего отца Адама. Тот, кто носит этот перстень с именами, никогда не пострадает от грома и молнии, он неподвластен силам колдовства и греховным соблазнам. Ему не страшна простуда, и зимой он может ночевать в открытом поле хоть в снегопад, хоть в ветер, хоть в мороз. Такова великая сила этих слов.

Кольцо это украшал удивительный камень трех цветов. Одна часть у него – красный кристалл, который горит ярким огнем, да так сильно, что даже ночью другого света не нужно. Потому что его сияние освещает все вокруг как в полдень. Вторая часть того камня – белая и прозрачная, будто начищенная до блеска. И у кого, к примеру, резь в глазах, или какая немочь в теле, или болит голова, или любой другой внутренний недуг, стоит лишь приложить камень к больному месту, как сразу излечишься. Или если кто отравится ядом или дурной пищей, если страдает от колик, ангины, от камней, язвы или рака или любого другого недуга, кроме разве самой смерти, то этот камень следует положить в воду, а после эту воду выпить. И сразу же наступит полное излечение. И я очень опечален и сражен тем, что мы утра -гилы этот замечательный камень. Ну а третий цвет этого камня – травянистая зелень. Однако были в нем мелкие вкрапления пурпура. Мастер объяснил мне, что этот камень надежно защищает владельца от любых врагов, и даже самый сильный противник ему не страшен, и в любом сражении или битве, будь то днем или ночью, его ожидает победа. Благодаря камню его владелец станет пользоваться безграничной всеобщей любовью, и даже те, кто раньше его ненавидел, навсегда забудут свои дурные чувства, стоит лишь ему надеть этот перстень на палец. И пусть его владелец окажется один-одинешенек на поле битвы против сотни хорошо вооруженных воинов, он сумеет им достойно противостоять и с честью избежит всякой опасности. Только владельцем камня должен быть человек высокого и благородного происхождения, а не какой-нибудь землепашец. Потому что иначе этот камень теряет всю свою силу. Я посчитал себя недостойным оставить столь редчайший камень себе и отослал его поэтому моему дражайшему господину милорду королю. Ибо он и есть самый благородный из ныне живущих, в его руках наше благополучие и честь, и его следует оберегать от любых несчастий и напастей.

Это кольцо я нашел в сокровищах моего отца, и там же я обнаружил зеркало и гребень, которые очень приглянулись моей жене. Глядя на эти вещицы, просто дух захватывает. Я отослал их госпоже королеве, потому что она столь любезно и благожелательно со мною обошлась. Драгоценный гребень так хорош, что, сколько бы ни рассказывай о нем, все будет мало. Он изготовлен из кости чистого благородного животного, которое называется пантера, она водится в странах, лежащих между Индией и земным раем. Пантера сказочно прекрасна, а шкура у нее такого цвета, что подобного на земле найти вообще невозможно, разве что на небесах. От нее исходит приятный аромат, который излечивает любые недуги. За ней по пятам ходят множество зверей, любясь ее красотой и вдыхая чудесный запах, исцеляющий их от всех болезней. У пантеры великолепная кость, широкая и тонкая. И когда она погибает, весь ее аромат переходит в кости, которые невозможно раздробить, – они неподвластны разложению, с ними не справится ни огонь, ни вода, ни молот. Такие они прочные и твердые и в то же время легкие. Сладкий аромат имеет волшебную силу: тот, кто его вдыхает, никогда уже не польстится ни на какое иное удовольствие. Он также излечивает от всех болезней и недугов. Человек, вдыхающий его, становится счастливым в своем сердце. Гребень столь гладко обработан, что напоминает изящное серебро, с маленькими и ровными зубцами. На ручке гребня, по черному и серебряному полю, тонко вырезаны чудеснейшие картины, изукрашенные золотом, лазурью и киноварью. Они изображают историю о том, как Венера, Юнона и Минерва поссорились из-за золотого яблока и обратились к Парису, чтобы он разрешил их спор и отдал яблоко прекраснейшей из трех.

Парис был тогда пастухом и ходил по окрестностям Трои со стадом овец, принадлежавшим его отцу. Юнона обещала сделать его самым богатым человеком в мире, если только он отдаст яблоко ей; Минерва сулила мудрость, силу, могущество и власть, победу над всеми врагами. Венера же сказала: „На что тебе богатство и сила? Разве Приам не

твой отец? Л твой брат Гектор владеет всей Азией. Ты сам – один из повелителей великой Трои. Если отдашь это яблоко мне, я одарю тебя величайшим из всех богатств, какие только есть в мире, это богатство – прекрасная женщина, равной которой нет и никогда не будет на земле. И станешь ты тогда богаче самых богатых и возвысишься над знатными, ибо такое сокровище не имеет цены. Честная, прекрасная и добрая женщина принесет мужчине множество радостей и благословений, излечит от печали душу и поможет своей мудростью". Парис, выслушав рассказ Венеры о прекрасной даме, о счастье и радости, которые она может ему принести, стал допытываться, что же это за дама и где она живет. Венера же сказала, что это Елена, жена греческого царя Менелая, и что нет на земле женщины более благородной, мудрой и прекрасной. И Парис присудил яблоко Венере, назвав ее самой красивой из трех. Картины, вырезанные на гребне, изображают, как Парис с помощью Венеры сумел заполучить Елену, как он привез ее в Трою и женился на ней и как они счастливо жили в любви и согласии.

Слушайте же теперь о зеркале. Стекло это обладало таким свойством, что, глядя в него, можно было видеть все, что происходит на расстоянии мили. Людей, животных и все остальное, о чем ты только пожелаешь узнать. И если у тебя есть какая-нибудь болезнь или жжение или тебя донимает соринка, или резь в глазах, или же бельмо – стоит лишь взглянуть в это зеркало, и все недуги тотчас же проходят. Чудесной силой обладало это зеркало. Стоит ли удивляться, что я так горюю, лишившись этих бесценных вещей! Рама, в которую оправлено зеркало, изготовлена из редчайшего дерева породы акаций, оно неподвластно гниению, его не точат черви. И царь Соломон повелел украсить свой храм изнутри именно такой древесиной. Это дерево ценится превыше чистого золота, наравне с черным деревом, из которого король Кромпарт сделал себе чудесного коня, чтобы завоевать прекрасную дочь короля Моркадигаса. И такой чудесный был этот конь, что меньше чем за час он уносил всадника на расстояние ста миль. И тому есть доказательства. Королевский сын Клеомедес усомнился в волшебных свойствах деревянного коня, а был он храбрым и прекрасным юношей и мечтал о великих подвигах и свершениях, чтобы завоевать почет и славу. И вот вскочил он на коня, а Кромпарт повернул особую ручку на конском крупе, и конь в ту же секунду встал на дыбы и выскочил из королевских покоев через окно, никто не успел даже произнести „Отче наш". Конь проскакал более десяти миль, и Клеомедес сильно испугался, думая, что никогда уже не вернется в родные края. В легенде рассказывается и о его великом страхе, и о том, сколько миль он проскакал верхом на эбеновом жеребце, даже не зная, как с ним следует обращаться, и о том, как он наконец-таки сладил со своим скакуном и сумел повернуть его обратно и как он возрадовался, совладав с волшебным конем. И о том, как оплакивали его дома, полагая, что он потерял безвозвратно, и как все праздновали его счастливое возвращение, – все это я пропускаю, дабы не терять понапрасну время. Скажу только, что все волшебные свойства придавала коню древесина, из которой он был сделан. И из нее же изготовлена оправа моего зеркала. Эта оправа, в фут шириной, вся изукрашена изумительными картинами, писанными золотом, чернью, серебром, лазурью, киноварью и охрой. Шесть цветов составляют великолепную гармонию этих картин, а под каждой из них еще и вырезаны слова, чтобы каждый мог прочесть и понять, какая именно история изображена на картине. По моему разумению, в мире нет и не было зеркала более прекрасного, драгоценного и чудесного.

Первая история повествует о сильной Лошади, которая мучилась от зависти к Оленю из-за того, что он быстро и легко опередил ее, когда они бежали по полю. И Лошадь никак не могла его догнать. Во что бы то ни стало Лошадь решила догнать Оленя и поквитаться с ним, каких бы трудов это ни стоило. И она обратилась к пастуху:

„Если ты поймашь Оленя, которого я тебе покажу, ты сразу разбогатеешь, потому что сможешь дорого продать его рога, шкуру и мясо".

„Да как же я его догоню?" – удивился пастух.

„Садись на меня верхом, – сказала Лошадь, – и мы вместе его догоним и схватим".

Пастух вскочил верхом на Лошадь, и они помчались догонять Оленя. Но он скакал так

легко и быстро, что Лошадь никак не могла к нему приблизиться. Долго они так охотились, наконец Лошадь выбилась из сил и сказала пастуху, который сидел на ней верхом:

„Слезай и уходи, я устала и должна отдохнуть“.

„Нет, – ответил ей пастух, – теперь я – твой хозяин, и ты не можешь убежать. Я набросил тебе на шею уздечку, а на сапогах у меня шпоры, которые, пожалуй, тебе не понравятся. Так что ты теперь в моей власти, хотя и не по своей собственной воле“.

Так Лошадь попала в рабство, угодив в сети, которые сама же и расставила. Зависть – вот верный способ изловить и оседлать самого завистника. И те, кто роют яму для других, сами же в нее попадают и получают то, что заслужили.

Вторая история повествует об Осле и Собаке, которые жили у одного богатого хозяина. Тот души не чаял в своей Собаке, часто с ней играл, как люди всегда играют с собаками. А Собака весело прыгала, махала хвостом и лизала своего хозяина в лицо. Глядя на это, Осел Будвин затаил в сердце злобу и думал так:

„Как же это выходит и что хорошего нашел мой хозяин в этом грязном Псе, от которого нет ни толку, ни проку? Умеет только прыгать да лизаться. Я же с утра до ночи в трудах, ношу, вожу и таскаю и за неделю переделаю работы больше, чем пятнадцать таких собак сделают за целый год. А хозяин сажает ее подле себя за стол и отдает ей сладкие кости, мясо и толстые лепешки, мне же достается лишь чертополох да крапива! А по ночам я сплю на жесткой земле и терплю всякие унижения! Довольно! Надобно придумать, как завоевать любовь и дружбу хозяина“.

Тут пришел хозяин, и осел стал махать хвостом, громко загоготал, потом подпрыгнул и положил передние ноги ему на плечи, набив ему на голове две огромные шишки. Потом осел потянулся мордой к хозяину, желая его облизать, как это делала собака. Но хозяин закричал в испуге: „На помощь, на помощь! Этот Осел меня убьет!“ Прибежали тут слуги и задали Ослу такую трепку, что он думал, не дожить ему до утра. После чего его загнали в стойло, и стал он есть чертополох и крапиву, как и всю свою прежнюю жизнь.

Кто затаит зависть и злобу, видя счастье ближнего, и будет за это наказан, подобно Ослу, так поделом ему. А Осел навсегда останется ослом, будет есть чертополох с крапивой да таскать мешки. И хотя люди и чтут его по-своему, он этого не понимает и продолжает вести себя по-ослиному. А если вдруг Осел станет господином, вряд ли будет править как должно. Потому что думает только о своей выгоде. И горько бывает видеть, как ослы выбиваются в высшее общество.

Послушайте теперь, как мой отец и Кот Тиберт поклялись верой и правдой, что не променяют свою дружбу ни на какие блага на свете и всегда будут держаться вместе, а всю свою добычу будут делить пополам. И вот однажды в поле они повстречали охотников со множеством собак. Они бросились наутек, спасая свою жизнь. И Тиберт сказал:

„Не лучше ли спасаться кто как умеет? Охотники нас заметили. Ты знаешь, что делать?“

Но мой отец решил, что не может нарушить данное слово и не оставит Кота.

„Тиберт, – сказал он, – у меня в запасе полный меток всяких хитростей, так что не пропадем. Главное – держаться вместе, и тогда ни охотники, ни собаки нам не страшны“.

Тиберт, который был сильно напуган, сказал со вздохом:

„Рейнард, какой прок в словах? Я знаю лишь одну хитрость, и к ней я сейчас и прибегну“.

И с этими словами он взобрался на самую верхушку высокого дерева и укрылся в листве, где не могли его достать ни охотники, ни собаки. А мой отец остался один-одинешенек посреди чистого поля в смертельной опасности. Потому что охотники натравили на него своих собак. Охотники трубили в рог, громко кричали и улюлюкали: „Ату его, ату!“ Глядя сверху со своего дерева, Кот Тиберт насмеялся и издевался над моим отцом:

„Ну как, братец Рейнард, не пора ли развязать свой мешок с чудесами? Ты ведь такой хитрый и умный, покажи, на что способен!“

Вот что пришлось выслушивать моему отцу от того, кому он доверял больше всего на

свете. В тот раз он чуть не погиб. Спасая свою жизнь, он бежал что было мочи и, чтобы бежать было легче, сбросил с плеч котомку. Но и это ему не помогло. И вот резвые собаки уже почти его нагнали и схватили, когда, по счастливой случайности, он заметил нору, куда и забрался, скрывшись от собак и охотников. Вот как гнусный обманщик Тиберт держал свое слово. И хотя Тиберт вполне заслужил мою ненависть, я не питаю к нему злобы, ибо слишком дорожу своей душой. Однако, если случится с ним какое несчастье или беда, что -то будет угрожать его жизни или богатству, я полагаю, ему, в отличие от всех прочих, не стоит надеяться на мою помощь и милосердие. И пусть я не питаю к нему ненависти или зависти и ради Божеской любви прощаю его, но, вспоминая эту историю, не могу не испытывать к нему некоторой неприязни в своем сердце. А все потому, что моя душевная чувствительность не всегда подчиняется доводам разума.

На раме зеркала была еще одна; картинка, изобразившая историю про Волка, как он однажды нашел на лугу дохлую лошадь, с которой уже содрали шкуру и съели все мясо. Волк был очень голоден. Он устроил себе настоящий пир из объедков. И проглотил за раз три или даже четыре кости. Так жадно он поедал ни кости, что одна из них застряла у него поперек горла, причиняя ему невыносимую боль. Волк испугался, что может умереть, и принялся разыскивать каких-нибудь докторов или лекарей, обещая всем щедрые дары, если избавят его от такой беды. И вот, уже отчаявшись найти спасение, он попал к длинношеему Журавлю и стал умолять его о помощи. Волк клялся ему в вечной дружбе и любви, если тот его выручит, и обещал щедрое вознаграждение. Журавль ему поверил, засунул голову Волку в пасть и своим длинным клювом вытащил кость.

„Ай! – завыл Волк, отпрыгнув в сторону. – Ты сделал мне больно! Но так и быть, я прощаю тебя, любому другому на твоём месте это бы с рук не сошло. Смотри, больше так не делай!“

„Сир Изегрим, – ответил Журавль, – ступай и веселись, потому что ты совершенно здоров. Дай же мне обещанное вознаграждение“.

„Нет, вы только послушайте! возмутился Волк. – Ты причинил мне вред, и я вправе подать на тебя жалобу, а ты еще требуешь от меня награды! Лучше бы благодарил за мою доброту! Засунул голову мне в пасть, и я, совершенно беззащитный, должен был терпеть, пока он там ковыряется, причиняя мне боль. Это меня надо награждать за все мои мучения!“

Вот как в наши дни злые и коварные благодарят тех, кто делает им добро! Когда власть и могущество прибирают к рукам хитрые и лживые, то прощайте достоинство и честь! Много честных людей заслуживают награды за то, что помогли ближнему в беде. А потом этот ближний всеми правдами и неправдами представляет дело так, будто это он достоин награды, будто ему нанесли ущерб и несправедливо обидели. Тогда как выплачивать вознаграждение и возмещать ущерб должен он сам. Поэтому истинно говорят, прежде чем хулить и оговаривать, взгляни на самого себя.

Я помню еще много историй, которые украшали раму зеркала. Мастер, ее изготовивший, был ученым человеком и обладал глубокими познаниями в разных премудростях. Я рассудил, что такие сокровища слишком хороши для меня, и поэтому послал

их в подарок любимому моему милорду королю и госпоже королеве. А много ли найдется таких, кто преподносит своим повелителям подобные дары? Как же плакали мои детишки, когда я решил отослать зеркало, они так любили смотреться в него и любоваться своей одежкой! Увы мне, я и предположить не мог, что Киварта ожидает скорая смерть, когда передавал ему котомку с драгоценностями! А кому бы еще смог я доверить столь ценный груз? Заяц да Баран, они ведь были моими лучшими друзьями. О -о! Я проклинаю убийцу. И хотя бы мне пришлось обойти весь мир, я непременно найду его. Ибо убийство невозможно утаить, рано или поздно правда всегда выходит наружу. Думаю, что и в этом зале есть кто-нибудь, кому известна судьба Киварта, да только он предпочитает помалкивать. Потому что бок о бок с честными и правдивыми всегда ходят хитрецы и пройдохи. От них трудно уберечься, так они искусны в обмане и так ловко прикидываются невинными и добросердечными.

Но более всего меня изумляет не это. Милорд король так жестоко сказал здесь, что ни от меня, ни от моего отца он никогда не видел никакого добра. Мне удивительно это слышать, но, с другой стороны, перед королем проходит такое множество разных дел, что все упомянуть просто невозможно, – оттого-то я и пострадал. Любезный господин, не припоминаешь ли ты те времена, когда жив еще был твой батюшка, а сам ты был юношей двух лет от роду и мой отец вернулся тогда из Монпелье, где в течение пяти лет обучался премудростям врачевания? Как свои пять пальцев изучил он все свойства урины, а также целебные травы, какие из них обладают закрепительными, а какие послабляющими свойствами. Он был такой единственный в своем роде и по праву мог носить и шелко-вое платье, и золотой пояс. Он прибыл ко двору и увидел, что короля снедает какой-то недуг. Он любил короля больше всех на свете и почувствовал к нему глубочайшую жалость. Король не отпускал его от себя, он доверял ему безгранично, поэтому всем остальным целителям пришлось уйти.

„Рейнард, – сказал ему король, – я болен, и с каждым днем мне становится все хуже и хуже“.

„Любезный мой господин, – отвечал мой отец, – вот специальный сосуд, который следует вам наполнить своей уриной, и по ее виду я сразу определю, от какого недуга ты страдаешь и как его излечить“.

Король сделал все, как было сказано, потому что он всецело доверял моему отцу. И удивляет меня, как мог он так нечестно обойтись с тобой. Но это злые умы и ложные друзья сбили его с истинного пути. И сказал тогда мой отец:

„Милорд, чтобы излечиться, следует тебе съесть печень Волка, которому уже исполнилось семь лет. Это неперемное условие, а иначе ты обязательно умрешь. Об этом явно свидетельствует твоя урина“.

Волк стоял как раз поблизости, но ничего не сказал. Тогда король обратился к нему:

„Сир Изегрим, ты слышал, что мне необходимо съесть твою печень, иначе я умру?“

„Нет, милорд, – отвечал ему Волк, – это не так. Потому что мне еще не исполнилось и пяти лет, так говорит моя мать“.

„Не надо его слушать, – вмешался мой отец. – Давайте вспорем ему брюхо, я посмотрю на его печень и скажу, подходит ли она для твоего излечения“.

С этими словами Волка отвели в кухню, вынули его печень, каковую король тотчас же съел и тотчас же избавился от всех своих недугов. Он горячо благодарил моего отца и приказал всем подданным под страхом смерти называть его магистром.

С той поры отец состоял при короле и пользовался безграничным доверием. Король все время хотел иметь его при себе и наградил отца венком из роз, который он всегда должен был носить на голове. Но ныне все изменилось, все его добрые дела забылись. В милости теперь алчные и жадные злодеи, они обладают властью и могуществом и сидят рядом с королем... Тогда как мудрецов забыли, отчего нынешние правители многое потеряли и страдают и по сей день. Ибо если алчный и жадный человек из низов становится великим господином, завоевывает высокое положение и получает власть над своими соседями, то он начисто

забывает свое прошлое и происхождение и не имеет сочувствия ни к кому, не откликаясь ни на чьи просьбы и чаяния. Главная и единственная его цель – копить богатство и укреплять власть и могущество. А сколько алчных подвизается ныне при высоких дворах! Они из кожи вон лезут, стараясь подольститься и угождая повелителю, а все лишь затем, чтобы соблности свою корысть! А чуть только потребуется повелителю их помощь, так они предпочтут видеть его мертвым, чем расстанутся хотя бы с малой толикой своих богатств, чтобы оказать поддержку своему господину. Прямо как этот Волк, который ни за что не хотел отдавать королю свою печень, хотя бы это грозило гибелью господину! А по моему мнению, так пусть лучше двадцать волков погибнут, невелика потеря, чем причинить какой-либо урон королю и королеве! Все это, милорд, происходило в дни твоей юности, и ты, вероятно, позабыл эти события. И я также оказывал тебе почтение, хотя ныне ты редко об этом вспоминаешь. Возможно, ты забыл и ту историю, которую я собираюсь сейчас рассказать. Вовсе не затем, чтобы упрекать тебя, ибо ты достоин всяческого почтения и преклонения, какое только может оказать человек. И милостью Божьей награжден ты богатым наследием своих венценосных предков. И я, твой бедный слуга и подданный, должен все свои силы отдавать на служение тебе.

Шли мы как-то с Изегримом и несли пойманную свинью. Она так громко визжала, что пришлось перегрызть ей горло. И тут из рощи появились вы с королевой. Ты дружеским словом приветствовал нас и сказал, что вы с миледи королевой очень голодны, а еды у вас нет. И попросил у нас часть нашей добычи. Изегрим что-то неразборчиво пробормотал себе под нос, я же громко объявил, что, разумеется, милорд, с огромной радостью, будь у нас добыча и покрупнее, вы всегда можете рассчитывать на свою долю. Волк начал делить свинью, как вы ему указали. Себе он забрал половину, вам с королевой он отделил по четверти. И тотчас же принялся жадно и быстро пожирать свою долю, не желая ни с кем делиться. Мне же достались какие-то остатки внутренностей, и я молил Бога, чтобы Он наказал обжору.

В этом проявилась вся его натура. Прошло совсем немного времени, так что и „Верую” прочесть не успеешь, как ты, государь, уже съел свою долю. Но я -то прекрасно видел, что ты не наелся и все еще голоден. Волк, однако, и не думал предлагать тебе еще. Тогда ты поднял правую лапу и хорошенько огрел Волка по голове, расцарапав ему шкуру на лбу. У него пошла кровь, он взвыл и бросился бежать, оставив свою добычу. А ты закричал ему вслед:

„Беги-беги и принеси-ка нам еще чего-нибудь! А потом посмотрим, как ты станешь делить добычу!”

И я тогда сказал, что пойду вместе с ним, если ты, милорд, меняпустишь. И я побежал за ним следом. Он всю дорогу тихонько подвывал, не отваживаясь кричать во весь голос, и у него не переставая текла кровь из раны. Наконец мы раздобыли теленка, и, когда ты увидел, что мы возвращаемся, ты весело рассмеялся и сказал мне, что я хороший охотник.

„Быстро же ты нашел добычу! Вот кого следует посылать по какой-нибудь срочной надобности. А теленок хорош. Давай-ка на этот раз ты будешь его делить”.

„Милорд, – ответил я, – половину этого теленка я отдаю тебе. Вторую половину – миледи королеве. Кишки, печень, легкие и другие внутренности – это для ваших деточек. Волку Изегриму я отдаю голову, а себе беру ноги”.

„Рейнард, – сказал ты тогда, – кто научил тебя столь мудро делить тушу?”

„Милорд, меня научил вот этот священник, что сидит перед вами в окровавленном венце. Совершив неблагородный дележ свиньи, он заработал себе рваные раны на лбу. Алчностью и жадностью навлек он на себя страдания и позор”.

Увы, мой господин, сколько в наши дни расплодилось подобных волков, которые без всякого на то права и разумения хватают и жрут все, до чего только может дотянуться их жадная лапа! Ни врагу, ни другу у них не выпросить ни крошки мяса и ни капли крови. Все забирают себе. О, тяжкая судьба ожидает те страны и земли, где такие волки добиваются власти!

Милорд, я совершил для тебя еще множество добрых дел, я мог бы о них порассказать,

но это займет слишком много времени. Ты же, как я заключил из твоих слов, совсем о них позабыл. Если только ты внимательно все обдумаешь и взвесишь, ты не станешь впредь говорить так, как говоришь сейчас. Потому что я помню времена, когда ни одно важное решение при твоём дворе не принималось без моего совета и участия. А нынче случилось со мной такое вот несчастье... Но я надеюсь, что мои слова будут услышаны, что им поверят и рассудят мое дело по праву и закону. Это – мое единственное желание. Ибо если найдутся свидетели, готовые представить доказательства моих прегрешений, я отвечу по всей строгости закона, а если же кто-то просто вздумает огульно меня очернить, ничем не подтвердив свои обвинения, тогда я полагаюсь на милость и добросердечие, приличные нашему королевскому двору».

«Рейнард, – сказал король, – в твоих словах есть правда. Ведь о смерти Киварта мне известно лишь то, что сказал Баран Беллин, который принес в котомке его голову. Никаких иных доказательств твоей вины у меня нет, а посему отпускаю тебя».

«Любезный господин мой, – сказал тогда Рей-нард, – воистину ты совершаешь добро. А смерть Киварта так меня огорчила, что я думал, мое сердце разобьется. Еще когда они уходили из моего дома, у меня возникло очень плохое предчувствие, так что я чуть не потерял сознание. Теперь-то я понимаю, это было предвестие тяжелой утраты, которая обрушилась на меня в столь скором времени».

Все звери, которые собрались во дворце и слушали рассказ Лиса об исчезнувших драгоценностях, о его печалях и бедах, все они приняли его рассказ за чистую монету, не сомневаясь в искренности его оправданий и признаний. Ему сочувствовали в его несчастье и жалели его за все перенесенные страдания. Жалели его и король с королевой. Они умоляли его не предаваться отчаянию, а поскорее начать поиски сокровищ. Он так расхваливал эти богатства, что король решил во что бы то ни стало их заполучить. И хотя при дворе не видели этих драгоценностей, Лис говорил так убедительно, что король не мог не быть ему благодарным за подарок. И просил Лиса поскорее начать поиск пропавших сокровищ.

Лис прекрасно понял, чего именно хотят король с королевой, и не стал их за это уважать больше.

«Да возблагодарит вас Господь, милорд и миледи, – сказал он, – за то, что вы утешаете меня в моем горе. Я буду искать сокровища день и ночь, без отдыха и сна, прерывая свой бег лишь на время молитв. Угрозами и клятвами запугаю я все четыре стороны света, и пусть на это уйдет вся моя жизнь, я не прекращу поиски, пока не найду драгоценности. Обращаюсь к тебе, милорд король, с такой просьбой. Если случится так, что я не смогу добыть сокровища ни молитвой, ни просьбой, ни силой, ты должен прийти мне на помощь и поддержать меня. Потому что ведь это дело и тебя касается, это ведь твое богатство. Более того, твой долг – свершить правосудие над ворами и убийцами, что замешаны в этом деле».

«Рейнард, – сказал ему король, – коль скоро ты отыщешь сокровища, я не оставлю тебя своей помощью и всегда приду тебе на выручку».

«О любезный господин мой, это слишком большая честь для меня. Коли будет то в моей власти, я отплачу тебе за твою доброту».

Итак, дело у Лиса сладилось, потому что король опять стал ему послушен, к чему хитрец и стремился. Он воспрянул духом, ведь страшная опасность миновала, а его искусным небылицам все поверили, по-этому он спокойно мог отправляться куда вздумает, и никто не станет чинить ему препятствий. Никто, за исключением Волка Изегрима, которого охватила злоба и ярость. Он воскликнул:

«О благородный правитель! Неужели ты опять наивно обманываешься и веришь хитрым измышлениям этого плута? Да, сильная должна быть вера, чтобы не усомниться в правдивости его рассказов! Он же погряз в преступлениях! Он смеется прямо тебе в лицо. Пожалуй, я тоже расскажу одну историю, и хорошо, что он ее услышит. Ему не помогут и все его басни».

Как Волк Изегрим вновь жаловался на Лиса

«Послушайте, милорд, как этот негодяй бесчестно и низко обманул однажды мою жену. Произошло это зимним днем, когда они вместе направлялись к большому озеру, и он плел ей всякие небылицы о том, что научит ее ловить рыбу хвостом. Ей надо только поглубже опустить хвост в полынью и держать его как, и на хвост нацепится столько рыбы, что и вчетвером не съест. Глупышка, она-то ему поверила. И вот прошли они через болото и дошли до полыньи, где она и опустила свой хвост в воду. Он велел ей не шевелить хвостом, чтобы не спугнуть рыбу. Она так долго там сидела, что хвост совсем вмерз в лед, и она не могла его вытащить. Увидев, что она беспомощна, Лис набросился на нее и бесчестно овладел ею. Мне совестно об этом говорить. Она-то ничего не могла сделать, несчастная, она совсем примерзла! От этого преступления ему не отпереться, потому что я сам поймал его с поличным. Я пробегал верхом по берегу, когда увидел его внизу, прямо на моей жене, и его крики и поза не оставляли никаких сомнений. От горя, которое я тогда испытал, я чуть не лишился всех пяти чувств и закричал изо всех сил: „Рейнард, что ты там делаешь?“ Увидев, что я уже совсем близко, он бросился бежать. В глубоком горе подбежал я к своей жене, залез глубоко в воду и принялся разбивать лед. А как она страдала, пока не вытащила свой хвост! И все равно приличный кусок хвоста оторвался! Мы оба вполне могли там погибнуть. Дело в том, что она кричала и выла от боли так громко, что из ближайшей деревни прибежали крестьяне с лопатами, граблями, цепами и вилами и их жены со своими прялками. С яростными криками „ату, ату“ они стали безжалостно нас избивать. Никогда еще мне не было так страшно. Мы едва унесли ноги. Мы бежали так быстро, что нам стало жарко. Был там один, самый ярый, силач и хороший бегун. Он сильно ранил нас обоих своими вилами. И если бы к тому времени не стемнело, нам бы точно не уйти живыми. Старые ведьмы забили бы нас до смерти, потому что они ругались и кричали, что мы резали их овец. Наконец мы свернули в заросли кустарника, где и спрятались от злобных преследователей. Они не решились искать нас там ночью и отправились восвояси. Вот, милорд, еще одно его преступление. Лиса теперь надо судить по закону и справедливости за убийство, измену и насилие».

«Если бы эта история, избави Боже, была правдой, – отвечал Лис, – она не сделала бы мне чести. Не дай Бог, кто-то в это поверит! Правда только в том, что я учил Волчицу ловить рыбу и показал ей безопасную дорогу, как добраться до воды, минуя болото. Но, только услышав от меня слово „рыба“, она бросилась бежать со всех ног, не разбирая дороги. Так и угодила в ловушку. А все потому, что слишком долго сидела, хотя уже и наловила довольно рыбы, если бы только она понимала, что такое „довольно“. Часто ведь так бывает – тот, кто хочет слишком многого, теряет все. Чрезмерная жадность до добра не доводит. Но Волчица никак не хотела уходить. А когда я увидел, что она совсем вмерзла в лед, я стал пытаться ей помочь, начал ее толкать, тянуть, тащить в разные стороны, чтобы освободить ее. Но все

напрасно, потому что она для меня слишком тяжела. Тут прибегает Изегрим и видит, как я изо всех сил стараюсь ей помочь. А он, как какой-то неотесанный мужик, выдумывает про меня гнусную клевету. Сам распутник, а наговаривает на меня. Поверь, любезный мой господин, я говорю правду! Он низко оболгал меня, или, возможно, ему все почудилось, ведь он смотрел сверху вниз против света. Он поднял страшный крик, обзывал меня последними словами и ругался так, что я лучше не буду здесь повторять его брань. Услышав все его ругательства и угрозы, я решил, что лучше мне уйти, а он пусть бранится сколько хватит сил. Он спустился, стал толкать и тащить свою жену, помогая ей освободиться из льда. После чего они оба вскочили на ноги и быстро побежали, чтобы согреться, иначе они могли бы замерзнуть насмерть. Все, что я сейчас сказал, от первого до последнего слова – все это чистая правда. Даже за тысячу марок чистейшего золота не стал бы я лукавить перед тобой ни в одном малом деле, это не в моем обычае. Обо всем, что со мной происходит, я говорю одну только правду, как учили меня мои предки, как всегда мы делали еще с незапамятных времен. Но если ты сомневаешься хоть в чем-то здесь сказанном, дай мне восемь дней передышки, чтобы я мог все обдумать, и я представлю тебе такие достоверные и надежные доказательства, подкрепленные письменными свидетельствами, что всю оставшуюся жизнь ты и все твои близкие будете мне верить как самим себе.

Волк же ясно показал всем вам, какой он гнусный злодей, подлец и развратник. Его сущность проявилась в том, как он делил свинью. А теперь его собственные слова подтвердили, что у него нечистые помыслы и что он – похититель женской чести. Да кому в голову придет предаваться шалостям, если женщина в смертельной опасности, да к тому же не может шевельнуться? Надо спросить его жену. Если она пожелает сказать, как все было, она повторит мои слова».

Тут заговорила Эрсвина Волчица:

«Ах, Рейнард, ах, негодяй, как складно ты плетешь свои лживые истории, но все равно тебя ждет расплата! Вспомни, как однажды ты заманил меня в колодец, где на одной веревке висели два ведра, которые поочередно опускались вниз? Ты сидел в одном из них на дне колодца и дрожал от страха. Проходя мимо, я услышала твои рыдания и крики о помощи. Я спросила, как ты там оказался, а ты ответил, что внизу такое множество отличной рыбы, которую ты вылавливаешь прямо из воды, что твое брюхо скоро разорвется. И когда я спросила, как же мне спуститься к тебе, ты мне посоветовал забраться во второе ведро, висевшее наверху, и сказал, что тотчас же поднимешься ко мне. Но едва только я успела забраться в это ведро, как оно стремительно понеслось вниз, ты же стал подниматься. Я рассердилась, а ты сказал, что так уж устроен мир, что всегда кто-то поднимается, а кто-то опускается. С этими словами ты выскочил из ведра и был таков. Я же просидела в колодце до самой ночи, дрожа от холода и голода, а как потом еще меня исколотили!»

«Тетушка, – сказал тогда Лис, – хотя эти побои тебе и повредили, но все лучше, что они достались Тебе, а не мне, потому что ты будешь поздравнее. Кому-то из нас они должны были достаться. И потом, для тебя это хороший урок, подумай как следует об этом – и в следующий раз не станешь слепо верить всему, что тебе говорят, будь то друг или родственник. Ведь каждый человек прежде всего печется о своей выгоде, особенно если речь идет о жизни и смерти, и только глупцы поступав иначе».

История о Лисе и Волке

«Милорд, – сказала Эрсвина, – выслушай и поверь, он одинаково ловко и искусно умеет из всего извлечь выгоду, умеет хитростью и обманом себя выгораживать и при этом подвергать других опасности и приносить несчастья».

«Однажды, – сказал Волк, – он ввел меня в страшный грех перед моей тетушкой Обезьяной, я пережил тогда великий страх и ужас, потому что чуть не лишился одного уха. Если Лис пожелает рассказать об этом сам, я предоставлю ему это право, поскольку у меня не хватит красноречия живописать все так, как это сделает он, и он будет постоянно меня поправлять».

«Хорошо, – сказал Лис, – я расскажу всю правду от начала до конца и ни разу не собоюсь. Пожалуйста, выслушайте меня. Волк пришел ко мне в лес и стал жаловаться, что ужасно голоден. Мне показалось, что брюхо у него набито, но ему ведь все время мало и подавай еще. Интересно, куда же девается вся еда, которую он поглощает? Вон смотрите, и сейчас уже у него челюсти сводит от голода. Увидев, как он мучается, я его пожалел и сказал, что тоже голоден, и мы вместе пошли на охоту. Мы бродили целый день, но ничего не нашли. И начал он выть, кричать и говорить, что дальше идти не в силах. А я в это время заметил под кустами широкий лаз в какую-то нору, весь заросший камышами. Изнутри доносился какой-то шорох, но я не мог понять, что же там такое. И тогда я сказал Волку, чтобы он пошел и посмотрел, не найдется ли в этой норе чего-нибудь, чем бы нам поживиться. А он и говорит мне:

„Знаешь, кузен, в эту дыру я и за двадцать фунтов не полезу, если не буду знать наверняка, что там внутри. По-моему, ничего хорошего там нет. Но если ты захочешь пойти посмотреть, я подожду тебя вот здесь, под деревом. Сходи разведай, но сразу же возвращайся и расскажи мне, что же там такое. Ты умен и изворотлив и справишься лучше, чем я”.

Видишь, милорд, пришлось мне, несчастному, лезть в эту нору, а он, такой здоровый и сильный, остался отдыхать под кустом и спокойно ждать, что же из этого выйдет.

Ни за какие блага и богатства я бы не согласился вновь пережить такой страх и ужас. С тяжелым сердцем вошел я в ту пещеру и долго шел по темному широкому коридору. Еще у самого входа я заметил вдалеке какой-то неясный свет, туда-то я и отправился. Подойдя ближе, я сумел рассмотреть огромную безобразную Обезьяну, глаза у которой горели как пламя. У нее был огромный рот, откуда торчали длинные острые зубы, и страшные когти на руках и ногах. Уж не знаю, была ли это горилла или бабуин, но только никогда прежде я не встречал никого безобразнее. Подле нее лежали трое ее детенышей, столь же ужасные и безобразные, как и их мать. Завидев чужака, они замерли и, раскрыв рты, неподвижно уставились на меня. Я страшно перепугался и пожалел, что вообще полез в это логово. Но потом подумал, что раз уж я здесь, значит, надо суметь благополучно выбраться на свободу. Глядя на эту Обезьяну, мне показалось, что размером она побольше Волка Изегрима, а ее дети будут крупнее меня. Ну и семейка! Обязанные каким-то тряпьем, все в нечистотах, они лежали на прогнившей соломе, а какая там стояла вонь! Я чуть было не задохнулся. Однако я понимал, что для своего же блага говорить надо приветливо, и начал так:

„Милая тетушка, доброго дня тебе и твоим прелестным деткам, моим кузенам! В жизни не встречал таких чудесных малюток! О, как же они милы, как веселы и любезны! А лицами – так настоящие принцы! Воистину они – гордость всего нашего семейства. Тетушка, едва я прослышал, что ты недавно разрешилась, как тотчас же захотел тебя поведать. Извини, что не смог прийти раньше”.

„Добро пожаловать, Рейнард, – ответила она. – Благодарю, что навестил меня. Ты правдив и честен, умен и смекалист, как всем известно, ты не опозоришь свою семью. Потому прошу тебя, обучи моих детишек своим премудростям, чтобы они всегда знали, что следует делать, а что – нет. Возлагаю на тебя все надежды и потому, что ты возвращаешься в высшем обществе”.

О-о, у меня просто отлегло от сердца, когда я услышал такие слова. Но я и сам хорошенько постарался, сразу назвав ее тетей, хотя она вовсе мне и не родня. Настоящая моя тетушка – это госпожа Рюке-нейв, кого вы все видите здесь, которая растит и воспитывает своих чудесных деток.

„Тетушка, – отвечаю я тогда, – моя жизнь и мое добро – все в твоём распоряжении. В любое время дня и ночи я сделаю для тебя все, что только пожелаешь, и научу твоих деток всему, что знаю”.

А у самого уже дыхание перехватывало от их воню. К тому же я ни на минуту не забывал, что меня снаружи поджидает голодный Изегрим. И тогда я сказал:

„Тетушка, засим оставляю тебя и твоих прелестных деток в руках Божьих, а сам откланиваюсь. Боюсь, меня дома уже заждалась жена”.

„Любезный родственник, – говорит тут она, – ты не можешь уйти, не отведав нашего угощения, так не поступают добрые родичи“.

С этими словами она поднялась и провела меня в соседнюю комнату, где обнаружили такие запасы еды, что я только диву давался, откуда они там взялись. Отведал я и фазанов, и куропаток, и всякой иной дичи. А когда я наелся до отвала, она дала мне еще с собой жирную ногу, чтобы я отнес ее жене и детям. Мне стало стыдно, но не мог же я отказаться. Поблагодарив ее, я попрощался, а она стала приглашать меня навещать их, что я и пообещал. После чего я с легким сердцем поспешил в обратный путь, к Изегриму, который лежал на земле и выл. На мой вопрос о его самочувствии он ответил, что чувствует себя отвратительно, и странно, что вообще еще жив.

„Ты принес какой-нибудь еды? – спросил он меня. – Я умираю с голоду“.

Тогда, сжалившись над ним, я отдал Волку тот кусок, что унес с собой, и тем спас ему жизнь. Он стал горячо меня благодарить, а теперь вот затаил на меня зло.

Съев все подчистую, он спросил меня:

„А скажи-ка, родич Рейнард, что там, в этой норе? Об этот кусок, который только раззадорил мой аппетит, я всего лишь поточил зубы“.

Тогда я сказал ему:

„Дядюшка, смело иди в пещеру, там огромные запасы еды. Там лежит моя тетушка со своими детками, и, если только ты станешь плести небылицы, обходя правду стороной, ты получишь все, что пожелаешь. Но одно только слово правды может дорого тебе обойтись“.

Скажи, милорд, я ведь вполне ясно выразился, что надо говорить обратное тому, что думаешь. Но мудрость и понимание не свойственны грубому мужлану, поэтому тонких намеков они не понимают. Это непосильно для их умишек. Тем не менее Волк был полон решимости идти в пещеру и выдумывать такие небылицы, о которых никто еще и не слыхивал. Он отправился в эту грязную вонючую дыру и встретился там с гориллихой, с этим исчадием ада. И увидел троих ее детишек, всех будто вываленных в грязи, и завопил во весь голос:

„О-о, что это за исчадия ада! Какие чудовища! Да их сами черти в преисподней испугаются. Топить надо таких страшилищ, потому что от них добра не будет. В жизни не видел этаких уродов, у меня даже вся шерсть дыбом встала“.

„Сир Изегрим, – отвечала ему Обезьяна, – это мои дети, а я – их мать, и какое тебе до них дело? Прекрасные они или безобразные, тебе-то что? Сегодня к нам приходил их родственник, поумнее и полюбезней тебя, и он сказал, что мои дети прелестны. Зачем ты вообще сюда пришел?“

„Я пришел, чтобы поесть, – сказал Волк. – Мне твоя еда больше пойдет на пользу, чем этим чудищам“. „Но здесь нет никакой еды“. „Я знаю, что есть“.

И он уже двинулся было к той комнате, где хранились их запасы. Но тетушка с детишками вскочили с мест и бросились на него, вцепившись прямо в морду своими длинными когтями. Да так сильно, что разодрали его в кровь. Я слышал его страшный вой. Вряд ли он оказал сопротивление, слишком уж быстро он вылетел из пещеры, весь избитый, израненный. Шкура в нескольких местах разодрана до самого мяса, морда вся в крови, а одно ухо почти оторвано. Он долго выл и стонал, горько жалуясь на свою судьбу. Тогда я его спросил, достаточно ли искусно он лукавил, а он, оказывается, говорил то, что видел перед собой, – что перед ним грязная сука с вонючими щенками.

„Но как же, дядюшка, – сказал я тогда, – тебе бы следовало сказать: «Моя прекрасная племянница, какие милые у тебя детки, мои любимые родственники»“.

„А я сказал, что их надо повесить“, – отвечает Волк.

„Ну вот, дядюшка, ты и получил по заслугам. Иногда гораздо лучше солгать, чем сказать правду“.

И те, кто были поумнее и посильнее нас, знали этот закон“.

Вот так, милорд король, Волк и заработал себе красную косынку на голову. А теперь стоит здесь как ни в чем не бывало. Да спроси его сам, он не сможет отпереться».

Как Волк бросил Лису перчатку, вызывая его на поединок

«Долго я терпел твои насмешки и издевательства, наглый обманщик и вор, – сказал Волк. – Терпел твои лживые и злобные выдумки. Значит, я буквально умирал с голоду, а ты меня спас? Это подлая ложь, потому что ты мне дал всего лишь обглоданную кость, с которой прежде обгрыз все мясо. Ты и теперь глумишься надо мной и говоришь, будто бы я сейчас голоден, да мне это безразлично. Одной злобной насмешкой больше, одной меньше... Ты обвинил меня в заговоре против короля, в покушении на его жизнь, ты наврал с три короба про клад в Гюльстерло, ты опозорил и оклеветал мою жену. Ей ввек не отмыться от такого бесчестья, да и мне тоже, если только она не будет отомщена. Я долго терпел твои выходки, но теперь тебе так просто не отделаться. И хотя я не могу представить никаких доказательств, я открыто объявляю перед милордом королем, перед всеми собравшимися, что ты – лживый предатель и убийца. И я собираюсь это доказать в честном бою, посреди открытого поля. Это положит конец нашей борьбе. Вот, я бросаю тебе перчатку, поднимай. Теперь я либо разделаюсь с тобой, либо погибну».

«Как же это я буду с ним биться, – думал Рейнард со страхом, – мы такие разные, мне не справиться с этим верзилой, и не спасут меня никакие речи».

Как Лис поднял перчатку и как король назначил им время и место для поединка

«И все же, – размышлял Лис дальше, – у меня есть одно преимущество. Когда по моему указанию с него сдирали сапожки, он лишился когтей на передних лапах, да и лапы -то все еще болят, так что сила у него не та».

И тогда Лис сказал:

«Кто посмел назвать меня предателем и убийцей? Это гнусная ложь! Изегрим, ты обвиняешь меня во лжи? Клянусь, ты сам – обманщик и лжец. А сразиться с тобой я всегда хотел. Я докажу в нашем поединке, что все твои обвинения лживы. Я принимаю вызов».

Король дал свое согласие на поединок и велел им назначить себе поручителей, которые бы утром явились вместе с ними на место поединка. На стороне Волка выступили Медведь и Кот, а поручителями Лиса стали Барсук Гримберт и Бителюс.

Как госпожа Обезьяна Рюкнейв наставляла Лиса перед поединком

Обезьяна сказала Лису:

«Рейнард, племянничек, во время поединка ты должен оставаться холодным и спокойным, не теряй головы. Твой дядюшка обучил меня как -то одной молитве, которая весьма полезна в битве. А его научил этой молитве великий магистр, мудрейший из мужей, аббат из Будело. И тому, кто с чувством и с верой произносит слова этой молитвы, не

страшен никакой враг, никакая драка или сражение. Так что не бойся. Завтра утром я прочту над тобой эту молитву, и это придаст тебе уверенности и храбрости для того, чтобы расправиться с Волком. Помни, уж лучше драка, чем сломленная шея».

«Благодарю тебя, милая тетушка, – сказал Лис. – Я борюсь за правое дело и надеюсь поэтому, что поединок окончится в мою пользу».

Родные Лиса провели вместе с ним всю ночь, развлекая его и помогая скоротать время. Его тетушка, госпожа Рюкенейв, больше других пеклась о его успехе и благополучии. Она коротко остригла его мех с головы до хвоста, а после намазала все его тело маслом и жиром. И он весь стал гладкий и скользкий, так что Волку трудно было бы его ухватить. К тому же Лис был вполне упитан и кругл.

«Милый мой родственник, – сказала ему Обезьяна, – теперь тебе надо побольше пить, так чтобы завтра у тебя образовалось много урины. Но терпи, пока не начнется поединок. Когда же наступит подходящий момент, выпусти весь запас себе на хвост и хвостом бей Волка по морде. Если же тебе удастся попасть ему по глазам, то он лишится зрения, что, конечно же, будет для него большой потерей. Однако же после этого быстро упрячь хвост между ног, чтобы Волк не смог тебя схватить, а уши плотно прижми к голове. Веди себя разумно и сначала избегай его ударов. Пусть он за тобой гоняется, бегаёт, нападает, ты же убегай туда, где под ногами побольше пыли. Прыгай и топчись в этой пыли, чтобы она поднималась в воздух и попадала ему в глаза. А когда он начнет тереть глаза, вот тогда нападай – бей его, кусай, царапай так сильно, как только сможешь. Не забывай, что своим мокрым хвостом ты должен попасть ему по лицу. Вот тогда -то он не обрадуется, он забудет, где верх, а где низ. Не забывай, ты должен его измотать, пусть он подольше за тобой гоняется. Из-за содранных сапожек у него больные ноги, а ростом он хотя и велик, но сердце у него слабое. Помни об этом. Таков мой совет.

Ум и смекалка важнее силы, поэтому обдумай хорошенько, как вести себя с ним и как себя защитить, чтобы и ты сам, и все мы с честью бы вышли из этого испытания. Твое поражение стало бы для меня большим несчастьем. А теперь я научу тебя чудесной молитве твоего дядюшки Мартина, которая поможет тебе одолеть врага. Я уверена, что так оно и будет».

С этими словами она положила руку ему на голову и произнесла:

«Блерде шай альфенио касбу горфонс альсбуйфрио. Вот, племянничек, теперь ты защищен от любой опасности, и мой тебе совет – ложись -ка отдохни. Тогда завтра у тебя будет больше сил для поединка. А мы тебя разбудим, когда придет время».

«Тетушка, – отвечал Лис, – я счастлив и спокоен, благодарю тебя за твою неоценимую помощь. После того как ты произнесла надо мной эти священные слова, мне кажется, что никакой враг мне не страшен».

После этого Лис устроился на траве под деревом и проспал до восхода солнца. На заре его разбудила Выдра и сказала:

«Милый кузен, я всю эту ночь охотилась в пруду и вот поймала для тебя эту славную жирную уточку. Я отобрала ее у охотника. Пожалуйста, возьми ее себе».

«Какой чудесный подарок, – воскликнул Лис, – глупо было бы отказываться. Благодарю тебя, кузина, за твою заботу. Если останусь жив, я тебя не забуду».

Лис с огромным аппетитом съел уточку, без соуса и без хлеба, и запил ее четырьмя большими кувшинами воды. После чего в сопровождении своей родни и друзей отправился на поединок.

Как Лис явился на поединок и как противники сражались

Увидев Рейнарда, всего остриженного и намазанного жиром, король удивился и сказал: «Эй, Лис, что это ты с собой сделал?» Очень уж Лис стал непригляден на вид. Рейнард же, не говоря ни слова, преклонил колени перед венценосной четой, а потом вышел на арену поединка. Там уже поджидал его Волк, похваляясь перед всеми своей силой. Распорядителями поединка были Леопард и Рысь. Они принесли книгу, на которой Волк и

Лис поклялись. Волк сказал, что Лис – предатель и убийца, что такого обманщика и лжеца не сыщешь во всем свете и что он будет с ним сражаться до полной победы. Рейнард же заявил, что Волк – подлый злодей, отъявленный негодяй и преступник и что он, Рейнард, тоже готов сражаться до победы. После чего распорядители призвали противников исполнить свой долг. Все остальные звери быстро покинули арену, за исключением госпожи Рюкенейв. Она осталась рядом с Лисом и поддерживала его словом:

«Не забывай о том, что я тебе говорила. Помнишь, когда тебе было семь лет от роду, тебе хватило ума и смекалки, чтобы пройти в безлунную ночь по лесу без фонаря. И в борьбе за добычу ты всегда был одним из самых проворных и сообразительных. Собери же все силы, чтобы и нынче одержать победу, тогда и ты, и все мы, твои друзья, завоюем заслуженные почет и уважение».

«Любезная тетушка, я это хорошо понимаю. Я приложу все старание и буду следовать твоим советам. Я принесу своей родне почет и уважение, а врагам – позор и бесчестье».

«Да прибудет с тобой Господь!» – сказала она.

Как дрались Лис с Волком

И она ушла с арены, а те двое стали сходитьсь. Разъярившись, Волк подбежал к Лису и хотел схватить его передними лапами. Но Лис, более легкий и подвижный, ловко отпрыгнул в сторону. Волк старался догнать Лиса бегом и прыжками. Их друзья и родичи стояли вокруг и молча смотрели на поединок. Волк огромным прыжком нагнал Лиса и уже занес лапу, чтобы хорошенько его ударить, но Лис вовремя успел хлестнуть его по лицу своим мокрым хвостом. Волк, ничего не видя перед собой, принялся протирать глаза. Рейнард же, не теряя времени даром, встал с наветренной стороны и начал задними лапами скрести и царапать землю, так что пыль полетела Волку в глаза. От этого Волк совсем ослеп и не смог больше гоняться за Рейнардом. Песок перемешался с мочой, и от этой смеси глаза у Волка так разболелись, что ему пришлось остановиться, чтобы их протереть и промыть. Рейнард, взбешенный, бросился к нему и трижды сильно укусил его за голову.

«Ну что, сир Волк, – приговаривал он, – неужто кто-то оказался посильнее тебя? Подожди, еще и не то будет! Ты сам – убийца и губитель ягнят и всякой мелкой живности, а меня попытался представить виновным. Знай же, я отомщу тебе за все! Я избран, чтобы покарать тебя за все твои прошлые грехи и преступления, ибо Господу не угодно более терпеть такого подлеца и злодея. Сейчас ты получишь отпущение грехов, и во благо своей души прими безропотно свою судьбу, потому что ты скоро умрешь и отправишься в ад. Сейчас я решаю твою судьбу. Если хочешь, однако, ты можешь попросить у меня прощения. Встань на колени и признай себя побежденным. Хотя ты и гнусный злодей, я дарую тебе прощение, ибо совесть не позволяет мне лишать жизни кого бы то ни было».

Слушая эти злобные насмешки, Изегрим пришел в бешенство, от ярости он и слова не мог сказать. Болели нанесенные Рейнардом раны, а Волк собирался с силами, чтобы

отомстить за себя.

Волк со всего размаху ударил Лиса по голове, так что тот упал. Изегрим рванулся к нему и хотел было схватить Рейнарда за горло, но тот проворно вскочил и кинулся в драку. Началась жесточайшая борьба. Она длилась очень долго. Волк, исходя злобой и яростью, десять раз наскакивал на Лиса и уже бы схватил его, если бы не масло, которым была смазана кожа Рейнарда. Благодаря этому кожа была такой скользкой, что Лису каждый раз удавалось вырваться. Лис был хитер и изворотлив, и много раз ему удавалось проскользнуть у Волка между ног. Потом он оборачивался и хлестал Волка своим мокрым хвостом. Изегрим боялся, что он совсем ослепнет. После чего Лис всегда убегал в сторону и принимался скрести песок лапами, так что пыль и сор летели прямо в глаза Волку. Изегрим совсем отчаялся, ему стало казаться, что он проиграл битву, но он был сильнее Лиса. Соперники нанесли друг другу множество ударов и множество ран, каждый старался уничтожить другого. Хотелось бы мне присутствовать при таком сражении, когда один противник берет изворотливостью и хитростью, а другой – силой и мощью.

Волк был зол еще оттого, что так долго не мог справиться с Лисом. Ведь были бы здоровы его передние лапы, Лису пришлось бы туго. А эти раны у него открылись, и Волк не мог быстро бежать. Лис прыгал быстрее и проворнее, да к тому же все время бил своим мокрым хвостом прямо ему в лицо, и Волку казалось, что глаза у него выскочат из орбит. Изегрим стал думать так: «Пора положить конец этой драке. Сколько еще мне терпеть нападки этого подлеца? Я – большой и сильный, и, если я навалюсь на него всем телом, я задушу его до смерти. Позор, что я до сих пор с ним не разделался. Люди станут смеяться и показывать на меня пальцем, упрекая в том, что я так долго не могу его одолеть. Но как же болят мои раны, они кровоточат, а от его мокрого хвоста и от пыли, которую он поднимает, я почти ослеп. Если так пойдет и дальше, он меня измотает и получит преимущество в бою, и чем все закончится?»

Думая так, Волк со всей силы ударил Лиса по голове. Лис упал, а Изегрим, не давая ему подняться, набросился на него сверху и зажал лапами. Тут Рейнарда охватил страх. Испугались и его друзья, когда увидели, что Волк подмял его под себя. Сторонники же Изегрима радовались и ликовали. Лис яростно защищался и изо всех сил колотил и царапал Волка. Изегрим щадил свои больные лапы и поэтому больше орудовал зубами, пытаясь 'загрызть' Лиса. Увидев, что ему грозит смертельная опасность и что Волк намеревается перегрызть ему горло, Лис передними лапами вцепился Волку в голову и рванул что было сил. Он сорвал ему кожу на лбу и вырвал глаз. Волк завыл. Он выл, и рычал, и стонал, а кровь потоком лилась у него по лицу.

Как Лис, лежа на земле, обманул Волка льстивыми речами и как вновь оказался на свободе

Волк стал тереть глаза, Лис же, воспользовавшись моментом, извернулся и вскочил на ноги. От этого Изегрим разъярился еще сильнее, рванулся к противнику и крепко зажал его лапами, не обращая внимания на раны и кровь. Лис пал духом. Их борьба была Долгой и трудной. В ярости Волк забыл о своей боли. Он подмял Лиса под себя, так что тому пришлось по-настоящему туго, к тому же Изегриму удалось схватить зубами переднюю лапу Лиса. Рейнард решил уже, что остался без передней лапы.

«Сдавайся! – зарычал Волк. – А иначе тебе конец. Настал твой час, и тебе теперь не помогут ни насмешки, ни угрозы, ни твои лживые речи, ни пускание пыли и твой мокрый хвост! Ты довольно надо мной издевался и позорил меня, а теперь мои раны кровоточат, да к тому же я лишился глаза!»

Рейнард понял, что дело его плохо. Ему оставалось либо признать свое поражение и сдаться, либо принять смерть. Выбор небогатый, что и говорить. Лис, однако, быстро принял

решение, что именно ему следует сказать, и начал свои сладкие речи так:

«Милый дядюшка, я с радостью отдам тебе все свое состояние и стану твоим верным слугой. Мы вместе отправимся в священный Иерусалим и вымолим прощение и отпущение грехов. И твой орден будет прославлен во всех церквях Святой земли! Все это во благо спасения твоей души. Клянусь, никогда еще ни одному правителю или королю не была дарована такая благодать! А я стану служить тебе верой и правдой, как служил бы самому преподобному Папе! Я отдам тебе все, что имею, и завещаю своим потомкам и всей родне быть тебе верными слугами. И ты тогда станешь повелителем всей земли, и никто не посмеет поднять на тебя руку. Любую свою добычу – будь то птица, гуси, куропатки или перепелки, мясо или рыба – я буду сперва преподносить тебе, твоей жене и детишкам, а уж потом брать себе что останется. Я всегда буду подле тебя, и, где бы ты ни был, тебе не страшна будет никакая опасность. Ты – силен, а я – хитер, давай держаться вместе, и тогда нашему уму и силе никакой враг будет не страшен. Мы ведь в близком родстве и, значит, не должны держать зла друг на друга. Я бы никогда не стал с тобой драться, но у меня не осталось выбора. Ты втянул меня в этот поединок. Я вынужден был сразиться с тобой, хотя и против своей воли. В драке я был милостив к тебе и не проявил даже и малой толики своей силы и мощи, как поступил бы, будь на твоём месте кто-нибудь посторонний. Ведь племянник не должен обижать своего дядюшку. Это – истина, и так и должно быть. А за все, что с тобой сделал, я и сам пострадал в своем сердце. Потому что я ведь мог изранить тебя гораздо больше, но я тебя щадил и не нанес никакого серьезного вреда. Вот только с глазом у тебя несчастье, о чем я безмерно сожалею. Потому что, истинно говоря, я не хотел тебя покалечить. Однако есть для тебя в этом и свое преимущество, потому что теперь, ложась спать, ты станешь затворять всего лишь одно окошко, там где всем прочим приходится возиться с двумя. Моя жена, детишки, вся моя родня падут перед тобой ниц. Мы станем молить короля и всех тех, кого ты почитаешь, чтобы ты даровал жизнь своему племяннику Рейнард. А я признаюсь, что совершал прегрешения против тебя и наговаривал на тебя неправду. Никому другому я бы не стал предлагать такие почести, да и ни одному господину в мире еще не оказывали столько почтения. Прошу тебя, поверь мне.

Конечно, ты легко можешь меня убить, но какая тебе в том выгода? Весь остаток жизни тебе придется сторониться моих друзей и близких. Мудрый человек даже и в гневе способен взвесить все за и против и не предаваться спешке. Он здраво рассудит о том, что ожидает его в будущем. Кто способен здраво мыслить во гневе, тот по-настоящему мудр. Мало ли вокруг глупцов, которые, подчиняясь минутному порыву, могут столько дров наломать, что потом еще долго раскаиваются? Но, дядюшка, я-то знаю, что ты не из таких. Сам подумай, ведь лучше жить в чести, мире и спокойствии и иметь много друзей, всегда готовых прийти на помощь, чем пребывать в постоянной тревоге и дрожать за свою честь, ежеминутно ожидая коварного нападения многих врагов. И подумай, какое благородство в том, чтобы прикончить побежденного? Моя жизнь сейчас не многого стоит...»

«Ах, негодяй, напрасны все твои сладкие речи, потому что я прекрасно вижу, что, будь ты сейчас на моем месте, ты бы за мою жизнь не дал и яичной скорлупки, – сказал Волк Изегрим. – Да хоть бы ты мне пообещал богатства всего мира, я бы все равно тебя не отпустил. А на твоих друзей и родню мне наплевать. Все, что ты здесь наплел, – не более чем красивые слова да всегдашние твои выдумки. Неужто ты думаешь еще раз обмануть меня – меня, кто видит тебя насквозь!

Ты и сейчас пытаешься меня перехитрить, но я-то давно с тобой знаком. И я не какая-нибудь пичужка, которую обманом легко заманить в силки, я прекрасно знаю, где доброе зерно, а где – нет. Отпусти я тебя сейчас, как ты станешь потом надо мной глумиться и насмехаться! Рассказывай свои сказки кому-нибудь другому, а не мне. Не трать понапрасну свое красноречие и сладкие слова. Меня-то ты уже столько раз обманывал, что я научился не слушать твоих басен. А теперь, подлый мерзавец, ты заявляешь, что дрался со мной не в полную силу. Взгляни только, это не у меня один глаз вырван? Не у меня голова пробита в двадцати местах? Ты мне и вздохнуть-то не давал. И пожалей я тебя сейчас, я буду последним

глупцом и простофилей, ведь ты столько вреда мне причинил, так часто меня оскорблял и позорил. А какой позор ты навлек на мою любимую жену Эрсвину! Обманом ты ею овладел и обесчестил! Никогда я не смогу этого забыть. Стоит лишь подумать, как мой гнев закипает с новой силой».

Пока Изегрим говорил, Лису хватило времени, чтобы придумать, как же ему спастись. Выставив вперед свободную руку, он просунул ее Волку между ног и изо всех сил ухватил его за яички. Лис так крепко сжал гениталии, что Волк громко завыл от боли, и тогда Лис быстро выдернул руку из волчьей пасти. От нестерпимой боли Волк рычал и вопил во все горло, он стал харкать кровью и даже обкакался.

Как Волк Изегрим был побежден, как закончился поединок и как Лису оказывали почести победителя

От боли в паху Волк мучился гораздо сильнее, чем от рези в глазах. Во время поединка он потерял столько крови, что сейчас был почти без сознания. От ранений он так ослабел, что не мог держаться на ногах. Рейнард бросился на него, схватил его за ноги и поволок по арене, чтобы все могли видеть его победу. При этом он продолжал наносить Волку сильные удары. Друзья Изегрима опечалились и в своем горе обратились к королю, чтобы он решил исход битвы. Король дал свое согласие, и тогда распорядители поединка, Леопард и Рысь, объявили противникам:

«Милорд король хочет говорить с вами. Его волею ваш поединок завершен. Он желает, чтобы вы передали это дело в его руки, и он разрешит ваше противостояние. Потому что гибель любого из вас стала бы большим бесчестьем для обеих сторон. Честь следует блюсти и на поле сражения. Все звери, кто видел ваш поединок, присуждают победу тебе», – сказали они, обращаясь к Лису.

«Я приношу им за это свою благодарность, – сказал Лис. – Я исполню любую королевскую волю. Победа – моя, а большего мне и не надо! Пусть ко мне подойдут мои друзья, и мы решим, как нам следует поступить».

Друзья Лиса тотчас поспешили к нему. В серьезных делах всегда разумнее воспользоваться подсказкой и советом своих близких. Поэтому к Лису подошли госпожа Слокпад, ее муж Барсук Гримберт, госпожа Рюкенеив с двумя своими сестрами, Бителюс, Фулромп, два ее сына, и дочь Хатенетта, Летучая Мышь, Ласка и еще около двадцати зверей, которые никогда бы не признались в дружбе Рейнарду, если бы он проиграл сражение. Так всегда бывает, что все почести и восхваления достаются победителю, к побежденному никто и не подойдет по своей воле. К Лису пришли также Бобр и Выдра со своими женами – Пантекрет и Ордегейль. Были там еще Хорек, Куница, Мышь и Белка, и еще многие, которых и не упомянуть. И все из-за того, что он оказался победителем. Были среди этих зверей и такие, кто прежде жаловался на Лиса, теперь же они называли себя его ближайшими родичами и выказывали самую большую радость. Так устроен мир. Тот, кто богат и высоко вознесся на колесе фортуны, у того огромное множество друзей и родных, которые готовы помочь ему распорядиться своим богатством. Тот же, кто беден и в нужде, кто страдает от болезни, у того едва ли найдется лишь несколько близких. Все стараются держаться от него подальше.

Устроили звери Лису пышный прием, музыканты дули в трубы и свистели в свирели, а все говорили ему:

«Любимый племянник, мы благодарим Бога за то, что ты вышел победителем! Мы так боялись за твою судьбу, когда Волк прижал тебя к земле».

Лис с большой радостью принимал поздравления и любезно всех благодарил. После Лис стал спрашивать у них совета, следует ли ему предоставить королю право решать судьбу побежденного.

«Ну разумеется, племянничек, – сказала ему госпожа Слокпад. – Ты можешь со всей честью передать это дело королю и полностью ему довериться». Громко играла музыка, когда Рейнард вместе с распорядителями поединка отправился к королю.

Лис вышел вперед и бросился перед королем на колени. Тот поднял его с колен и сказал:

«Возрадуйся, Рейнард, ты с честью выдержал испытание, и я отпускаю тебя. Ты можешь идти куда пожелаешь. А когда Изегрим поправит свое здоровье, я сам разрешу ваш спор. Я созову своих мудрейших советников, и мы примем верное и справедливое решение, которое потом и будет исполнено. Когда настанет срок, я пошлю за тобой и объявлю тебе о своем решении».

Притча, рассказанная королю Лисом -победителем

«О мой дражайший господин король, – сказал Лис, – я счастлив и рад такому исходу. Когда я впервые прибыл ко двору, многие здесь держали на меня зло и завидовали мне. Меня, правда, это мало беспокоило, но они -то хотели таким способом возвыситься надо мной. Все мои недруги ополчились против меня и вполне могли бы меня уничтожить. А все потому, что Волк, как они думали, был у тебя в большей милости, нежели я, твой покорный слуга. Как уж они хотели меня погубить, но не разумели, что через твою мудрость правда все равно восторжествует! Это, милорд, напоминает мне одну историю.

Однажды свора собак сидела перед господским домом, ожидая, что им вынесут чего-нибудь поесть. Как вдруг из кухни выскочила еще одна Собака, неся в зубах замечательное говяжье ребро. Она бросилась наутек со своей добычей, но повар, который успел ее заметить, схватил котел с кипящей водой и опрокинул его на спину Собаки. За что, конечно, Собака не спешила благодарить повара. Вся шерсть сзади у нее повылезла, осталась только одна обваренная кожа. Тем не менее Пес не выпустил свою добычу. Завидев его с этой костью в зубах, остальные собаки закричали:

„О-о, да повар, похоже, твой близкий приятель, если он оделил тебя такой славной костью! Смотри, сколько на ней мяса!“

„Нет, вы ничего не знаете, – отвечал им Пес. – Вам видна пока только моя кость, а вы обойдите-ка меня и взгляните на мой зад. Тогда вам станет ясно, какой ценой мне дается это угощение“.

А когда они обошли Пса кругом и посмотрели на его обожженный зад, похожий на сырое мясо, то представили себе эту кипящую воду и завывали от страха. Они уже не хотели более искать его дружбы, но пустились бежать прочь, оставив Пса в одиночестве.

Видишь, милорд, вот что происходит, когда такие лживые твари становятся великими господами. Все исполняется по их желанию, у них в руках власть и могущество, всем вокруг они внушают страх, а сами обируют и грабят всех ближних подряд без разбору, точно те голодные собаки. И если у кого в зубах кость, никто не рискует им перечить и прекословить, наоборот, восхваляют любое их дело и начинание и потворствуют им во всем. Многие помогают им в их злобных авантюрах и лижут им руки, надеясь получить и свою долю добычи. О дорогой мой господин, как же заблуждаются те, кто не в силах заглянуть вперед и увидеть, что же ждет их в конце пути! Как низко придется им пасть, какой позор и бесчестье испытать, когда откроются все их грязные дела. Никто им тогда не поможет, не посочувствует и не поддержит в беде и несчастье, но каждый только проклянет их, призывая позор и бесчестье на их голову. Сколь многих постигает такая участь, когда они лишаются и чести, и богатства, все равно что тот Пес, у которого вылезла вся шерсть. Где же теперь их друзья, которые раньше покрывали все их грязные делишки и преступления, как волосы покрывают кожу? Теперь, когда они получили по заслугам за свои прошлые грехи, все от них отвернулось и поспешили прочь, совсем как те собаки, что убежали в испуге, узнав про кипяток, бросив в беде и одиночестве того, кто раньше грабил всех без разбору.

Любезный милорд король, заклинаю тебя, не забывай эту мою притчу, и тогда приумножишь ты свою мудрость и свое достоинство. Ибо тебе и не ведомо, сколько в наши дни кругом рыщет таких гнусных вымогателей, еще и похуже той Собаки с костью в зубах. Есть они в городах и при дворах знатных господ; и всюду они, напустив на себя важность и пышность, угнетают и притесняют простых людей, причиняя им огромный вред, отбирая у них и свободу, и права, и привилегии и совершая еще и худшие бесчинства. А все только ради своей выгоды. Да ниспослет на них Господь позор и бесчестье и покарает их, где бы они ни находились! Благодарение Господу, однако, – продолжал Лис, – за то, что ни меня, никого из моей семьи или родичей не могут упрекнуть в подобных злодеяниях. И мы всегда готовы выйти на самый яркий свет и рассказать о себе. Я не боюсь никаких обвинений, пусть каждый, кто считает, что я в чем-то согрешил и поступил не так, как подобает честному человеку, выйдет вперед и открыто об этом скажет! А Лис всегда встанет на сторону Лиса, пусть бы против них ополчилось несметное множество врагов! Любезный милорд король, сердце мое принадлежит тебе, как никому другому в этом мире, и я никогда от тебя не отступлюсь, но пребуду твоим верным слугой до конца времен. И пусть злые языки говорят что угодно. Клянусь, что служению тебе я отдам все свои силы и саму жизнь».

Как король простил Лису все его грехи и назначил его первым вассалом во всем королевстве

«Рейнард, – сказал король, – твой долг – присягнуть мне на верность, и я полагаю, ты останешься верен своей присяге. Моя воля такова, чтобы отныне ты всечасно был в моем совете и вершил правосудие. Сам же никогда впредь ты не станешь нарушителем закона. Возвращаю тебе твою прежнюю власть и могущество. Смотри, чтобы в будущем ты служил мне честно и достойно. И если свой ум и смекалку ты обратишь на добрые дела, то при нашем дворе будет процветать наимудрейший совет ученых мужей. Потому что тебе нет равных ни в быстроте и живости ума, ни в умении найти способ избавления от любого несчастья. Помни сам о той притче, какую ты мне рассказал, и думай всегда лишь о благих целях и храни мне верность. И с нынешнего дня я обязуюсь во всем следовать твоему совету и решению. А тот, кто осмелится поднять на тебя руку, заслужит самую жестокую кару и мое отмщение. Ты же станешь моим глашатаем по всему королевству. Я назначаю тебя своим управляющим и главным надо всеми вассалами моей страны. Ты достоин столь высокого

звания».

Короля горячо благодарили все близкие и родные Лиса.

«Я сделаю для тебя больше, чем ты можешь представить, – продолжал король, – только вы все должны смотреть, чтобы Лис оставался мне верен».

«Нет никаких сомнений, милорд, – сказала госпожа Рюкенейв. – Ты не должен об этом беспокоиться. Иначе он бы не был нам родней, я сама первая отвергла бы его и всячески препятствовала его возвышению».

Рейнард любезными словами возблагодарил короля и сказал:

«Дорогой повелитель, я не достоин той высокой чести, какую ты мне оказываешь. Клянусь, что до конца своих дней я буду хранить тебе верность, служить верой и правдой, помогать дельным советом и исполнять любую твою волю».

С этими словами Лис и его друзья покинули королевские покои.

Теперь же слушайте про Волка Изегрима.

Медведь Брюн, Кот Тиберт, Эрсвина со своими детьми и родней вынесли Волка с арены сражения, уложили на подстилку из сена и укрыли потеплее. После чего занялись его ранами, коих было двадцать пять. Пришли мудрые магистры и врачеватели, промыли его раны и перевязали их. Волк же был так слаб, что потерял сознание. Когда ему растерли виски и он вновь пришел в себя, то стал кричать так громко, что все, кто его услышал, испугались, не лишился ли он рассудка.

Лекари дали ему питье, от которого его сердце успокоилось и он заснул. Они утешили его жену, сказав, что смертельных ран нет и что его жизнь вне опасности. После чего королевский суд завершился, и все звери отправились по своим домам.

Как Лис со своими друзьями и родней с честью покинул королевский двор и направился в свой замок

Лис Рейнард с достоинством и важностью покинул короля и королеву. Прощаясь, они просили не оставлять их слишком надолго, но поскорее возвращаться опять ко двору. Он ответил им так:

«Дорогие король и королева, в любое время я в вашем распоряжении. Я всегда готов прийти вам на помощь, если, не приведи Бог, будет у вас какая нужда. Я не пожалею ни сил, ни добра, чтобы оказать вам помощь и услугу. И вся моя семья, родные и друзья – все тоже готовы в любую минуту исполнить вашу волю и ваши желания. Да прибудет с вами Господь и дарует Он вам многие лета! Я же прошу вашего соизволения отпустить меня домой, к моей жене и детишкам. А если случится у ваших милостей какая нужда, только сообщите мне, и я тотчас же прибуду».

С такими прекрасными речами Лис удалился от королевского двора.

И в наше время есть такие, кто преуспел в искусстве Лиса, кто, подобно Рейнарду, прокладывает себе путь обманом и лестью. Много таких, полагаю я, и среди светских господ, и среди церковных служителей. Многие, многие следуют по его тропе и стремятся к его цели, и имя его не забыто. Его последователи и мастера его искусства процветают в нашем мире. И всегда они преуспевают, добываясь власти и могущества; те же, кто пренебрегают Рейнардовым искусством, не стоят ничего и не добьются успеха ни на одном жизненном поприще. Но если же кто послушно шел по следу Рейнарда и усердно у него учился, то такому найдется место среди нас. Потому как он отлично знает верные способы достичь желанных высот и вознестись над остальными. Щедрой рукой посеял Рейнард свои семена, которые повсюду дали обильные всходы. И подобных Лисов сейчас превеликое множество, хотя и не все они с рыжей бородой.

Честные же люди отвержены, правда и истина изгоняются и преследуются, а вместо них достались нам алчность, лживость, ненависть и зависть. В любой стране правят ныне эти вожди. Будь то при папском дворе или при императорском, у королей, герцогов либо у других господ – везде и всюду каждый только и старается, как бы сподручнее оттереть соседа, не дать ему почета и власти, а самому забраться повыше, не гнушаясь при этом ни ложью, ни лестью, ни подкупом, ни даже насилием. При дворе нынче только одна любовь и только одна ценность – это деньги. Их почитают превыше Господа Бога. Потому что ради них делается гораздо больше. И если кто-либо приходит с деньгами, то принимают его с почетом и исполняют любые желания. Кому же вредят деньги более всего? Деньги – это бесчестье, это страх за свою жизнь, это лжесвидетельства против честных людей. От денег жизнь становится нечистой и лживой.

Нынешние ученые мужи отправляются в Париж, в Рим и иные места и там обучаются мастерству Рейнарда. И будь то священник или простой человек, каждый охотно следует по тропе Рейнарда и ищет там свою нору. В мире сейчас так все устроено, что всякий печется прежде всего о своей выгоде. Даже страшно представить, к какому концу нас приведет такая жизнь. Все мудрые мужи посыпают голову пеплом, размышляя на эти темы. И страшно мне, что за всю ложь, за все убийства и разбой, что совершаются нынче с такой легкостью, за бесстыдный разврат и блуд, похваляющиеся своей наглостью и не знающие раскаяния, за все это Бог нам отомстит и жестоко накажет. К Нему, от Кого ничего не скрыто, к Нему я робко взываю и молю Его сжалиться над нами и позволить нам искупить свою вину, пока не стало слишком поздно. Чтобы мы могли жить по Его закону. Посему я завершаю свое дело, ибо к чему писать мне о чужих прегрешениях, когда у меня и своих хватает. Я буду в мире и покое предаваться молитвам, настало теперь наилучшее время для искупления грехов. И всякому я советую поступить так же сейчас, в этой жизни, и это послужит ко всеобщей пользе. Ибо после этой жизни уже не останется времени на искупление грехов, но каждому придется отвечать самому и самому нести свой крест.

Друзья и родичи Рейнарда, числом всего одиннадцать, также откланялись и отправились все вместе с Лисом, который был безмерно рад и счастлив, что одержал такую победу и что снова в великой милости у короля. Не зная стыда, он думал о том, что благодаря королевскому благорасположению сможет помогать своим друзьям, врагов же, наоборот, наказывать и притеснять. И вообще сможет впредь делать все, что только пожелает. И никто не посмеет его обвинить, надо только вести себя разумно.

Долго шел Лис в обществе друзей и наконец пришел в замок. Там все друзья стали прощаться с приличествующими случаю любезностями. Рейнард выказал каждому глубокое уважение и дружескую благодарность за их веру и поддержку, которую они проявили. Он предложил каждому свои услуги, если будет в том нужда, и обещал помогать всеми способами. На этом они расстались, и друзья отправились восвояси. Лис же вернулся к

госпоже Эрмелине, которая встретила его радостно. Он поведал ей и детям обо всех невероятных событиях, что произошли с ним при дворе. Он не упустил ни одного слова, ни одного происшествия, какое там случилось. Рассказал им все о своем чудесном спасении. Они очень обрадовались, что их отец и муж стал столь знатным королевским вельможей. И Лис до конца дней жил со своей женой и детьми в великой радости и счастье.

А если же кто рассказывал вам о Лисе больше или меньше того, что вы сейчас услышали, то не верьте ему, ибо это ложь. Но тому, что изложено здесь, верьте без сомнения. А кто не станет этому верить, тот, выходит, не отличит правду от вымысла. Есть многие, кто верит больше тому, что видел своими глазами, но разве мало в мире такого, чему все верят, но чего никто никогда не видел? А ведь есть еще и выдумки, разные картины и пьесы, повествующие о том, чего никогда не происходило, но призванные служить примером для людей, чтобы делать их лучше, чтобы люди следовали изображенному там примеру мудрости и добродетели, а соблазна и греха избегали. Так же и эта книга. Читатель найдет здесь и выдумки, и шутки, в которых, однако, скрыт полезный урок и многие премудрости, способные помочь ему стать добродетельнее и честнее. Книга говорит о жизни вообще, а не о каком-то отдельном человеке. И путь каждый читатель найдет в ней то, что ближе и понятней ему. Тот, на ком лежит какая-то вина, пусть раскается и станет лучше, тот же, кто ведет праведную жизнь, пусть и далее следует по этому пути. Если же какие-то слова из книги придется кому-то не по нраву, не вините меня, вините Лиса, это же его слова, а не мои. Обращаюсь ко всем, кто возьмет в руки эту безделицу: если кто найдет ошибки, пусть исправит их. Я же ничего от себя не прибавил и не убавил, а следовал в точности голландскому оригиналу, который мною, Уильямом Какстоном, был переведен на наш грубый и простой английский в Вестминстерском аббатстве. Работа сия завершена в шестой день месяца июня года 1481 от Рождества Христова и в 21-й год правления короля Эдварда Четвертого.

Так заканчивается история о Рейнарде Лисе.

Основные ветви старофранцузского «Романа о Лисе»

- 1174 – 1178 II-Va ¹ Ренар ² и Шантеклер. Ренар и синица. Тиберт смеется над Ренаром.
- Ренар и Ворон. Адюльтер и надругательство над Герсентой ³.
- 1178 III Кража рыбы. Монашество Изенгрима. Хвост в полынье.
- V Ренар, Изенгрим и кража окорока. Ренар и сверчок.
- ? XV Ренар, Тиберт и простофиля.
- 1178 IV Ренар и Изенгрим в колодце.
- 1178 XIV Ренар и Тиберт в погребке. Злоключения Примаса.
- 1179 I Суд над Ренаром, или Тяжба.
- 1180 – 1190 X Ренар-врачеватель.
- 1190 VI Единоборство Ренара и Изенгрима. Ренар в монастыре.
- 1190 XII Ренар и Тиберт в овчарне, или Вечерня Тиберта.
- 1190 VIII Паломничество Ренара.
- 1190-1195 Ia Осада Мальпертуи.
- ? Ib Ренар-красильщик. Ренар-жонглер.

¹ В переводе Анатолия Наймана на русском языке публиковались отрывки из I, Ia, Ib, II III, X, XI и XVII ветвей «Романа о Лисе» (см.: Роман о Лисе / Пер. со старофр. А. Наймана. Предисл. А. Михайлова. М., 1987).

² Здесь и далее имена героев даны согласно французскому написанию.

³ В «Истории Лиса Рейнарда» волчица названа Эрвиной.

- 1195-1200 VII Исповедь Ренара.
 1195-1200 XI Ренар-император.
 1200 IX Крестьянин Лиетар¹, или Ренар и Медведь.
 1202 XVI Ренар и крестьянин Берто, или Дележ Ренара.
 1205 XVII Смерть и похороны Ренара.

Поздние ветви, появившиеся в первой половине XIII века

- XIII Лисья шкура. Ренар красится в черный и называется Шуфлет.
 XVIII Изенгрим и священник Мартин.
 XIX Изенгрим и Кобыла Райзант.
 XX Изенгрим и бараны.
 XXI Медведь Косолапый, крестьянин и его жена.
 XXII Засеянное поле, или Совместный труд.
 XXIII Ренар-колдун. Женидьба короля Нобля.
 XXIV Рождение Ренара и Изенгрима.
 XXV Ренар и цапля. Ренар и лодочник.
 XXVI Простофиля играет в классы.

БИБЛИОГРАФИЯ

РОМАН О ЛИСЕ

Наиболее полной и современной работой, посвященной «Роману о Рейнарде», включающей в себя исчерпывающую библиографию, характеризующую издания, распространение и историю изучения романа, является книга: Flinn J. Le Roman de Reanart dans la Litterature Fran çaise et dans les Litteratures Etrangeres au Moyen Age. Toronto, 1963.

Французские версии:

Le Roman de Renart / Publie d'apres les manuscrits de la Bibliotheque du Roi des XIIIeme, XIVeme et XVeme siecles, par D. -M. Meon. Paris, 1826. 4 vol.

Supplement, variantes et corrections / Par P. Chabaille. Paris, 1835.

Le Roman de Renart / Publie par Ernest Martin. Strasbourg, 1882 -1887. 3 vol.

I, L'Ancienne Collection des branches, 1882;

II, Les Branches additionnelles, 1885;

III, Les Variantes, 1887.

Observations sur le Roman de Renart, suivies d'une table alphabetique des noms propres, supplement de l'edition du Roman de Renart / Par Ernest Martin. Strasbourg, 1887.

Le Roman de Renart / Edite d'apres le manuscrit De Cange par Mario Roques. Paris, 1948 – 1958. – (Classiques Fran çais du Moyen Age; T. 78, 79, 81, 85).

I, Premiere Branche: Jugement de Renart, Siege de Mau -pertuis, Renart Teinturier, 1948;

II, Branches II – VI: Le Puits. La Naissance, Chanteoler, La Mesange, Tibert, Les Deux Preires, Les Beliers, La Femme du vilain, 1951;

III, Branches VII-IX: Renart et le Corbeau, Le Viol d'Hersent, L «Escondit», Le Duel de Renart et d'Isengrin, Le Pelerinage Renart, 1955;

IV, Branches X – XI: Lietart, Renart et la mort de Brun, Les Vepres de Tibert, 1958.

¹ Плотник Лантферг в «Истории Лиса Рейнарда».

Роман о Лисе / Пер. со старофр. А. Г. Наймана. Пре-дисл. А.Д.Михайлова. М., 1987.

Эльзасские версии:

Reinbart Fuchs / Ed. Karl Reissenberger. Halle, 1886. -(Altdeutsche Textbibliothek; Hf. 7).

Heinrichs des Glichezars Reinhart Fuchs / Herausgegeben von G. Baesecke, mit einem Beitrage von Karl Voretzsch. Halle, 1925. – (Altdeutsche Textbibliothek; Hf. 7).

Das mittelhochdeutsche Gedicht vom Fuchs Reinhart, nach den Casselh Bruchstucken und der Heidelberger Hand-schrift / Herausgegeben von Georg Baesecke. Zweite Auflage besorgt von Ingeborg Schroeblor. Halle, 1952.

Рейнеке-лис: поэма XV века / Пер. Л. Гинзбурга. М., 1978.

Голландская прозаическая версия :

Reynaert de Vos: Reynier le Renard, versions en prose neerlandaise et française, reimpression de Peditio plan-tinienne de 1566. Anvers, 1924.

Английские версии :

Of the Fox and of the Wolf // A Selection of Latin Stories of the 13th. and 14th. Centuries / Ed. Thomas Wright. London, 1842.

The History of Reynard the Fox, translated and printed by William Caxton / Ed. Edward Arber. Southgate, London, 1878.

The Nonne Preestes Tale // The Complete Works of Geoffrey Chaucer / Ed. F.N.Robinson. Boston, 1933.

ЛАТИНСКИЕ ТЕКСТЫ

«Избавление узника» и «Изенгрим» – Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 117-127, 461-468.

Петр Альфонсин. «Наставление клирикам» Die Disciplina Clericalis des Petrus Alfonsi: das alteste Novellenbuch des Mittelalters / Herausgegeben von A. Hilka und W. Soderhjelm. Heidelberg, 1911. – (Sammlung mittel-lateinischer Texte; Hf. 1).

Одо из Черитона. Басни и примеры

Eudes de Cheriton et ses derives // Hervieux L. Les Fabu-listes Latins depuis le siecle d'Auguste jusqu'a la fin du Moyen age: In V vol. Paris, 1893 -1899. Vol. IV.

A Selection of Latin Stories from Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries: a Contribution to the History of Fiction during Middle Ages / Ed. Thomas Wright. London, 1842.

Яков де Витри. Примеры из проповедей Die Exempla aus den Sermones feriales et communes des Jakob von Vitry / Herausgegeben von J. Greven. Heidelberg, 1914. – (Sammlung mittellateinischer Texte; Hf. 9).

The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques de Vitry / Ed., with Introd., Analysis, and Notes by Th. F. Crane. New York, 1890.

«Послание Льва Ослу и Зайцу с тем, чтобы они доставили к нему Лиса» и «Ответное донесение Зайца Льву»

Flinn J. Le Roman de Reanart dans la Litterature Française et dans les Litteratures Etrangeres au Moyen Age. Toronto, 1963. P. 693 -695.

«Руодлиб»

Ruodlieb: editio critica / Ed. B. K. Vollmann. Wiesbaden, 1985.

«Физиолог»

Physiologus Latinus Versio Y / Ed. F. J. Carmody // University of California Publications in Classical Philology. 1941. Vol. 12. P. 95 -134.

Анонимный «Трактат по физиогномике»

Anonyme Latin. Traite de Physiognomonie / Texte etabli, traduit et commente par J.Andre. Paris, 1981. (Русский пер. Д. Захаровой).